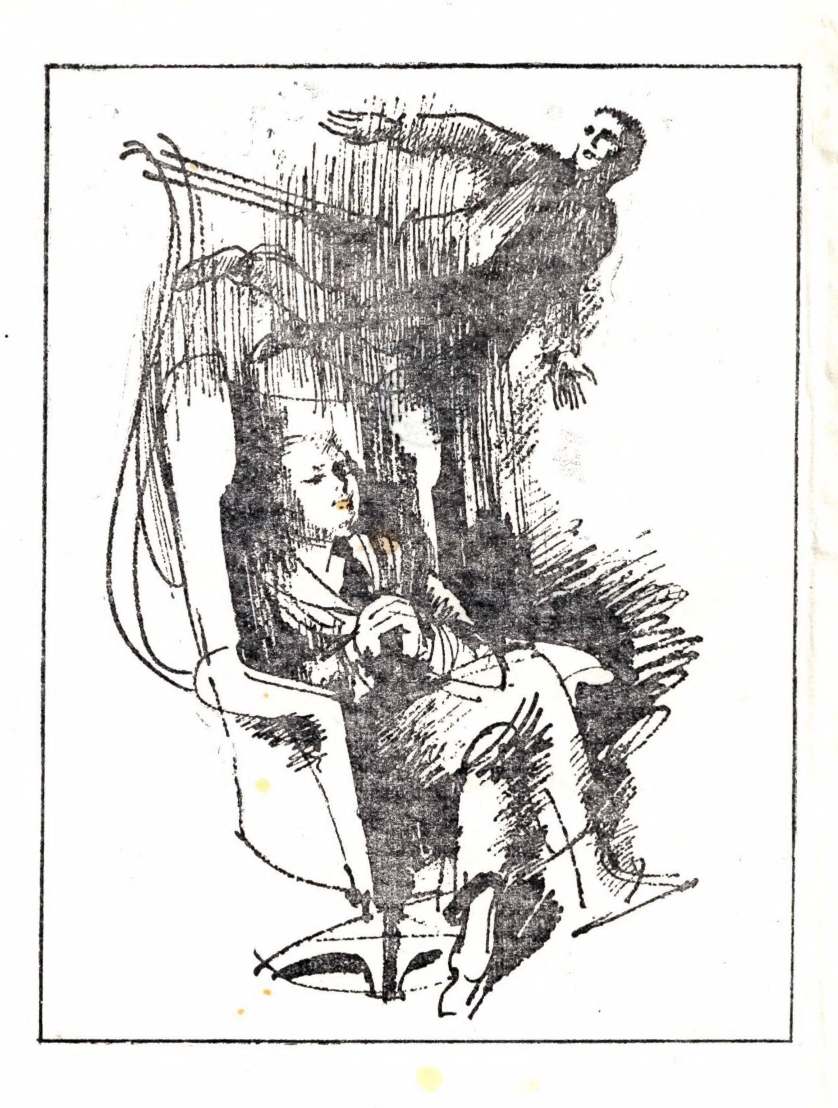

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИР

Двое на озере Кумран

Сборник научно-фантастических рассказов

Перевод с итальянского Л. Вершинина

Послесловие Е. Парнова

Издательство «Мир»
Москва
1972

И (Итал)
Д 22

Д 22 **Двое на озере Кумран.** Сборник науч.-фант. рассказов. Пер. с итал. Л. Вершинина. Послесл. Е. Парнова. М., «Мир», 1972.
216 с. (Зарубежная фантастика)

В новом, третьем по счету, сборнике научно-фантастических рассказов прогрессивных итальянских писателей представлены произведения известных фантастов Анны Ринонаполи, Лино Альдани, Марко Дилиберто и др. Включенные в сборник рассказы, трактующие космическую тему, проблему контактов и путешествий во времени, а также юмористические рассказы позволят читателю судить о направлении современной итальянской фантастики.

$\frac{7\text{-}3\text{-}4}{178\text{-}72}$ И (Итал)

Редакция научно-фантастической и научно-популярной литературы

Маурицио Виано

Двое на озере Кумран

В тот день я вернулся домой позднее обычного: не хотелось ни с кем говорить. Вошел по возможности бесшумно, снял ботинки и босиком, не зажигая огня, прокрался по коридору в маленькую столовую. Только я уселся в кресло, как в ванной скрипнула дверь, и минуту спустя послышалось журчание спускаемой воды. В глубине души я надеялся, что меня не заметят. Но Марчелло, возвращаясь по коридору, заглянул в столовую и, разумеется, увидел меня. В первый момент чей-то силуэт, вырисовывавшийся на фоне раскрытого окна, настолько напугал его, что он мгновенно включил свет.

— Папа? Что ты тут делаешь? Почему не идешь спать?

Тут же не замедлила явиться Лючия и Альберто, и начались привычные разговоры и попреки, которых я так надеялся избежать.

Лючия оседлала своего любимого конька. Она заявила, что у нас почти нет денег, а до конца месяца еще далеко. Да и долгов накопилось порядочно, мои же заработки просто смехотворны. Короче, во всех бедах виноват только я. Сыновья тоже смотрели на меня недружелюбно, а я, глядя на них, думал: «Чужие, совсем чужие». Совсем еще несмышленыши, а туда же, враждебно молчат, только глаза под стеклами очков на худых лицах смотрят с немым укором.

Лючия не преминула вспомнить слова врача. Сердце, де, у меня не в порядке, того гляди, может

случиться инфаркт. А раз врач сказал, ему надо верить. Согласен. Что дальше?

Лично я считаю бессмысленным обсуждать проблемы, решить которые все равно невозможно.

— Идите лучше спать, дайте мне побыть одному. Я скоро приду, — как можно дружелюбнее сказал я.

Нет, оттого что я еще полчасика посижу в кресле, я вовсе не схвачу воспаления легких. Хорошо, я накину на ноги плед. Да, да, завтра мы обо всем поговорим, не только о долгах и моей болезни, но и о том, куда вы поедете отдыхать летом. Обещаю. Но сейчас оставьте меня в покое. Да, завтра... завтра утром.

Уф, наконец-то я их уговорил. Теперь можно и выключить свет. Дверь закрыта на ключ, так что больше они мне не помешают. Через несколько минут я снова отправлюсь на озеро Кумран ловить рыбу. Где находится озеро, я до сих пор точно не определил. Во всяком случае, очень далеко отсюда, другим туда не добраться. Значит, лучшего места не найти. Берега озера надежно укрыты низкорослыми, раскидистыми деревьями с густой кроной. Воздух, кажется, застыл навсегда, а если всмотреться в прибрежный песок, то легко заметить розоватые ракушки. Только ракушки эти не простые. Стоит нагнуться и дотронуться до них, как из створки вынырнет мышиная мордочка, вслед за ней покажется хвостик, и вот уже ожившая ракушка, семеня бесчисленными ножками, спешит прочь.

Цвет воды в озере беспрестанно меняется. Я так и не сумел точно определить: то ли она голубая, то ли зеленая. А может быть, синяя? Само озеро мелкое, даже на самой середине мне едва по пояс. Словом, идеальное место для купания и рыбной ловли. А я страстный рыболов.

Впервые я попал на озеро Кумран, когда мне было всего пятнадцать лет.

Как-то в конце августа, когда я с друзьями возвращался с прогулки, поблизости упала светящаяся звездочка. Все бросились наутек. Я бы тоже удрал, если б не увидел, как Марина, быстро-быстро перебирая худыми ногами, побежала к холмику, на который упала звездочка. Я догнал ее и схватил за рыжеватые косы.

Она обернулась, лягнула меня ногой да еще укусила в руку. Я потерял равновесие, упал, ткнувшись лицом в песок. А когда приподнялся, Марина уже сидела на корточках над маленьким кратером и лихорадочно раскапывала землю. Охая и чертыхаясь, я спросил, что она делает. Она ответила, что хочет откопать звездочку, застрявшую вон в той дырке, и взять ее себе.

Я глупо рассмеялся и отер рукавом грязное лицо.

— Ты что, спятила? Да ты вся обгоришь! Разве не знаешь, что падающие звезды горячее кипятка?

— Испугался?! Ну и убирайся! Я и раньше знала что ты трус.

И она погрозила мне кулаком.

Но я продолжал стоять, и тогда Марина сменила гнев на милость. Сказала, что не боится обгореть. А если звездочка и вправду очень горячая, то она придет дня через два-три, когда звезда уже остынет.

Руки у нее покрылись бурыми пятнами. Я не пожалел носового платка, разорвал его надвое, нагнулся и обвязал ее обожженные руки. Она сжимала зубы от боли, но ни разу не застонала. Только тут я заметил, что у нее обгорели не только руки, но и платье, а на коленях темнели ранки. Идти ей было больно, она прихрамывала. Тогда я взял ее на руки. Я был высокий и крепкий и без труда нес ее на руках, такую легкую, хрупкую. Она тихонько всхлипывала, но, когда мы подошли к гостинице, умолкла.

Мой отец, едва завидев нас, подбежал ко мне и влепил звонкую пощечину. Потом все-таки смягчился, помог отнести Марину в ее номер и вызвал врача. Мы приехали в это селение целой компанией и остановились в гостинице. Врач приехал минут через тридцать.

Едва дождавшись темноты, я незаметно вышел из гостиницы и направился к тому месту, где упала звезда. Кругом было тихо. Я вынул из кармана щипцы с деревянной ручкой, которые захватил в гостинице, и подошел к ямке. Из углубления, где лежала звезда, курился дымок. Я нащупал щипцами что-то твердое на дне, но вытащить находку сумел лишь с третьей попытки.

Упавшая звезда оказалась не чем иным, как зеленым камнем с запекшейся по краям лавой. Отложив камень в сторону, я снова принялся шарить щипцами в ямке, но больше ничего не нашел. У меня обгорели рубашка и брюки, в перчатках зияли дыры, щипцы почернели и оплавились.

По дороге к гостинице я набрел на дом какого-то крестьянина с наглухо закрытыми ставнями. Возле дома был колодец. Набрав из колодца воды, я поднял камень и положил его в ведро. Камень зашипел и задымился. К счастью, он уже успел немного остыть и не прожег ведро. Так я стал владельцем собственной «звезды».

Вскоре я уже был у себя в номере. Лег на кровать, но никак не мог заснуть. Все тело ныло и болело, словно меня пытали раскаленным железом.

Свою находку я положил на столик, там она и лежала — гладкий, чуть влажный зеленый камень. Я взял его в руки и принялся рассматривать. Но глаза слипались. Так, держа в руках зеленый камешек, я незаметно для себя заснул. А когда снова открыл глаза, то прямо перед собой в ярких лучах

солнца увидел озеро. Я никогда прежде не бывал на этом озере, но почему-то сразу понял, что здесь мне будет хорошо.

Вообще-то озеро как озеро. Ничего особенного. Берега пологие, голые, лишь у самой воды густо растут деревья и кусты. Птицы лениво перелетают с ветки на ветку, словно их неудержимо притягивают к себе лучи солнца. А само солнце совсем маленькое, и к этому трудно сразу привыкнуть. У меня было такое ощущение, будто это миниатюрное солнце, в полной гармонии с окружающим миром, легким, невесомым, соткано из золотистой паутины и способно рассыпаться при малейшем толчке. Страшно было даже ступить на землю — вдруг провалится. Только страхи мои были напрасны. Я и сам почувствовал себя удивительно легким, оттолкнулся, взмыл в воздух, и поплыл над землей. Остановка. Новый прыжок, и я опять парю в поднебесье. Внезапно на горизонте возникла безбрежная озерная гладь. И почти тут же солнце нырнуло в воду. Наступила ночь. Подул слабый ветерок, на небе высыпали крупные веселые звезды. Раскрылись венчики цветов, и в воздухе разлился приятный сладковатый аромат.

Потом кромешная тьма, и я снова очутился в гостинице. Обожженные места нестерпимо болели. Но я прекрасно помнил все, что со мной происходило на озере, и крепко сжимал в руке зеленый камень.

Утром я отправился к Марине. Вся она была перевязана — лицо, руки, ноги. Мы посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Я сунул руку в карман.

— На, держи.

— Что это?

Я рассказал ей про камень и про то, что случилось со мной ночью.

У нее заблестели глаза. Она села в кровати и обняла меня так крепко, что я чуть не задохнулся. Потом, не отрывая восхищенного взгляда от зеленого камня, сказала, что никогда не забудет моего подвига. Никогда. Так и сказала.

— Сегодня ночью, когда ляжешь спать, возьми камень и крепко сожми его в руке, — с таинственным видом прошептал я.

— Он мой? Ты мне его даришь?

— Еще не знаю. Пока держи его у себя. А завтра поговорим.

На улице я встретил группу ребят. Они наперебой принялись расспрашивать меня о Марине, особенно настойчиво Бернардо, сын богатого адвоката. Он все допытывался, почему мы так поздно вернулись в гостиницу и что делали на холме.

— Гуляли, — ответил я.

Но Бернардо не очень-то удовлетворил такой ответ. Он здорово задирал перед нами нос, и только на том основании, что отец подарил ему мотоцикл. Конечно, для шестнадцатилетнего юноши такой подарок недурен. Бернардо был по уши влюблен в Марину. Впрочем, не только он. Все мальчишки табуном ходили за ней и старались перещеголять друг друга в комплиментах. Бернардо даже похвастался, что вчера днем ему удалось поцеловать Марину. Но я не уверен, что это правда, он всегда любил приврать.

— Если бы не твои ожоги, — сказал он с вызовом, — я бы тебя проучил. Понял?

Я повернулся и ушел. Днем отец отвез меня в город — у него там были какие-то дела, а заодно он решил показать меня врачу. Ожоги оказались достаточно серьезными. Я две недели пролежал в больнице, мучаясь не столько от боли, сколько от сознания того, что не вижусь с Мариной. Но она написала мне пять писем.

Когда же я вернулся, она, увидев меня в холле гостиницы, сразу сделала неприступный вид и отвернулась. Возле нее, по обыкновению, толпились мальчишки, она лизала мороженое и с удовольствием слушала расточаемые ей комплименты. Каждый рвался угостить ее чем-нибудь. Особенно старался Бернардо. Он то и дело отзывал ее в сторонку и что-то шептал на ухо.

На меня она не обращала никакого внимания. От ярости я уже готов был броситься на ее поклонников. Но она жестом велела мне подождать ее на улице.

— Так тебя подлечили? — как ни в чем не бывало сказала она. — У меня тоже все прошло. Через неделю мы возвращаемся домой. Уже сентябрь, начались дожди, здесь больше нечего делать.

Мы шли рядом, остальные во главе с Бернардо неотступно следовали за нами.

— Я получил твои письма, Марина. Значит, ты тоже была на озере?

— На, держи.

Она протянула мне облизанный конус мороженого, и я мгновенно уничтожил его.

— А им что надо? — ревниво спросил я, показав на ватагу мальчишек.

Марина тряхнула головой, и на солнце ее рассыпавшиеся волосы заблестели, точно молодое игристое вино.

— Прикажешь их прогнать?

Я чуть не задохнулся от ревности.

— Тогда я заберу камень. Смотри, я не шучу, Марина.

Из ее писем я уже знал, что и она несколько ночей подряд провела на озере.

Она молчала.

— Во всяком случае, мне тоже хочется снова там побывать, — продолжал я. — Надо что-то придумать.

— Что тут можно придумать? — в растерянности сказала она.

Мы уже прошли, наверно, полселения. Мальчишки то и дело ускоряли шаги и приближались к нам. Марина внезапно оборачивалась, резко отгоняла их, но через минуту они снова оказывались совсем рядом.

После долгих споров мы решили, что каждый из нас будет пользоваться камнем по очереди. Я попросил, чтобы Марина описала долину возле озера и само озеро — мне хотелось удостовериться, действительно ли мы побывали во сне в одном и том же месте. После ее рассказа у меня не осталось никаких сомнений: все совпадало в мельчайших подробностях. И тут мне пришла в голову одна мысль:

— Сегодня ночью я снова отправлюсь туда и оставлю условный знак. Посмотрим, найдешь ли ты его завтра.

Марина вернула мне камень, и ночью я опять очутился на озере. Памятуя об обещании, я сорвал ветку и начертил ею на песке две параллельные линии. Хотел оставить какое-нибудь вещественное доказательство своего пребывания, но вдруг заметил, что на мне ничего нет. Что делать? Я сел на холмик и задумался. Потом нашел выход — набрал на берегу несколько камешков и сложил из них свое имя. Хорошенько осмотревшись вокруг, постарался получше запомнить место: скала и несколько одиноких деревьев служили отличными ориентирами, по ним нетрудно будет отыскать мои знаки. И верно, на следующую ночь Марина легко нашла «послание» и рядом с моим именем, тоже из камешков, выложила «Марина».

Однако из камешков длинных фраз не составишь. Вот почему наши «диалоги» были краткими и простыми.

Положив на песок красный, только что сорванный плод, я написал: «Съешь его. Он вкусный».

А она ответила: «Не особенно».

«Тебе не угодишь».

Немного позднее Марина написала: «А я сегодня искупалась». Она первой решилась войти в воду. По правде говоря, я был скверным пловцом и побаивался глубины. Но не мог же я отстать от Марины! И я отважился. Вода оказалась приятной, чуть соленой, плыть было удивительно легко. Вернувшись на берег, я гордо написал: «Я тоже купался» и поставил для пущей важности два восклицательных знака.

Настал день, когда Марине надо было уезжать. Лето кончилось, и мне самому пришла пора собираться домой, в город. Перед отъездом мы условились о встрече. Звезду договорились в конце каждого месяца пересылать друг другу почтой — ни один не хотел добровольно отказаться от волшебного озера.

— А как мы его назовем? — спросил я у Марины. — Ведь ему нужно дать какое-нибудь имя.

Не помню уж почему мы решили назвать озеро «Кумран». Кажется, оба читали рассказ о таинственном озере Кумран, похожем на наше, с той только разницей, что свое озеро мы видели лишь во сне. Но что такое сон? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа. Одно кажется мне несомненным: когда мы спим, наши затаенные мечты, подобно бабочкам, стремительно взлетают ввысь, к звездам. Они жаждут вырваться на свободу, преодолеть узкое, ограниченное пространство бытия, но на них давят, прижимают к земле могучие центробежные силы. И только во сне им удается вырваться, взлететь ввысь, умчаться в прошлое или устремиться в будущее. И это великое счастье, иначе человек не смог бы жить в окружающем его давящем, душном мире.

Но люди разучились летать. Поэтому, взлетев, они обычно не решаются ринуться в неведомые дали. Держатся поближе к земле, к своему дому-прибежищу.

Подобно слепым птицам, они беспрестанно натыкаются на всевозможные препятствия, камнем падают вниз, чтобы, придя в себя, снова взмыть в небо. Нередко в полете они встречаются с другими людьми, рвущимися ввысь. И тогда с ними происходят удивительные приключения, вспыхивает невероятная любовь... но, увы, только во сне. И человек просыпается с горьким ощущением пустоты, полный смятения и разочарования.

И только если человек сумеет отыскать тот невидимый другим путь, который приведет его к звездам, ему удастся попасть в безбрежные дали, где не давят пространство и время.

Такой путеводной нитью, соединившей меня и Марину с неведомым, сказочным миром, оказался маленький зеленый камень.

Надо ли говорить, что это всего лишь моя гипотеза. Возможно, очень несостоятельная с научной точки зрения. Но как иначе объяснить все то, что с нами случилось? Впрочем, тогда, в свои пятнадцать лет, я не нуждался ни в каких объяснениях. Меня волновало одно: только бы не кончились восхитительные ночные приключения, мне было так хорошо на озере Кумран!

В день отъезда мы пошли с Мариной в сосновую рощу. На прощанье Марина сказала:

— До скорой встречи на озере.

Она встала на цыпочки, быстро поцеловала меня и бросилась прочь.

— Марина, подожди! — крикнул я ей вслед. Но она уже была далеко.

Несколько лет кряду мы исправно пересылали друг другу камень по почте. Каждый держал его у себя ровно месяц. Теперь, на свободе, я принялся основательно изучать удивительный мир. Каждому увиденному мною зверю, птице, растению я давал

самые произвольные названия. Неподалеку от озера я открыл высокую горную цепь и множество пещер. Иногда мне случалось поохотиться с луком и стрелами, которые я сделал сам, без чьей-либо помощи. На больших упругих листьях я писал Марине тьму посланий и даже умудрился вести дневник. Иногда Марина отвечала мне, но иной раз мои письма оставались без ответа. Она «сплетала» причудливые гирлянды из разноцветных камней, и я всегда их находил. Однажды я поймал какого-то коричневого зверька, соорудил для него клетку из веток деревьев и оставил на видном месте, чтобы Марина могла сразу ее увидеть.

А потом нам пришла в голову мысль соорудить хижину. Собственно, строил хижину я, Марина лишь украшала ее цветами и птичьими перьями. Зато циновку из прутьев мы плели вместе. Каждый на следующую ночь продолжал начатый узор. В самой середине циновки должны были переплестись наши имена. И тут неожиданно для самого себя я «вышил» довольно глупую фразу: «Люблю тебя» с доброй дюжиной восклицательных знаков.

С замиранием сердца я ждал ответа. И он пришел, но был для меня весьма неожиданным. К тому времени я поступил в институт и там познакомился с одной девушкой, которая всячески старалась заманить меня к себе домой. И вот однажды, когда я завтракал, мне вручили телеграмму. Я прочел ее... и опрометью выбежал из комнаты. Мать с отцом что-то кричали вслед, но я даже не обернулся.

Когда, едва переводя дух, я прибежал на станцию, поезд уже прибыл. Из окошка высунулась головка с копной золотистых волос.

— Хорошо, что ты пришел. Мне хотелось тебя повидать. И вот я решила дать тебе телеграмму, — сказала Марина.

Она вынула из сумочки зеркальце и принялась красить губы.

— Как ты потолстел! — воскликнула она. — Мой милый, тебе следует сесть на диету. Как можно так опуститься!

За ее спиной появился мужчина в одной рубашке, без пиджака. Зевая, он подошел к окну.

— С кем это ты беседуешь, Марина? — спросил он.

— Со своим другом, Томеро. Очень хорошим другом. У нас с ним даже есть общая тайна и не вздумай допытываться, все равно не скажу. Но, господи, до чего же ты стал большой и толстый! Как, по-твоему, Томеро, на кого он похож?

— На гиппопотама?

— Ну, это уж чересчур!

Она засмеялась. А затем положила в сумочку губную помаду и зеркальце и водрузила на нос огромные, круглые очки, отчего ее лицо сразу неузнаваемо изменилось.

— Мы решили провести свой медовый месяц в Таормине, — объяснил Томеро, зевнув раза три кряду. — Вы никогда не были в Таормине? Лучшего местечка для молодоженов не найти. Поезжайте и сами убедитесь, что я прав.

Поезд тронулся. Я стоял на перроне, а из открытого окошка доносился голос Марины:

— Ты все-таки подумай о диете. А то смотри, какой у тебя живот! — Марина произнесла эти слова с таким видом, словно от них зависела вся моя жизнь. — Знаешь, я очень разочарована, — продолжала она. — Никогда бы не подумала, что ты можешь так растолстеть! Ты и в самом деле стал... как гиппопотам.

Поезд набрал скорость и скрылся вдали.

С той поры многое изменилось в моей и ее судьбе. Но зеленым камнем мы продолжали обмениваться

по-прежнему, правда, теперь не так регулярно, как раньше. Посылки прибывали ко мне из разных стран. Часто я не знал, куда посылать волшебный камень, пока не прибывала открытка с очередным адресом. Как-то мне довелось прочитать в газетах, что Марина снимается в кино. Играла она и в театре, но без особого успеха. Ее брак оказался неудачным и длился очень недолго.

Что до меня, то я продолжал ночные путешествия на озеро. Теперь больше чем когда-либо я ощущал этот мир «своим» и даже пытался навсегда остаться в нем, цеплялся за кусты, за камни. Но неумолимая сила тянула меня назад, в тюрьму, ворота которой, едва я просыпался, мгновенно открывались и поглощали меня.

Когда-нибудь мы научимся свободно летать, где нам хочется. Но куда бы меня ни забросило, я всегда вернусь на озеро Кумран и буду плавать в его мерцающих водах, слушать тишину, греться в лучах крохотного солнца.

Шли годы. Я женился. У меня появились дети. Но что изменилось в моей судьбе? Этот мир, где люди только делают вид, будто им живется чудесно, мир вульгарной наживы и нелепых правил поведения, мир, паутиной склеивший крылья бабочки-мечты, стал для меня слишком тяжелым, давящим. Я едва живу в нем, и даже дышать мне становится все труднее. Сердце устало, оно вот-вот остановится, и я его понимаю. Разве может человек, даже согнувшись в три погибели, выдержать столь тяжкую моральную нагрузку? Вот мы и волочим при ходьбе ноги, и каждый шаг стоит нам неимоверных усилий.

А там, на озере Кумран, все по-другому. Там я неутомим и даже находчив. Я своими руками построил настоящую парусную лодку с мачтой, научился с легкостью взбираться на крутые скалы и деревья.

Я великолепно плаваю, часто хожу на охоту либо на рыбную ловлю и чувствую себя необычайно сильным, способным преодолеть любые препятствия. Это — единственная моя радость. В этом мире я не старею. Больше того, моя отвага и энтузиазм крепнут буквально с каждым днем.

Постепенно я научился прилетать на озеро и днем. Когда я, к примеру, еду в трамвае, или нахожусь на службе, или в дурно пахнущем зале дешевого кинематографа и меня начинает мутить, достаточно мне нащупать в кармане круглый камень, закрыть глаза, сосредоточиться, и сразу исчезают запахи, теснота, нелепые лица соседей. И вот уже я свободен, снова в своем любимом краю.

Увы, однажды жена заметила мое странное, полуобморочное состояние. Женщины — существа впечатлительные. Она перепугалась, вызвала врача, и меня чуть не увезли в больницу. Я понял, что дневные «полеты» на озеро слишком рискованны, и снова стал путешествовать лишь по ночам. Как-то утром я открыл газету, и мне бросилась в глаза фотография Марины. Она приехала в наш город на съемки.

Выяснив, в какой гостинице она остановилась, я позвонил ей.

— А, это ты? — Я сразу узнал ее по голосу. — Прости, милый, но у меня нет ни одной свободной минуты. Спешу на прием.

— Вот как!

— Да, там будут журналисты, фоторепортеры. Ничего не поделаешь — новый фильм. Режиссер очень талантливый человек. Настоящий интеллектуал. Представляешь себе, он даже с высшим образованием. А ты?

— У меня нет высшего образования.

— Неужели! Что же ты делаешь?

— Служу. Работаю в архиве. Это меня вполне устраивает — к счастью, почти не приходится встречаться с людьми.

— А я люблю бывать на людях. Лишь когда вокруг меня толпа поклонников, я чувствую себя живой, полной сил. Тебя это удивляет?

— Мне хотелось бы тебя повидать.

— Но у меня в самом деле нет времени. Да и зачем? Пусть все останется, как было.

— Всего на каких-нибудь полчаса, Марина. Ведь мы так давно не виделись. Хочешь, я приду к тебе и мы немного поболтаем?

— Меня ждут. Я и так опаздываю. Я должна была приехать ровно в пять.

Об этом приеме я уже знал из газет. Знал, что он состоится в роскошной гостинице на одной из центральных улиц города.

Я надел свой лучший костюм и отправился в гостиницу. Костюм был сшит еще до свадьбы, он ужасно жал мне под мышками и попахивал нафталином. Затертый в толпе гостей, я чувствовал себя прескверно.

Марина отвечала на вопросы журналистов. Рядом с ней стоял режиссер с женой. Неприятная пара: она — толстая, кургузая, в безвкусном костюме и огромных очках, он — долговязый, худой, с прыщавым невыразительным лицом. Режиссер поминутно громко хохотал, демонстрируя гнилые зубы.

Марина выглядела значительно моложе своих лет, во многом благодаря косметике. Но на меня такое обилие грима в сочетании с неестественно рыжими волосами произвело неприятное впечатление.

Она заметила меня, и между нами произошел немой разговор. Она надула щеки, давая этим понять, что я слишком толст, я в свою очередь показал на ее подмалеванные глаза и скорчил брезгливую гримасу.

Потом приложил руку к щекам: это должно было обозначать, что ее щеки слишком запали, отчего резко обозначились скулы.

Она протянула мне свою морщинистую синеватую руку, которая сразу утонула в моей огромной, потной ладони.

— Ты бы хоть сел.

Я заметил неподалеку от нас троих мужчин, неотрывно смотревших в нашу сторону. Но глядели они, понятно, не на меня. Они вздыхали, переступали с ноги на ногу и не могли отвести глаз от голых, напудренных плеч Марины. Время от времени они менялись местами, неизменно сопровождая свои движения глубокими вздохами.

— Скоро меня увезут, — предупредила Марина. — Я даже не смогу поговорить с тобой. Скажи, что тебе нужно, и расстанемся.

— Ты сама все отлично знаешь.

Она протянула руку за рюмкой коньяка, отхлебнула глоток, потом закурила.

— Верно, я немного задержалась с посылкой. Но, поверь, я больше не нарушу наш уговор. И тебе вовсе незачем было приходить сюда. Ты получишь камень через несколько дней, самое позднее — через несколько недель.

Я покачал головой.

— Э-э, нет. Я устал ждать и подчиняться твоим капризам.

— А ты не мог бы оставить его мне еще на некоторое время? Ведь тебе он, собственно, не нужен.

Группка вздыхателей раздвинулась, пропустив вперед мужчину, стоявшего в центре.

— Милочка, — сладким голосом пропел он. — Милочка.

Потом он что-то сказал ей на незнакомом мне языке. Был он мал ростом — не больше метра сорока сан-

тиметров, но с весьма внушительным животом. Руки его были унизаны кольцами, а ноги напоминали две тонюсенькие жердочки.

— Потом, — нетерпеливо ответила Марина. — Потом.

И коротышка печально удалился, едва не касаясь пола фалдами своего фрака.

— Я жду уже год, Марина. Мне надоела вся эта канитель. Вначале все шло прекрасно, но с каждым разом сроки удлинялись. Не по моей вине. Разве ты не знаешь: сказано — сделано.

Она улыбнулась. Нежно. Призывно. Ее взгляд был полон света и ласки.

— Нравится тебе мое платье?

— Ужасное, — искренне сказал я. — Послушай, Марина, хватит валять дурака. Ты знаешь, зачем я пришел, так отдай мне камень. Сколько можно тянуть? Он мне нужен не меньше, чем тебе, пожалуй, даже больше. Так или иначе, я имею на него право.

Она не ответила и только молча тянула коктейль через соломинку. К нам подошел второй ее поклонник, весьма утонченный господин преклонного возраста.

— Надеюсь, я вам не помешал, — просюсюкал он. — Дорогая, здесь так холодно. Ты можешь простудиться. Я принесу тебе шубку.

— Хорошо, Эрнесто.

И он рысцой помчался в гардероб.

Вся эта игра стала действовать мне на нервы.

— Марина, верни мне камень. Надеюсь, ты принесла его?

— Конечно. Я всегда ношу его с собой. Но, может, ты согласишься еще немного подождать?.. Сейчас я просто не в состоянии без него обойтись. Потом я тебе его вышлю.

Подумав с минуту, я ответил:

— Нет.

Она едва не заплакала.

— Ты окажешь мне большую услугу. В обмен я отдам тебе все, что пожелаешь. Все. — Она многозначительно понизила голос. — Понимаешь? Ты только скажи, и я все сделаю. Ну, будь же добрым, хорошим.

На мгновение я заколебался, но затем снова покачал головой.

— Нет. Бесполезно.

— Почему?

— Ты бы и сама могла понять. Совсем не из-за этих твоих франтов. Прежде всего из-за меня самого. Я устал, дорогая, вот в чем главная причина. Хочу хоть иногда чувствовать себя свободным, иметь право делать то, что мне нравится.

— Со мной происходит то же самое.

— Увы, — сказал я, — другого способа вырваться из тисков нет. Пусть же и дальше камень будет принадлежать нам обоим. Тогда по крайней мере нам хоть иногда будет легче терпеть и ждать.

Она поднесла к глазам носовой платок.

— Ты стал еще толще. Значит, так и не послушался моего совета.

— К тому же я плохо одет. Разве ты не заметила?

— Да, заметила.

— Видишь. Значит, незачем и пытаться. Бессмысленно. Я очень устал и боюсь, что меня в любой момент может раздавить, как катком. Иной раз я даже думаю, что не смогу больше подняться либо упаду при первом же шаге. И в тот день, когда неумолимая сила придавит меня к земле, где мне искать спасения, как не на озере?

— На озере Кумран?..

— Конечно. А без зеленой звезды найти его нелегко, можно затеряться в пустыне.

— Нет ничего лучше нашего озера. Я видела на берегу твою лодку, она очень красивая.

— Она бы рассохлась, не просмоли я ее. Когда стихнут ветры, я отправлюсь на рыбную ловлю.

— Где же прячутся рыбы? Я ни одной не видела.

— Тебе следовало бы заплыть подальше. Что им делать у самого берега? Их там тысячи, и они никого не боятся.

К нам подошли сразу несколько человек. Они хотели увести Марину, но она резким движением отогнала их прочь.

— Оставьте меня в покое!

Дрожащими руками она вынула из сумочки пакет и развернула его.

— Вот, — сказала она, — вот он. Хочешь забрать его, да? А мне придется целую вечность быть без него. Ну, уж нет! Сейчас увидишь, что я придумала.

Вернулся Эрнесто, держа в руках обезьянью шубку.

— Нам пора, дорогая, — сказал он.

— Минутку.

Я подался вперед, и тут Марина, изогнувшись змеей, попыталась ускользнуть от меня. Я схватил ее за руку. Тогда она захохотала, громко, взахлеб. Слезы катились по ее щекам, смывая грим.

— Перестань! Отдай камень.

Пока я боролся с поклонниками Марины, которые поспешили ей на помощь, Марина, отбежав в сторонку и сжимая в кулаке камень, истерически закричала:

— Уходи! Убирайся!

Я пытался пробиться к ней, но безуспешно.

Внезапно камень, брошенный с яростной силой, полетел в стекло. Однако Марина промахнулась. Камень стукнулся о стену, упал и разбился.

Сижу в столовой и жду. Я и домой-то вернулся поздно потому, что не хотел ни с кем говорить.

Лючия и сыновья спят, и кругом разлита чудесная тишина. Луна из-за легких перистых облаков льет струящийся молочный свет.

По асфальту мягко прошелестели шины. Огни в домах напротив давно погасли, все люди спят. И пытаются во сне вознестись к облакам. Но это почти никому не удается. Рано или поздно они натыкаются на препятствия и робко, по-глупому, возвращаются назад. Впрочем, им негде укрыться. У них нет надежного убежища.

Шаги в коридоре. Должно быть, это младший, Альберто. Плеск воды в ванне, и снова тишина. Пожалуй, пора. Я мысленно вижу себя и Марину в гостинице в тот момент, когда мы бросились к стене с такой быстротой, что чуть не столкнулись лбами.

Она подобрала один обломок камня, я — другой. Мы оба встали на колени, наши взгляды встретились. Вначале в них застыл немой вопрос. Но вот туман недоверия поредел, и сквозь него пробились желтые лучики надежды. Мы одновременно поднялись. Теперь уже весь зал был залит чудесным светом, который отражается в наших зрачках.

Камень разбился на две почти одинаковые половинки.

— Сегодня ночью? — шепчу я.

Она молча кивает головой, слегка касается губами своего обломка камня и тут же прячет его в сумочку.

Какие-то людишки чуть ли не силой утащили ее, но я не обратил на это внимания: я знал, что она поняла. Насвистывая веселый мотив, я вышел из гостиницы, долго бродил по улицам и вернулся домой очень поздно. Я даже не стал ужинать.

Лючия спит, спят и сыновья. Скоро ляжет спать и Марина. Поэтому я так долго ждал. Мне известны привычки Марины, и я хочу оказаться на озере одновременно с ней. Я уже решил: сегодня ночью мы пер-

вым делом отправимся ловить рыбу на моей просмоленной парусной лодке.

Я сажусь на кровать. Снимаю ботинки и осторожно ставлю их на пол. Горе мне, если Лючия проснется. Но, к счастью, она ничего не слышит. Спит с открытым ртом, громко похрапывая...

Так, спокойной ночи и прощайте. Спокойной вам ночи. А я иду...

Лино Альдани

Рыжеволосая

Больше всего его раздражали усы, тонкие, иссиня-черные и напомаженные.

Андре Клеман еще раз взглянул на своего собеседника. Тут не могло быть сомнений: весь облик этого человека выдавал в нем частного детектива добрых старых времен. Но, может, это сплошное притворство, не что иное, как попытка пустить пыль в глаза?

Человек с усиками пальцами левой руки постукивал по краешку пепельницы. Правую руку он так и не вынул из кармана, и она слегка шевелилась — вероятно, господин частный детектив тихонько почесывал ногу.

Андре обратил внимание на обтрепанные манжеты его рубашки, не слишком чистые ногти, подушечки пальцев, желтые от никотина.

«Значит, — подумал он, — этот человек не курит трубки и хоть этим отличается от привычного стереотипа».

— Случай крайне сложный, — сказал детектив, внезапно перестав стучать по пепельнице.

— Да, очень сложный, — подтвердил Андре.

Он вдруг понял, что лучше бы ему оставаться дома. Пришедшая в голову в минуту крайнего отчаяния мысль обратиться за помощью к частному сыщику оказалась не из самых удачных.

— Но, — продолжал детектив, — Жюль Лафорг никогда не складывает оружия заранее. Вы, вероятно,

заметили, что на дверях моего кабинета написано «Рысий глаз», и это полностью соответствует действительности.

Сказано это было таким самонадеянным тоном, что Андре стало совсем невмоготу. И он, злясь на самого себя, спросил робким, почти умоляющим голосом:

— Что же можно предпринять, господин Лафорг?

Детектив стукнул кулаком по столу.

— Куда вы торопитесь, молодой человек? — спросил он сердито.

Он открыл ящик письменного стола и вынул чистый бланк.

— Порядок, прежде всего порядок.

Он отвинтил колпачок самопишущей ручки.

— Имя, фамилия?

У Андре появилось сильнейшее желание встать и уйти.

— Андре Клеман, — буркнул он.

— Возраст?

— Тридцать два года.

— Профессия?

— Врач.

— У вас свой кабинет или вы работаете в больнице?

— Работаю в Биологическом центре.

— Женаты?

— Нет. Послушайте, какое это имеет значение? Я пришел, чтобы...

— Господин Клеман, — прервал его Лафорг, — заполнение бланка предписано законом. Поэтому прошу вас отнестись к этому с должным пониманием. Где вы проживаете?

— Шато Борегар, Сент-Жюльен.

— Чудесное местечко, Сент-Жюльен. Прошлым летом я провел там неделю отпуска.

— Вот как? Приятно слышать! — воскликнул Андре, стараясь изобразить на своем лице живой интерес.

— Вернее, это был не отпуск, а служебная поездка. Но мне она показалась отдыхом. Один ревнивец поручил мне проследить за своей красавицей женой, которая на курорте имела обыкновение заводить романы.

Андре нахмурился. «Сейчас этот индюк доверительно поделится со мной, что она и с ним завела роман», — подумал он. Но Лафорг больше не возвращался к этому эпизоду. Он протянул Андре ручку и пододвинул к нему бланк со словами:

— Прошу вас, распишитесь вот здесь, внизу... Требуется также внести аванс в размере двадцати пяти тысяч франков.

Сумма была достаточно высокой, но Андре молча выложил деньги.

— Итак, — задумчиво сказал Лафорг, кладя бланк в ящик стола. — Итак, нам предстоит отыскать классическую иглу в классическом стоге сена.

— Да, но прошу вас помнить: у Веены рыжие волосы, а это, полагаю, облегчит вашу задачу.

— Согласен. И все-таки найти ее будет весьма непросто. Видите ли, в какой-то мере сообщаемые вами подробности могут даже нам помешать, направить на ложный след. Ведь сейчас у каждой пятой женщины рыжие волосы. Не спорю, чаще всего они крашеные, но в том-то и заключается вся сложность: женщине ничего не стоит изменить цвет волос. Интересующая вас дама за это время вполне могла побывать у парикмахера. Какой-нибудь час — и от ее рыжих волос не осталось и помина. Теперь волосы у нее могут быть зеленого цвета либо даже седые.

— У Веены веснушки на лице и на плечах, она неподдельно рыжая.

Лафорг открыл блокнот и записал: «Веснушки».
— Настоящая рыжая, не так ли?
— Вот именно.
— Вы в этом совершенно уверены, доктор?
Андре негодующе фыркнул.
— Послушайте, господин «Рысий глаз». Я провел с Вееной пятнадцать дней и ночей. Не думаю, чтобы она стала рисовать веснушки не только на щеках, но и на теле.
Лафорг кашлянул.
— Прекрасно вас понимаю, доктор. Но поймите и вы — я отнюдь не стремлюсь удовлетворить нездоровое любопытство. Своими вопросами я преследую одну-единственную цель — наилучшим образом помочь клиенту. В такого рода расследованиях предварительные данные крайне важны.
Он полистал блокнот, после чего с важным видом произнес:
— Итак, попробуем подвести итог. Впервые вы встретились с рыжеволосой незнакомкой на пляже в Сент-Жюльене восемнадцать дней назад, верно?
Андре устало кивнул.
— Будьте любезны, напомните мне подробности вашей первой встречи.
— Но я уже все рассказал! — взорвался Андре. — И вообще, какой смысл в этих несущественных подробностях?!
— Они весьма существенны, друг мой. Прошу вас, расскажите с предельной точностью, как все произошло.
— Ну, хорошо, — нехотя согласился Андре. — Я лежал на пляже, загорал. Время близилось к полудню.
— На пляже было много отдыхающих?
— Человек десять — пятнадцать. Но они находились сравнительно далеко от меня. Вы ведь бывали в Сент-Жюльене? Места там красивые, но гостиниц и

пансионатов маловато. Итак, я лежал почти у самого берега и грелся на солнце. Внезапно меня словно что-то толкнуло: я открыл глаза и увидел ее.

— Вашу рыжеволосую красавицу?

— Да. Веена в открытом купальном костюме-бикини стояла рядом и пристально смотрела на меня.

— Как именно она на вас смотрела?

— Что тут объяснять! Я же сказал — пристально. Может быть, она смотрела на меня довольно долго, кто знает? Ведь я лежал с закрытыми глазами.

— Поймите меня правильно, доктор Клеман. Поверьте, мой вопрос закономерен. Конечно, про Сент-Жюльен не скажешь, что это модный курорт, но, увы, авантюристки встречаются где угодно.

Андре побагровел.

— Веена не авантюристка! Уж я-то знаю. Мы провели вместе пятнадцать дней, и ни разу... Словом, я бы это заметил. Вы забываете, что, хотя Веена и исчезла, в моем доме не пропало ни одной вещи, ни единой булавки.

— Ну, стоит ли так волноваться! Я высказал лишь предположение. В нашей работе подчас приходится прибегать к самым фантастическим домыслам. Успокойтесь, доктор, я вам верю, ведь одно кольцо с бриллиантом на вашем мизинце стоит уйму денег. А оно, как я вижу, в целости и сохранности. — И Жюль Лафорг широко улыбнулся. — Но вернемся к вашей первой встрече. Что же произошло потом?

Андре полез в карман за сигаретами. Лафорг протянул ему свою пачку.

— Вы хотите сказать — сразу же? Да ничего особенного. Едва Веена заметила, что я открыл глаза и в некотором смущении взглянул на нее, как она отошла, но недалеко, и присела на скалу, метрах в десяти от меня.

— Стандартная тактика. Ручаюсь, что она не удостоила вас больше ни единым взглядом.

— Напротив, она поминутно оборачивалась и смотрела на меня. Тогда я встал, спустился к самой воде и поплыл. Обычно не в моих правилах отказываться от любовных приключений. Но когда такая красивая женщина не спускает с тебя глаз... Словом, где-то внутри меня прозвучал тревожный звонок. «Лучше держаться от нее подальше», — решил я.

— Вот оно что. Ну, а как дальше развивались события?

Андре пододвинул пепельницу поближе и раздавил недокуренную сигарету.

— Я доплыл до плотика и огляделся. Кругом ни души. Я наслаждался блаженным одиночеством и красотой моря, как вдруг из воды, неподалеку от плотика, вынырнула моя незнакомка. «Привет», — сказала она. Потом легко, без малейших усилий взобралась на доски. Мы с час молча лежали рядом, глядя в небо.

— А затем?

— Затем вплавь вернулись на берег. На пляже она взяла меня за руку и повела к поросшему кустарником холмику. Там лежала ее одежда. Моя машина стояла метрах в ста от дороги. Я оделся, сел в машину и принялся ждать девушку.

Лафорг снова раскрыл блокнот.

— Опишите, в какой она была одежде.

— Веена? Она была одета очень просто: черные бархатные брюки, серебристые сандалии и зеленая кофточка с блестками. Да, еще у нее была сумочка на длинном ремне с медной пряжкой.

Записывая, Лафорг поинтересовался:

— Вы куда-нибудь ее отвезли?

— Мы пообедали в прибрежном ресторанчике на открытом воздухе.

— Разрешите узнать, о чем вы говорили.

Андре поморщился, как бы желая сказать, что не помнит и вообще не понимает, какое это имеет значение.

— Так, о всяких пустяках. Она сказала: «Меня зовут Веена». «Веена?..» «Просто Веена». Мне хотелось узнать о ней побольше: откуда она приехала, чем занимается и какая работа ждет ее по окончании отпуска. Помню, она рассмеялась. Сказала, что отпуск каждый вправе проводить инкогнито. А значит... Она с одинаковым успехом могла быть продавщицей, школьной учительницей либо иранской принцессой. Впрочем, это меня не так уж и интересовало, как не интересовало, замужем ли она или нет, разведенная или вдова. Она мне нравилась, и этого было достаточно. Да и позднее у меня не возникало желания узнать, кто же она на самом деле.

— Понятно, — буркнул Лафорг. — Продолжайте.

— Что еще вас интересует, господин Лафорг?

— Куда вы отправились после обеда?

Андре Клеман вскочил и гневно взглянул на собеседника.

— С меня довольно! — воскликнул он, стукнув кулаком по столу. — Из ресторана я отвез Веену к себе. И там мы любили друг друга. Но если вы думаете, что я намерен посвящать вас в подробности, вы жестоко ошибаетесь! Долго еще вы будете меня мучить?

Лафорг слегка поклонился и медоточивым голосом произнес:

— Спокойнее, доктор, спокойнее. Судя по всему, девушка была чертовски хороша, и вы не на шутку влюбились. Это так же точно, как то, что меня зовут Жюль Лафорг. Не волнуйтесь, я отлично понимаю, как неприятно рассказывать постороннему человеку об интимных переживаниях. Но, повторяю, я действую

исключительно в ваших интересах. Вы весьма облегчили бы мне задачу, если бы...

— Мне нечего добавить, — сухо ответил Андре. — Я сказал вам, как ее зовут, как она была одета, описал ее внешность. Теперь дело за вами... Буду ждать от вас добрых вестей.

Он застегнул пиджак и собрался уходить.

— Минутку, доктор. Мне хотелось бы уточнить одну деталь. Вы сказали, что девушка пробыла у вас в доме пятнадцать дней. За это время она куда-нибудь отлучалась?

— Нет, — прорычал Андре. — Мы были неразлучны, как двое молодоженов в медовый месяц. Этого вам достаточно?

— Увы, я хотел бы знать поточнее, когда голубка упорхнула?

— Три дня назад. Я проснулся один, и кровать показалась мне огромной и пустой. Честь имею, господин Лафорг.

Однако детектива не так легко было смутить. Он встал и, выйдя из-за стола, настиг Андре у дверей кабинета.

— Еще один вопрос, доктор, — сказал он, схватив Андре за руку. — Прошу вас, не сердитесь. Вы говорите, что Веена исчезла три дня назад, то есть в четверг утром. Скажите, а накануне вечером у вас случайно не произошло ссоры? Вы не заметили каких-либо странностей в поведении Веены? Видите ли, женщины нередко склонны вспылить из-за сущего пустяка и реагируют на простое замечание самым неожиданным образом. Возможно, Веена спряталась где-нибудь неподалеку от дома, чтобы отомстить вам. Тогда она может не сегодня-завтра вернуться.

— Не было никакой ссоры, — резко ответил Андре. — Ни в среду, ни до этого. Все пятнадцать дней между нами царило полнейшее согласие. И ни

разу не случилось ничего странного. Будьте здоровы, господин Лафорг.

«Будьте здоровы, господин Лафорг!» Он ушел, отмахнулся от просьб детектива задержаться и ответить еще на один вопрос. А ведь Лафорг, очевидно, не лгал — его назойливые вопросы были продиктованы отнюдь не любопытством, а желанием получить как можно больше сведений перед весьма нелегкими поисками. Теперь он, Андре, понял, что был несправедлив к нему. Было бы куда лучше рассказать Лафоргу все до мельчайших подробностей. Помнится, он сказал, будто между ним и Вееной не было никаких недомолвок, но погрешил против истины. В их отношениях все время проскальзывало что-то загадочное, неясное. «Отпуск приятно проводить инкогнито», — сказала Веена, и он с нею согласился. Вначале он строго соблюдал правила игры и ни разу не спросил, откуда она и чем занимается. Веена казалась ему существом таинственным и потому особенно притягательным. Но в конце второй недели эта неопределенность в их отношениях стала его раздражать. Веена была сфинксом, женщиной без прошлого. Ему никак не удавалось узнать что-либо о ее детстве. Казалось, все ее воспоминания о прошлом исчезли в тот день, когда они встретились на пляже в Сент-Жюльене.

Да, он многое утаил от Лафорга. Не рассказал, например, о том, как однажды, мучимый любопытством, открыл сумку Веены: там не было ни документов, ни денег, но в целлофановом мешочке лежала горсть бриллиантов. А главное, умолчал об одном странном эпизоде. Это произошло в ночь на среду. Веена лежала с ним рядом и вдруг... Возможно, это было всего лишь кошмарное сновидение, порожденное его возбуждением и чрезмерной нервозностью. Веена исчезла под

утро, скорее всего, она даже не дождалась рассвета. Между ужасным сном и исчезновением Веены, казалось бы, не было никакой логической связи. И все-таки Андре инстинктивно чувствовал, что такая связь существует.

Вот и сейчас, сидя на берегу моря и глядя на горизонт, где в вечерних сумерках медленно таял огромный красный шар, он упорно пытался воссоздать из отдельных кусочков мозаики целую картину.

Веена ушла навсегда. Он вдруг с неумолимой ясностью понял, что никогда больше ее не увидит. Никогда, никогда. Тогда к чему это море и этот закат?

Он подобрал голыш и вяло бросил его в воду. Затем медленно встал и поплелся вдоль берега. Пляж был пустынен.

Он дошел до эвкалиптовой рощи.

Никого.

Вечер окутывал тенями рощу и желтый песок.

— Тебе следует развлечься, — отеческим тоном сказал ему Жан Амон. — Через неделю кончается отдых, а ты, похоже, совсем не в форме...

Андре мрачно покачал головой.

— Что с тобой? — не унимался Жан. — Неужели ты не в силах преодолеть апатию? Да на тебя смотреть тошно. Подумать только, до какого состояния тебя довела женщина! Право же, так и хочется встряхнуть тебя хорошенько!

Наклонив голову, Андре упорно разглядывал узоры на ковре.

— Послушай-ка моего совета, — продолжал Жан, — уезжай из Сент-Жюльена на несколько дней. Прокатись в Биарриц. Там можно встретить тьму красивых девочек. Прибегни к старому, испытанному методу — «клин клином вышибают».

Андре смерил его ледяным взглядом.

— Ты ведь видел Веену?

— Да, неделю назад, когда ты пригласил меня к себе. К тому времени эта девица окончательно воцарилась в твоем доме. Поверь, это был самый томительный обед в моей жизни. Помнишь, я даже не распаковал чемоданов. Сразу же после обеда уехал.

— Но ты же познакомился с Вееной?

— Да, Андре, я ее видел. И растерялся, не зная, как тебе помочь. А что ты попался, я сразу понял. Очень красивая женщина, но что с того? Конечно, нелегко подыскать ей достойную замену...

Андре неожиданно ударил себя кулаком по лбу.

— Я с ума сойду! — Он встал и зашагал по комнате. — Если б я только мог о ней забыть, выбросить ее из головы...

— Послушай, — терпеливо, как ребенку, повторял Жан. — Тебе надо развеяться, поездить. При желании ты всегда можешь попросить дополнительный отпуск...

— Бесполезно, Жан. — Андре остановился и посмотрел другу в лицо. — Пожалуй, сейчас лучше всего вернуться в лабораторию. Только работа поможет мне заглушить боль.

Жан скорчил гримасу и неодобрительно покачал лысой головой.

— У тебя воспаленные глаза. Ты, верно, совсем перестал спать?

— Да! — признался Андре. — Но это моя вина — я всеми силами стараюсь не заснуть: ночью меня мучают кошмары.

— Кошмары? Ну, это уж чересчур. Ты явно болен.

— Послушай, Жан. Ты ведь не знаешь, что́ произошло в последнюю ночь, перед тем как Веена исчезла. Мне такое почудилось... До сих пор не могу

прийти в себя. И чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что то был не сон, не галлюцинация.

Жан посмотрел на друга широко раскрытыми глазами, на его худом лице отразились растерянность и сильнейшее изумление.

— Только не волнуйся, — сказал он, стараясь не выказывать особого беспокойства, — и расскажи, что же случилось в ту ночь?

Андре налил себе вина.

— Заснули мы по обыкновению поздно. Во всяком случае, я заснул. Но ночью разыгралась сильнейшая буря, и я проснулся. Веена в страхе прижалась ко мне. За окнами грозно шумело море и злобно хлестал ветер. От вспышек молний в спальне становилось светло, как днем. Я подошел к окну, чтобы закрыть ставни, но резкий свет проникал даже сквозь щели...

Он умолк.

— Так что же тебя поразило? — Жан не в силах был скрыть свое любопытство.

— Раскаты грома становились все яростнее. Внезапно яркая вспышка молнии озарила комнату... и я увидел Веену. Ее лицо было белым, как полотно, а глаза... Не могу тебе передать, какие у нее были глаза! Огромные, как будильники. Понимаешь, Жан? Рядом со мной лежало безобразное чудовище...

Жан уехал. На прощание он покровительственно похлопал Андре по плечу и подмигнул ему. Для него, Жана, было ясно: вся эта история с внезапным превращением Веены в чудовище — плод больного воображения. Андре явно переутомился, и ему надо отдохнуть.

«Возможно, Жан прав», — подумал Андре.

Но он не мог заставить себя уехать из Сент-Жюльена, упорно оставался в Шато Борегар, хотя все здесь

напоминало ему о Веене. К тому же он ждал приезда Лафорга либо в крайнем случае — его подробного письма.

Несколько дней Андре пребывал в состоянии полнейшей депрессии. Он раз десять звонил в бюро Лафорга, но шефа на месте не было, секретарша же сказала, что господин Лафорг уехал куда-то из Бордо по служебным делам. Пусть мсье не беспокоится, она записала номер его телефона, и, как только господин Лафорг вернется, она ему сообщит.

Прошла неделя. Андре с нетерпением ждал почты, то и дело справляясь у Габриэля, своего дворецкого, не звонили ли ему и нет ли телеграммы из Бордо...

На восьмой день Лафорг, наконец, прибыл в Шато Борегар. Андре стоял у окна, когда в воротах появилась красная, замызганная малолитражка. Машина пересекла двор и остановилась. Андре бросился навстречу потному, усталому Лафоргу.

— Зверски хочу пить, — сказал Лафорг. — Ну и жарища!

Андре провел его в гостиную. Лафорг осушил два стакана лимонада со льдом и лишь потом сказал:

— Ну, теперь можно и поговорить.

Андре не мог усидеть в кресле от нетерпения. А детектив не спешил. Он отер ладонью усы, порылся в карманах, вытащил пачку сигарет, с наслаждением затянулся.

— С этими рыжими сущая беда, — негромко, словно обращаясь к самому себе, начал он. — Что я вам говорил, доктор Клеман? Во Франции полно крашеных девиц. Знаете, сколько километров пришлось мне отмерить? Я трижды шел по ложному следу и лишь в четвертый раз мне повезло...

— Вы ее нашли? Где она?

Лафорг поморщился и сокрушенно развел руками.

— Не все сразу, доктор. Боюсь, вы меня неверно

поняли. Видите ли, первый след привел меня ни много ни мало в Ля Рошель. Женщина, за которой я следовал, и в самом деле была рыжая, но, увы, крашеная. Я должен был сразу догадаться, только...

— Ближе к делу, — сухо сказал Андре. — Эти подробности меня не интересуют. Я хочу знать, что стало с Вееной. Где она?

— В Рошфоре, на берегу Дуза. Ее видели там на прошлой неделе. Мне удалось найти по меньшей мере человек двадцать, которые встречали молодую рыжую женщину в черных брюках и зеленой блузе. Это, бесспорно, была она. Но след ее потерялся. Я обошел буквально все дома, обшарил окрестный лесок, побывал в самых различных местах, даже в полицейском участке. У нас, частных сыщиков, повсюду есть знакомые...

В комнату вошел Габриэль с крохотным серебряным подносом в руках.

— Господин доктор, вам письмо.

Андре, не глядя, сердито отмахнулся от него.

— Продолжайте, — сказал он Лафоргу. — Меня интересуют все подробности.

— Выяснилось, что Веена покинула Сент-Жюльен на взятой напрокат машине. Я отыскал шофера, который ее вез. Его зовут Рене, у него гараж в нескольких километрах отсюда. По его словам, Веена уехала часов в восемь утра. Лил проливной дождь, и девушка промокла до нитки. Она страшно торопилась — так, словно по пятам за ней гнались полицейские. Рене сказал, что при взгляде на нее, мокрую, продрогшую, со слипшимися волосами, ему стало не по себе. Дорога была преотвратная, и они только через два с лишним часа добрались до Рошфора. Шофер добавил, что рыжеволосая пассажирка вызывала у него инстинктивное чувство страха. Она сидела на заднем сидении. Рене, который отлично видел ее в зеркале заднего обзора,

заметил, что с ней что-то стряслось. Всю дорогу она просидела, закрыв лицо платком. Он так и не понял, то ли ее пугала гроза, то ли...

Лафорг на мгновение умолк, как бы колеблясь, следует ли ему продолжать, но потом решился:

— Не знаю, как бы это поточнее выразить, доктор. Рене утверждает, что пассажирка сидела, откинувшись головой на спинку сиденья и закрыв лицо платком. Ему кажется, что она плакала и не хотела, чтобы он это заметил. Но у меня сложилось другое впечатление.

— Какое же? — дрожащим голосом спросил Андре.

— Веена отпустила шофера на перекрестке у Сент-Жюстена и вошла в придорожный бар. Я побывал там, разыскал бармена и выяснил кое-какие любопытные подробности. Вы же понимаете, доктор, в одиннадцать утра шоферы обычно еще не успевают сильно напиться. Да и бармен показался мне человеком спокойным, рассудительным. Он вспомнил, что интересующая нас девушка не вошла, а прямо-таки влетела в бар и залпом осушила несколько стаканов воды. Казалось, внутри у нее все горит. А потом... потом ей стало плохо... Она сделалась мертвенно-бледной, обмякла, кожа у нее внезапно стала морщинистой, как у старухи. Конечно, за достоверность сказанного трудно ручаться, может, и в самом деле шофер был пьян... Но, по словам бармена, лицо девушки непрерывно менялось: оно то было прекрасным, то становилось уродливым, с огромными круглыми молочно-белыми глазами.

— Довольно! — вскричал Андре. — Хватит описывать ее лицо! Я хочу знать, что случилось потом, куда она девалась.

Лафорг сокрушенно развел руками.

— Исчезла. Испарилась. Из бара она направилась в лес. Последним ее видел один лесоруб. Он-то и рассказал, что какая-то рыжеволосая девушка промчалась мимо его домика и скрылась в лесной чаще. Не-

много погодя раздался глухой взрыв, словно кто-то ударил по гигантскому барабану. Я прочесал лес, но не нашел никаких следов Веены. Когда же я возвращался, то на поляне, неподалеку от опушки леса, увидел обгоревшие кусты и траву. Возможно, там стояли табором цыгане, а возможно...

Однако Андре, охваченный безотчетным волнением, уже не слушал его. Он не сразу мог понять, что именно его гнетет, мысли путались... Но он вновь и вновь возвращался к пережитому. Нет, он не должен придавать значение абсурдным предположениям. Просто разыгравшееся воображение сыграло с ним злую шутку. Одно бесспорно — Веена ушла от него навсегда. Но кто она, эта Веена? Андре вновь вспомнил ее белое, как полотно, лицо, дряблую кожу, неправдоподобно большие круглые глаза...

До него не сразу дошел смысл слов Лафорга. Извиняющимся тоном детектив сказал, что его миссия окончена, но если господин Клеман считает, что поиски следует продолжать...

Андре покачал головой. Он встал, проводил Лафорга до двери, а потом в каком-то оцепенении стоял у окна и следил за тем, как малолитражка с грохотом выехала за ворота.

— Господин доктор, — напомнил Габриэль, — письмо у вас в кабинете, на письменном столе.

Андре, словно лунатик, вошел в кабинет. Письмо. Еще не вскрывая его, он понял, что оно от Веены. Но не спешил его прочесть. Где-то в глубине его души зрела уверенность, что письмо это не доставит ему радости.

Он ощупал плотный, слегка пожелтевший конверт. Его имя и фамилия были выведены старательно, крупными буквами — так обычно пишут первоклассники. Медленно, неуверенно он разорвал конверт: в его ру-

ках оказались четыре листа, исписанных неразборчивым почерком, а в конце огромными буквами подпись: «Веена».

И снова он оказался во власти неудержимо налетевших воспоминаний. А когда они схлынули, неожиданно ощутил полнейшее безразличие, словно эта лавина воспоминаний обрушилась не на него, а на кого-то другого.

Он взял письмо.

«Дорогой Андре (кажется, так обычно начинаются письма?)!

Прости меня: я невольно вызвала у тебя иллюзии, которые не могли длиться вечно. Андре, мой ненаглядный, моя единственная любовь! Когда ты получишь это письмо, я буду далеко-далеко от тебя, за пределами доступного человеческому воображению барьера. Не спрашивай, где, не пытайся понять, тебе это не удастся. Но одно я обязана объяснить, хотя сомневаюсь, чтобы ты мне поверил: ты должен знать истинную причину моего бегства. Мне нелегко будет тебя убедить. Но я попытаюсь.

Если б ты хоть на миг смог превратиться в доверчивого ребенка, быть может, тогда... Слушай же.

Попробуй представить себе далекий мир, похожий на твой. Обитатели его тоже радуются и страдают, но своим внешним видом они очень отличаются от людей и, естественно, могут показаться им уродливыми. Представь себе также, что там живет женщина, которая при желании может изменять свою внешность. И все-таки она несчастлива, так как природа лишила ее дара, которым наделены все другие

женщины ее планеты. Она не способна стать матерью. Существует, однако, целебное средство, чудесная трава, которая позволит волшебнице познать материнскую любовь. Знаю, я покажусь тебе безумной, фантазеркой. Но, поверь мне, сколь нелегкой и страшной ни показалась бы тебе эта история, в ней нет ни грана вымысла. В мире, откуда я появилась и куда теперь возвращаюсь, я представляю собой редчайшее исключение — ни один мужчина не может сделать меня матерью. Ни один. Кроме тебя. Тебя или любого другого землянина. Вот почему я прилетела к вам. Помнишь, Андре, нашу первую встречу на пляже? Ты стоял на берегу и в лучах солнца казался прекрасным бронзовым изваянием. И все-таки... все-таки я испытывала к тебе отвращение! Потому что мы другие, любовь моя! Не спрашивай, как я потом смогла, сумела привязаться к тебе. Может ли пчелиная матка влюбиться в трутня? Нет. И однако же со мной это случилось.

Андре, я чувствовала, как мое тело, мое подлинное тело, а не то, которое знал ты, сливалось с твоим. Чувствовала, что ты становишься неотъемлемой частью моего существа. И я любила тебя, Андре. Преданно, горячо, как только могла. А потом... Меня не оставляет мысль о последней ночи, которую мы провели вместе. Помнишь, ярко сверкнула молния, и ты на миг увидел меня в моем истинном обличье. Нет, Андре, то не была галлюцинация. Я читала в твоей душе, видела, как тобою внезапно овладел ужас. Ты ведь не забыл, как я попросила, чтобы ты зажег свет, и невероятным усилием воли постаралась вновь предстать перед тобой во всей своей обманчивой красоте.

Трудно передать, как я страдала! Ты крепко прижимал меня к себе, яростно обнимал за плечи... Казалось, ты хотел проверить на ощупь каждую частичку моего существа, плотность кожи, крепость тела. Все это было обманом, Андре. Мне удавалось казаться красивой лишь ценою невероятного усилия воли. Это еще было в моей власти. Но знаешь ли ты, какие запасы жизненной энергии я тратила на то, чтобы быть рядом с тобой и казаться тебе красивой все время, днем и ночью! Тебе не понять, как меня страшило приближение того момента, когда я не смогу более полностью управлять своим организмом.

Мы пробыли вместе пятнадцать дней и ночей, долгих и в то же время таких коротких. Две недели любви, в которой сгорела моя молодость. Я все это знала заранее, Андре. И все же оставалась с тобой. Отныне я — пожилая, немощная женщина, и достаточно одной твоей ласки, чтобы я превратилась в дряхлую старуху либо вообще рассталась с жизнью.

Теперь ты понимаешь, почему я бежала, исчезла? Прости меня. Я вернусь на свою далекую планету с бесценными воспоминаниями. И рожу ребенка, плод нашей прекрасной любви. Да, Андре, я это безошибочно чувствую, я в этом уверена. В противном случае моя жизнь лишается всякого смысла. Прекрасно таинство любви, но материнство, поверь мне, еще прекраснее. В нем теперь единственная цель моей жизни.

Твоя навсегда *Веена*»

— Габриэль! — слабым голосом позвал Андре. — Кто принес это письмо?

— Оно лежало у вас на письменном столе, господин доктор.

Господин доктор. Никакой он не доктор, а сумасшедший, слепой глупец! Повинуясь инстинкту, вопреки логике, он верил, точнее, старался поверить в несбыточное.

Он распахнул окно и тихо повторил:

— Веена!

Бедная женщина. Она пришла в надежде напиться, а источник-то иссяк. Многое может сделать волшебница, но и ее могуществу есть предел. Достаточно слепой случайности — и все ее волшебство будет сведено на нет.

Андре провел дрожащей рукой по лбу. Целая жизнь загублена ради краткого мига любви. Великая, но бесполезная жертва...

Шатаясь, словно пьяный, он вышел из дому и сквозь кустарник по пустынному пляжу побежал к морю. В голове молоточком стучало: «Биологический центр. Пять лет работы в лаборатории с радиоактивными веществами. Пять лет».

— Веена! — крикнул он.

Море поглотило отчаянный зов, вернув взамен неумолчный шум прибоя.

— Веена! Веена!

Жертва, принесенная впустую: ни одной в мире женщине не мог он дать радости материнства.

Анна Ринонаполи

Бамбуковая палочка

Он привык хотя бы в воскресенье, хотя бы на час мысленно отгородиться от близких и знакомых, побыть наедине с самим собой. Вот и теперь он уютно расположился в кресле с трубкой в руке. Должен же он когда-нибудь избавиться от своего стереотипа — образцовый семьянин, прилежный кассир в банке, запрограммированный на все дни недели.

Драгоценный полуденный час свободы... Невидимая стена отгораживает его от шума машин и грохота мотоциклов, чьи владельцы спешат на просмотр очередного фильма, от надоедливых вопросов Оттилии, которая почему-то никогда не может в одиночестве перелистывать любимый бульварный журнальчик.

— Да, вероятно, — рассеянно отвечает он, весь во власти приключений капитана Стила. Кажется, он все-таки догадался, каким образом спасется от гибели бесстрашный герой Галактики! От волнения он часто заморгал, и в ту же секунду до его ушей долетел насмешливый голос Оттилии:

— Как только тебе не совестно, Луиджи! В твоем-то возрасте увлекаться фуметти*.

Он не желает ее слушать, отыскивает строку, на которой остановился, но пронзительный голос жены снова настигает его.

— Взгляни лучше на эти фотографии. Бандиты продолжают убивать ни в чем не повинных людей. Вот что страшно!

* Фуметти — итальянский вариант комиксов. — *Прим. перев.*

— Ну, конечно, это куда страшнее возможного вторжения инопланетян, — зло, с усмешкой подтверждает он.

Оттилия глубоко оскорблена, она обвиняет его в равнодушии, удивляется, как можно быть таким бессердечным.

Он, с трудом оторвавшись от книги, бросает в ответ:

— Наш мир лихорадит. Его не вылечишь хныканьем и разглядыванием фотографий.

— Ясно, ему станет легче только от фуметти!

Брешь в его обороне пробита, и Оттилия неудержимо в нее врывается. Если так будет продолжаться, Мирелла никогда не найдет мужа. Хорошо хоть, что Джорджо сделает карьеру, он, не в пример Мирелле, юноша предприимчивый. И сразу, без передышки, новый залп. Он, Луиджи, совершенно не занимается детьми. А уж по воскресеньям для него вообще никого не существует: ни жены, ни детей.

Их «детям» уже далеко за двадцать, беспокоиться за них не надо, просто Оттилия под благовидным предлогом (кстати, неудачным) пытается водрузить семейный флаг на разрушенной баррикаде. Скорее ленивая, чем глупая, она, словно паразит, питается чужими мыслями, впечатлениями, чувствами. И вот уже нет места для капитана Стила, благородного галактического героя, его миссия доброй воли утратила всякий смысл, космический корабль превратился в пустую консервную банку. В современном мире пятидесятилетнему кассиру не дозволено играть в солдатики. Однако он не хочет признать свое поражение и, зажав под мышкой книгу, встает и уходит из дому. В душу его, как он тому ни противился, уже закралось сомнение: что если он и в самом деле бежит от действительности и живет в стране чудесных приключений?

От весеннего солнца его разморило, ноги упорно отказывались идти дальше. Он присел в парке на скамейку. Бегло скользнув взглядом по мальчугану в инвалидной коляске и невольно отметив стройные ножки проходившей мимо блондинки, он невидящими глазами уставился на гонявших мяч ребятишек. Он смотрел на них долго и упорно, но все расплывалось перед его глазами. Откуда-то негромко доносилась мелодия популярной песенки «И мы с тобой ватусси». А он видел лишь песок под ногами да раскрытую книгу с новыми приключениями капитана Стила. Но и страницы книги почему-то пожелтели, их словно бы перечеркнула жирная надпись: «Мальчишеское бегство от действительности».

— Мальчишеское? Но почему? Ведь такие книги волнуют взрослых больше, чем ребят, — сам того не замечая, вслух произнес он.

— Быть может, потому, что в наши дни люди ждут чуда от науки, — ответил сидевший рядом седой, крепкий на вид старик, судя по всему, военный в отставке. В руках у него была бамбуковая палочка, который он чертил кружки на песке.

— Видимо, в вас живет неосознанное стремление к добру, — продолжал старик. — Быть может, вы хотели бы творить добро, но тайком, нести радость незнакомым людям, ибо добро, которое вы делаете близким, никто не замечает, оно воспринимается как должное, как ваша прямая обязанность.

Его слова поразили Луиджи в самое сердце.

— Представьте себе, что я инопланетянин, — снова заговорил старик. — Я дарю вам эту палочку, которая непосвященным покажется самой обыкновенной палкой. В действительности же она способна выполнить любое ваше желание. Попробуйте и убедитесь сами.

Луиджи, поколебавшись, взял палочку. Взгляд его упал на парализованного мальчика, который, смирив-

шись с жестокой судьбой, тоскливо смотрел, как неподалеку ребятишки играют в мяч. Если б его изуродованные ноги вновь могли обрести силу, упругость, ловкость...

Но что это? Мальчуган выскочил из коляски и побежал к юным футболистам.

— Куда ты, вернись! — кричит мать и вдруг, поняв, что бежит ее больной сын, без чувств падает на землю. Когда она приходит в себя, вокруг нее толпятся взволнованные происшедшим люди. Они шумят, перебивают друг друга. Спокоен лишь сам виновник переполоха.

— Дайте же мне поиграть в футбол, — говорит он.

Сегодня вечером все газеты выйдут под огромными заголовками: «Чудо в Милане», в тысячах семей начнутся споры: «правда — неправда». Но кассир Луиджи Рода об этом не думает, для него самой большой радостью была первая улыбка больного ребенка. Он вышел из парка, ищет старика, чтобы вернуть ему палочку.

Но тот исчез. Луиджи Рода сжимает в руке бамбуковую палочку. Нет, это не простая палочка, это, конечно же, изобретение другой, высокоразвитой цивилизации. И пятидесятилетний кассир, сияя от счастья, быстро шагает по улице. Ну, ну, подойди поближе, бедный песик. Ты хромаешь? Вот так, беги с веселым лаем, как и твои бродячие собратья. А ты, старая скрюченная старушонка, распрями спину. Нет, этот дом никуда не годится — старый, облезлый. Побольше фантазии, господа архитекторы. Вот тут мы поставим колонны, здесь соорудим портик. (И долго еще жители дома не могли взять в толк, куда подевалось парадное.)

А Луиджи Рода продолжает свой путь. Дребезжит трамвай. Луиджи вспоминает: ему всегда были не по душе миланские трамваи — такие серые, унылые.

Пусть же они будут цвета спелой вишни. И пусть муниципальные власти лопнут от злости, но сейчас он сунет каждому бедняку пачку ассигнаций. А потом распахнет двери больниц; он ненавидит болезни: конечно, нам суждено умереть, но от старости, а не от страшных, неизлечимых болезней.

И Луиджи шагает по городу, не замечая, что пассажиры трамваев и пешеходы с восторгом и ужасом вытаскивают из карманов тысячные ассигнации, старики выплевывают вставные челюсти, больные выбегают из больниц, и все громко поют «И мы с тобой ватусси».

Волшебные волны залили Милан. Директора банков открывают несгораемые шкафы и раздают деньги служащим и клиентам, водители останавливают трамваи и автобусы и приглашают пешеходов занять места, согбенные старики и старухи выпрямляются и тоже начинают петь во весь голос «И мы с тобой ватусси». Жизнь чудесна.Как прекрасно жить на свете!

И так продолжается до позднего вечера, пока Луиджи Рода не говорит: «А теперь, детки, баста. Ложитесь-ка спать. Мне надо дочитать приключения капитана Стила, старины Ника для друзей и близких. Все в постель, сегодня мы неплохо повеселились».

Нет, они все говорят, говорят, быстро, громко. Надо скорее отключиться от них всего на один воскресный час. Прошу вас, я отдам вам все, прикажу палочке... Но где она, ее нет, кто взял мою палочку?

— Умоляю тебя, Джорджо, отдай ему эту дурацкую палку. Я не в силах больше переносить его крики.

Это голос Оттилии. Она всегда по самому ничтожному поводу говорит неестественно-трагическим тоном.

— Успокойся, успокойся, папа. Врач запретил тебе разговаривать.

Джорджо с тревогой смотрит на отца. Луиджи заговорщически улыбается ему и шепчет:

— Тебе я могу открыть тайну. Эта палочка обладает магической силой. Но люди не должны об этом знать. Они могут использовать мое открытие во вред человечеству. Положи ее сюда, рядом с постелью.

— Хорошо, папа. Успокойся. Вот она. Обыкновенная бамбуковая палка, которая гнется, как и все бамбуковые палки на свете.

— Она только с виду палка, неужели ты не понимаешь! А книга? Где моя книга? Верно, осталась у старика. Перестань гнуть палку! Сколько раз нужно повторять, что это не обычная палка!

— Папа, ну что за чушь взбрела тебе в голову!

— Оставь его в покое, Джорджо, — снова голос Оттилии.

— Нельзя допустить, чтобы он поверил галлюцинациям, — отвечает Джорджо.

Он поднимает палку над кроватью.

— Папа, смотри, раз — и палка сломалась. Я куплю тебе новую, с серебряным набалдашником.

Луиджи Рода с ужасом смотрит, как сын, напрягаясь, выгибает палку. Раздается треск.

— Нет, не-ет! — в отчаянии кричит он и теряет сознание.

И снова Луиджи сидит на той же скамейке. Напротив, в коляске, лежит больной мальчик и с грустью глядит на ребят, играющих в футбол.

— Вы слышали? — обращается Луиджи к старику-соседу. — Джорджо утверждает, что это обыкновенная бамбуковая палка.

Старик вздыхает и принимается чертить палочкой кружки на влажном песке.

Луиджи смотрит на него полными слез глазами. Старик кладет ему руку на колено.

— С виду это и в самом деле бамбуковая палка. Но это не так уж и важно. Вы благородный человек. А разве вы не знаете, сколько возможностей творить добро скрывается в душе благородного человека?

Луиджи грустно качает головой.

— В этом мире? Нет. Быть может, где-нибудь на другой планете. Где бы меня принимали всерьез.

Старик с минуту молчит, затем, внимательно поглядев на него, говорит:

— А ведь это идея. Ваша болезнь сердца не опасна. Я, как и капитан Стил, космонавт, но мне увы, пора на пенсию. Дарю вам эту палочку и вместе с ней уступаю свой пост. Вы согласны? Отлично. Желаю успеха.

Оттилия истерическим голосом упрекает сына:

— Что ты наделал? Видишь, он даже глаз не открывает.

— Прости, папа, — огорченно говорит Джорджо. — Я верну тебе твою палку.

Луиджи открывает глаза и смотрит на него с нескрываемой иронией.

— Какую палку?

— Почему ты так смотришь на меня? Что у тебя на уме?

Луиджи приподнимается, отталкивает Оттилию, которая пытается снова уложить его на подушку, и, усмехаясь, говорит сыну:

— Я же тебя предупреждал, что это не простая палка.

Оттилия скулит:

— Луиджи, ляг прошу тебя, врач сказал...

— Что они понимают, эти ваши земные врачи?

Оттилия и Джорджо отступают от кровати.

Джорджо яростно тычет в отца пальцем.

— Довольно, хватит! Почему ты смотришь на нас так, словно увидел впервые?

— Я вас не знаю.

— Я Оттилия, твоя...

— Очень приятно. А тебя зовут Джорджо, не так ли?

— Да. А ты кто? — шепотом спрашивает молодой человек.

— Капитан Стил. Кто же еще?

Оттилия начинает отчаянно кричать.

— И убирайтесь из пилотской кабины! Я хочу отдохнуть.

Эрманно Либенци

Человек, ставший роботом

Завыла заводская сирена, и Гульельмо ускорил шаги. Через несколько минут должна приступить к работе его смена, и ему не сдобровать, если фотоэлементы Старшего Охранника зафиксируют хотя бы малейшее опоздание. На огромном заводе вместе с Гульельмо работало всего пятнадцать человек.

Гульельмо и его товарищи по работе, миновав заводские ворота, поочередно прошли мимо Старшего Охранника. Тот сфотографировал каждого и зафиксировал точное время прибытия на завод. Затем все пятнадцать надели комбинезоны, взяли в руки метлы и направились в цеха. Не успели они появиться, как все две тысячи роботов словно по команде уставились на них.

Они ничего не сказали, ибо во избежание потерь драгоценного рабочего времени конструкторы не наделили их даром речи. Но по тому, как заработали осциллографы и засверкали глаза-объективы, нетрудно было понять, что роботы глубоко презирают жалкую кучку людей, еще оставшихся на заводе. «Посмотрите на этих бездельников, — казалось, говорили глаза-объективы. — Они работают каких-нибудь восемь часов, а потом отправляются домой. А нам, роботам, отведено всего полчаса отдыха. И за это время мы должны успеть в электронной столовой перезарядить батареи. Ну и лентяи, эти люди!»

В обязанности Гульельмо и его товарищей входило поддержание чистоты на заводе. Они должны были сметать пластиковую стружку, которая непрерывно сыпалась со станков на пол.

Особенно тяжело приходилось им в первые утренние часы, когда нужно было убирать горы стружки, скопившейся за ночь. Ровно в полдень они шли обедать в заводскую столовую и через час, минута в минуту, возвращались в цеха. Однако за этот короткий срок машины успевали «выдать» изрядную порцию стружки. Так что у пятнадцати уборщиков работы хватало на все восемь часов. Нужно ли говорить, что такой сумасшедший ритм был им не по душе! К тому же платили мало, а относились к ним прескверно.

И тогда рабочие решили забастовать. Они надеялись, что на заводе возникнут перебои и дирекции придется удовлетворить их требования. Но когда четыре дня спустя они вернулись на завод, то увидели, что их надежды не сбылись. Горы стружек вздымались до самого потолка, однако роботы продолжали спокойно работать. Дирекция отвергла требования людей. Гневно сверкая лампочками, роботы смотрели на них с еще большим презрением. Гульельмо и его товарищам пришлось целый месяц работать сверхурочно, чтобы избавиться от накопившегося в цехах мусора.

Однажды, заметив, что кто-то забыл закрыть дверь в дирекцию, Гульельмо набрался храбрости и вошел в кабинет.

Позади стола на подвижной тележке, поблескивая стеклом и хромированной сталью, стоял кубической формы ящик. В ящике было несколько узких прорезей, телеэкран, два объектива, микрофон и громкоговоритель. Это и был директор — «электронный мозг», именовавшийся СЕ Бета-261.

Гульельмо снял фуражку и подошел к столу.

— Добрый день, синьор директор.

— Какое у тебя ко мне дело? — спросил СЕ Бета-261.

— Видите ли, я...

— Хочешь, чтобы тебе повысили заработную плату?

— Вот-вот, — ответил Гульельмо.

— Считаешь, что ты это заслужил?

— Да.

— И очень ошибаешься, — слегка повысив голос, сказал СЕ Бета-261. — За последние четыре месяца ты подмел 127 853 929 стружек, в то время как в прошлом году за то же время ты подмел на 3 639 758 стружек больше.

— Может, это из-за того, что уменьшился общий выпуск продукции? — робко продположил Гульельмо. — Потому и стружки...

— Выпуск продукции увеличился на 3,5497 процента, — рявкнул директор. — Кроме того, шестого августа прошлого года ты явился на работу с опозданием на две минуты двадцать три секунды, двадцать четвертого июня этого года — с опозданием на четыре минуты восемнадцать секунд, а седьмого июля...

— Понятно, — прервал его Гульельмо. — Вы хотите срезать мне заработную плату?

— Нет, я хочу доказать тебе, что мы вовсе не бессердечны, как утверждаете вы, люди. На сей раз я не уменьшу тебе заработную плату. Но отныне ты должен работать с большим рвением и быстротой.

— Постараюсь, синьор СЕ Бета-261.

— Хочешь больше заработать, трудись усерднее. Почему бы тебе не поработать лишних два-три часика? — сказал директор.

— Мне кажется, и восьми часов достаточно, — ответил Гульельмо, избегая взгляда директора.

— А твои коллеги-роботы? Они-то работают двадцать три с половиной часа в сутки и не жалуются. При этом они не бастуют, не болеют и никогда не допускают ошибок.

Директор оседлал своего любимого конька, но у Гульельмо не было оружия, которым он мог бы выбить его из седла. Он хмуро молчал.

— У тебя не появилось желания последовать их примеру? — спросил СЕ Бета-261. — Поработать на заводе не восемь, а, скажем, десять часов?

— Нет, пока не появилось, — ответил Гульельмо.

— Ах, эти люди! До чего же вы ленивы! Пожалуй, стоит заменить вас роботами и в уборке стружки.

Он на мгновенье умолк, потом воскликнул:

— Наш разговор длится уже минуту пятьдесят четыре секунды. Немедленно возвращайся в цех.

Гульельмо надел фуражку, взял в руки метлу и вышел из кабинета в еще более мрачном настроении, чем две минуты назад. Будущее представлялось ему в виде огромной горы стружек.

Увы, для Гульельмо неприятности не кончились и после того, как он, положив метлу на место, отправился домой. Там его ждали жалобы жены и детей.

— Посмотри, в каком доме мы живем! — возмущалась жена. — Даже робота-слуги у нас нет, не говоря уже о роботе-поваре. А на чем мне приходится готовить еду! На плитке инфракрасных лучей. Я тоже хочу, чтобы у меня в кухне была плита на гамма-лучах!

— А я хочу электронный мозг, который помогает готовить уроки! У всех моих товарищей есть электронный мозг! — бурчал сын.

— Папа, купи мне электронную куклу! — хныкала дочка.

Гульельмо в ответ лишь тихо вздыхал. Так он жил еще несколько месяцев, но однажды произошло событие, которое перевернуло всю его жизнь.

Случилось это в последний день апреля. Как обычно, Гульельмо отправился в отдел заработной платы, чтобы получить свои жалкие гроши. Подойдя к металлическому ящику, он опустил в прорезь металлический жетон. Послышалось негромкое жужжание, дверца с грохотом отворилась, и Гульельмо просунул руку в ящик за конвертом с деньгами. Но едва он дотронулся до конверта, как его словно бы ударило электрическим током, и он поспешно отдернул руку. В ящике лежал не тонкий конверт, какой ему обычно выдавали, а толстый пакет, перевязанный эластичной лентой. «Должно быть, робот ошибся,— подумал Гульельмо.— Верно, в него попала пыль, а может быть, отсырела какая-нибудь термопара».

— Ну, забирай свой конверт и отправляйся на место,— послышался из ящика суровый голос начальника отдела.

Гульельмо протянул было руку, но в последний момент испугался и робко сказал:

— Синьор СЕ Альфа-395, очевидно, произошла ошибка.

— Мы не ошибаемся. Бери пакет и уходи.

— Но...

— Не отнимай у меня драгоценного времени, делай, как тебе велят.

— Ну, если так...— сказал Гульельмо и дрожащими руками взял пачку банкнот. Выйдя из отдела и пройдя несколько шагов, он остановился.

«А если об ошибке узнает дирекция? — подумал он.— Решат, что я воспользовался неполадкой в системе начальника отдела, и уволят меня. Глядишь, и под суд отдадут за мошенничество».

И он направился не к выходу, а в кабинет вице-директора. Войдя в комнату, он без промедления положил на стол деньги.

— Гульельмо! Откуда у тебя столько денег? — вытаращив от изумления глаза, воскликнул вице-директор. Не считая пятнадцати уборщиков, он был шестнадцатым человеком, который работал на заводе.

— Мне дал их начальник отдела заработной платы. Право же, у него испортились механизмы.

— Гм... не думаю, — сказал вице-директор, дотрагиваясь до пачки банкнот кончиками пальцев. Он пугливо оглянулся, наклонился к Гульельмо и прошептал: — Эти проклятые машины никогда не ошибаются и не портятся.

Потом нарочито громко добавил:

— Если синьор СЕ Альфа-395 дал тебе эти деньги, значит, у него наверняка были на то серьезные причины.

Гульельмо на всякий случай зашел и к директору, но тот вообще не захотел с ним разговаривать.

— Ты что же, сомневаешься в деловых качествах моего начальника отдела? — прогремел он.

Гульельмо пулей вылетел из кабинета и, не помня себя от радости, помчался домой.

Дома вначале он, а затем жена пересчитали деньги: в пачке оказалось ровно двести миллионов лир. Сложив деньги, Гульельмо объявил, что завтра же увольняется с работы. Жена сурово посмотрела на него.

— Тебе преподнесли такой щедрый подарок, а ты их бросаешь? Черная неблагодарность! А если они захотят подарить тебе еще сотню миллионов? Кто знает, что у них на уме?

Гульельмо почесал за ухом.

— Не думаю, чтобы такой счастливый случай повторился... Ну ладно, останусь на заводе, только ненадолго. До смерти надоело убирать стружку.

В тот же день, несмотря на слабые возражения Гульельмо, жена, набив сумочку деньгами, отправилась в огромный универсальный магазин «Рай для домашних хозяек». Плоды ее пятичасовой прогулки по этажам Гульельмо увидел на следующий день, когда фирменный грузовик магазина выгрузил у их дома бесчисленное множество кухонных принадлежностей.

Первым в дом внесли Радиаратор, предназначенный для хранения пищи, которую предварительно подвергают облучению. Он заменил устаревший холодильник. За Радиаратором последовала плита на гамма-лучах, электронная стиральная машина, трехмерный гигантский телевизор, миксер с молекулярной дезинтеграцией, хлеборезка с ядерным фиксатором, магнитная колонка, полотер со сверхзвуковыми щетками. Но, пожалуй, наибольшее впечатление на Гульельмо произвела машина по домашнему производству заменителя мяса: достаточно было заложить в нее двести грамм угля и литр нефти, как через минуту снизу вылетал солидный кусок говядины. А за небольшую доплату можно было приобрести усовершенствованный вариант этой машины. Она выдавала готовый бифштекс с гарниром из жареного картофеля.

Гульельмо с нескрываемым беспокойством осмотрел покупки жены и робко заметил, что денег заметно поубавилось, а главное, в доме от вещей повернуться негде. Лучше бы он этого не говорил!

Жена, сияя, показала ему контракт на покупку нового дома.

— Завтра получим ключи! — с торжеством объявила она. — Великолепная вилла! И стоит всего восемьдесят миллионов лир.

Вилла, в которую они перебрались, оказалась излишне великолепной. Из двадцати комнат они заняли всего шесть, а остальные так и остались пустыми. Гуль-

ельмо попробовал разузнать, почему потребовался такой большой дом, но жена уклонилась от ответа.

Впрочем, вскоре Гульельмо все стало ясно. В семь утра кто-то тихо постучал в дверь спальни.

— Войдите! — крикнул Гульельмо.

Дверь отворилась, и в комнату скользнул металлический ящик с двумя фотоэлементами и тремя шарнирными ногами. Он отодвинул гардину, и Гульельмо увидел, что у незнакомца стальная рука и он держит на подносе завтрак.

— Помогите, робот! — закричал Гульельмо, вскочив с кровати.

— Доброе утро, синьор, — невозмутимо произнес робот. — Отличное утро, не правда ли?

— Ничего себе, отличное! Отвратительное! Что ты тут делаешь?

— Меня зовут Мультивак. Я робот-слуга. Куплен вчера вашей женой.

— Да, да, я купила его, —подтвердила жена. — Ты недоволен?

— Не хочу, чтобы в моем доме хозяйничали роботы! Хватит с меня этих наглецов на заводе!

— Не станешь же ты сравнивать роботов-рабочих с роботами-слугами! — сказала жена. — Мультивак снабжен четырьмя дополнительными клапанами: вежливости, терпения, повиновения и скромности.

Гульельмо взглянул на маленького робота, стоявшего перед ним с подносом в руке.

— Значит, Мультивак выполнит все мои желания?

— Конечно, — ответила жена.

— И мне никто не запретит смотреть на него сверху вниз и время от времени ругать? — спросил Гульельмо в сладком предчувствии мести.

— Да. Только не переусердствуй. Не то у Мультивака лопнет клапан терпения.

Гульельмо взял поднос, сел на кровать и повелительным жестом велел роботу удалиться.

— Пожалуй, насчет слуги ты придумала неплохо, — сказал он, откусив свежий тост.

Покончив с завтраком, он встал и хотел одеться, как вдруг за спиной у него раздался голос:

— Разрешите вам помочь, синьор!

Он обернулся и увидел высокого робота с длинными гибкими руками.

— В его обязанности входит забота о твоей одежде, — объяснила жена. — У него превосходный вкус, и он умеет подобрать в тон пиджак, рубашки, галстуки, носки, туфли и запонки.

— Ну, двух роботов с меня вполне достаточно, — сказал Гульельмо.

Однако его ждали новые сюрпризы. В ванне он увидел робота, соединявшего в себе обязанности массажиста и парикмахера, в коридоре наткнулся на крохотного Минивака — чистильщика обуви, в столовой его ждали Сплендивак — мойщик стекол и Пылевак — робот, который был предназначен чистить и пылесосить ковры и пол. Две роботессы-гувернантки одевали и причесывали дочку и сына.

«Теперь понятно, для чего нам вдруг понадобились двадцать комнат», — подумал Гульельмо.

Он терпеливо позволил Миниваку начистить до блеска ботинки и, одарив его презрительным взглядом, отправился на работу.

Первое время все складывалось как нельзя лучше. После долгих лет унижений Гульельмо с удовольствием наблюдал за тем, как вокруг него хлопочут и

суетятся верные домашние роботы. К тому же они и в самом деле чрезвычайно облегчали жизнь. Весь день они трудились, а вечером, когда хозяева ложились спать, тушили в спальне свет и уходили каждый в свою комнату. Там они включали штепсель в розетку и всю ночь перезаряжали батареи. Разумеется, о сне они и понятия не имели и, чтобы как-то убить время, читали забавные, испещренные цифрами книги.

Настроение у Гульельмо резко упало в тот день, когда поступил счет от Компании электроэнергии. Роботы и многочисленные домашние приборы потребляли столько электричества, что жалования Гульельмо едва хватило на оплату счета.

К тому же, как заметил Гульельмо, роботы проявляли излишнюю услужливость, граничащую с назойливостью. Стоило, например, Гульельмо надеть слишком яркий галстук, как робот вежливо, но настойчиво отбирал его и протягивал хозяину галстук нужного цвета. Никому не удавалось войти или выйти из дому без того, чтобы Минивак не начинал чистить ботинки. Однажды Гульельмо вышел в коридор босой, и тут же Минивак вымазал ему все пальцы ваксой.

Сын и дочка, избалованные чрезмерными заботами роботесс, совершенно разленились — не хотели сами одеваться, мыться, причесываться и предоставляли гувернанткам готовить за них уроки.

Уборка комнат и поддержание чистоты превратились для Гульельмо в сплошное мученье. Стоило ему ступить на ковер, как тут же подбегал Пылевак с пылесосом и полотером, и Гульельмо в панике выбегал из комнаты. А что случалось в те дни, когда Гульельмо ронял пепел на пол, вообще не поддается описанию! Пылевак набрасывался на горстку пепла, словно голодающий на долгожданную еду, и добрый час в комнате не смолкал адский шум и грохот отодвигаемой

мебели. Гульельмо, и до того не жаловавший роботов, теперь, доведенный до отчаяния, стал награждать их пинками и нередко прятался от них в шкафу или в кладовке.

В один прекрасный день он вышел из себя и ударил Минивака табуреткой, а на Пылевака опрокинул ведро с мусором. У роботов лопнули сразу несколько клапанов, и пришлось уплатить за ремонт изрядную сумму. Очевидно, Минивака отремонтировали недобросовестно, потому что уже на следующий день маленький робот взобрался на подоконник и измазал ваксой стекла, а потом разукрасил и ковры. Сплендиваку и Пылеваку пришлось немало потрудиться, в итоге от перенапряжения у них лопнули предохранители и вышли из строя термостаты.

— Если бы вы купили электронный мозг, ничего подобного бы не случилось, — сказал инженер из ремонтного бюро.

— Только электронного мозга мне недоставало! — воскликнул Гульельмо. — Хватит с меня этих кровопийц!

— Но электронный мозг мог бы руководить роботами и предостерег бы их от ошибок, — объяснил инженер. — К тому же он мог бы служить вашим личным оракулом.

— Личным оракулом? — в изумлении переспросил Гульельмо.

— Совершенно верно. Электронный мозг в состоянии с одинаковым успехом управлять институтом, заводом или машиной. Так неужели он не справится с небольшим домом?! Он будет давать вам разумные советы, и все уладится наилучшим образом.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал Гульельмо.

— Мне бы он тоже был как нельзя кстати, — вмешалась в разговор его жена. — Он научил бы меня

правильно обращаться с электроприборами. А то я до сих пор с ними не справляюсь.

Не прошло и двух дней, как от полученных миллионов почти ничего не осталось — они были потрачены на покупку «Домашнего электронного мозга».

Первый совет Оракул дал жене Гульельмо: он порекомендовал ей купить Плюривак — робота, умеющего обращаться с любыми электроприборами. На него ушли последние два миллиона.

Гульельмо же, который в отчаяньи спросил у него, как быть: на свое весьма скромное жалование он не в состоянии содержать всех этих чертовых роботов, Оракул ответил:

— Продать их ты не сумеешь, подержанные вещи давным-давно никто не покупает. Но не вздумай уничтожать роботов, не то Общество защиты механических людей упечет тебя в тюрьму. Придется тебе содержать их и впредь. А для этого надо зарабатывать больше.

— Но кто мне повысит заработную плату? — возразил Гульельмо.

— А ты поработай на заводе лишний часок-другой.

Пришлось Гульельмо последовать совету Оракула, другого выхода у него не было.

Он стал работать десять часов в сутки, но денег по-прежнему не хватало. Тогда он увеличил свой рабочий день до двенадцати, затем — до четырнадцати часов. Это позволило ему покрыть почти все домашние расходы.

На его несчастье гигантский телевизор и Радиаратор вышли из моды. Под нажимом назойливой рекламы он решил их продать и купить новые. Но за проданные вещи ему дали сущие гроши. Тогда он перешел на шестнадцатичасовой рабочий день.

— Браво, Гульельмо, мы очень довольны тобой! — сказал ему директор завода, возбужденно поблескивая

объективами.— Еще семь с половиной часов, и ты сравняешься со своими коллегами-роботами.

Только тут Гульельмо осознал, что с ним приключилось. Он истратил все деньги, «подаренные» дирекцией, на то, чтобы стать рабом машин и роботов. Скоро он и сам превратится в робота.

Электронный мозг заманил его в ловушку. Он вернул свои деньги и впридачу заполучил его самого. Да, СЕ Альфа-395, начальник отдела заработной платы, не совершил никакой ошибки. Ошибку совершил он, Гульельмо, и притом роковую.

Примо Леви

Надпись на лбу

Когда в девять утра Энрико вошел в приемную, там уже находилось семь человек. Он выбрал из груды журналов на столике один, менее растрепанный. Увы, и этот журнал ничем не отличался от тех пустых и скучных изданий, которые неизвестно почему неизменно попадают в приемные и залы ожиданий. Ни один здравомыслящий человек не в состоянии читать их больше двух минут. В журнале, который перелистывал Энрико, чуть ли не на каждой странице мелькала фотография заместителя министра, разрезающего ленту на очередной выставке. Энрико положил журнал на столик и огляделся.

Неподалеку от двух посетителей, судя по виду пенсионеров, сидела скромно одетая женщина лет пятидесяти. Остальные скорее всего были студенты.

После пятнадцатиминутного ожидания дверь в приемную открылась и на пороге появилась спортивного вида девица в желтом передничке.

— Чья очередь? — спросила она.

Не прошло и четырех минут, как в кабинет был приглашен следующий посетитель. Энрико повернулся к своему соседу-студенту и сказал:

— Похоже, нас здесь не задержат.

Тот с умным видом бросил:

— Как знать.

До чего же доходит человек в своем тщеславии! Даже в обыкновенной приемной многие любят изображать из себя мудрецов. Но студент-всезнайка оказался

прав. Перед тем как в кабинет пригласили третьего посетителя, прошло добрых полчаса. Тем временем в приемную явились еще двое. И тут уже Энрико почувствовал себя всезнающим и мудрым — скорее всего потому, что вошедшие, как и он сам какой-то час назад, растерянно оглядывались вокруг.

Время тянулось томительно медленно. Энрико почувствовал, что пульс у него участился, а руки почему-то вспотели. Ему казалось, будто он ждет очереди к зубному врачу. Как неприятно ждать! Никогда не знаешь заранее, как себя вести и что говорить.

Энрико никак не удавалось определить, сколько в среднем длится прием каждого посетителя. Одного из пенсионеров, например, и двух минут не держали, а красивого белокурого юношу в очках не отпускали более четверти часа.

Было уже около одиннадцати, когда очередь дошла до Энрико. Девушка в передничке провела его в большой, претенциозно обставленный кабинет. На стенах висели картины абстракционистов и фотографии. Но Энрико не удалось их рассмотреть: чиновник, сидевший за большим столом, любезно предложил ему сесть поближе. Это был сравнительно молодой, высокий, атлетически сложенный мужчина. Над кармашком его пиджака красовалась планка с надписью «Карло Ровати», а на загорелом лбу под ежиком светлых волос голубыми буквами было выведено: «Отдыхайте в Савойе».

— Вы откликнулись на наше объявление в «Корьере», — чиновник доброжелательно взглянул на Энрико. — Вряд ли вы знаете, чем мы занимаемся, но уверен, что мы станем друзьями — независимо от того, придем к соглашению или нет. Мы люди агрессивные и сразу берем быка за рога. Вы, верно, помните, что в нашем объявлении говорилось о работе легкой и хорошо оплачиваемой. Могу только добавить, что речь

идет о работе столь легкой, что ее и работой назвать нельзя. Пожалуй, это своеобразное художественное выступление. Что же до компенсации, то предоставляю вам судить самому.

Ровати окинул Энрико оценивающим взглядом.

— Вы нам подходите, — немного погодя сказал он. — У вас открытое, приятное лицо. Его нельзя назвать стандартным, такое лицо нелегко забыть. Мы могли бы вам предложить...

И он назвал такую сумму, что Энрико едва не подскочил на стуле. Он зарабатывал мало, жил очень скромно и умел соразмерять свои желания с реальными возможностями.

Ровати продолжал:

— Вы, очевидно, уже поняли суть дела. Речь идет о новой технике рекламы. — Тут он легонько коснулся пальцем своего лба. — Приняв наше предложение, вы вовсе не обязаны менять свое поведение, вкусы, привычки. Взять, к примеру, меня: я никогда не был в Савойе — ни на отдыхе, ни по делам, да и не собираюсь туда ехать. Если же кто-либо рискнет отпустить невежливое замечание на ваш счет, вы имеете право ответить по собственному усмотрению. Словом, я предлагаю вам продать либо сдать в аренду (назовем это так) свой лоб.

— Продать или сдать в аренду?..

— Выбор целиком зависит от вас. У нас существует два вида контракта: кратковременный и долгосрочный. Названную мною сумму вы получите при трехгодичном контракте. Вам нужно лишь спуститься в наш графический центр, в этом же здании на втором этаже, сделать надпись, получить квитанцию, зайти в кассу, и там вам выдадут чековую книжку. Если же вы предпочитаете контракт на более короткий срок, скажем на три месяца, процедура не изменится, только чернила будут другими; они бесследно исчезнут

примерно через три месяца. Но, как вы сами понимаете, в этом случае размер компенсации будет гораздо меньше.

— А в первом случае чернила продержатся все три года? И затем исчезнут, не оставив следов на лбу?

— Нет, дело обстоит не совсем так. К сожалению, нашим химикам пока не удалось создать стойкие дермочернила. Если вы решитесь заключить контракт на три года, то в конце третьего года в графическом центре вам сделают легчайшую безболезненную операцию, и ваш лоб станет таким же чистым, как прежде. Разумеется, если вы откажетесь от продления контракта.

Энрико обуревали сомнения. Конечно, четыре миллиона лир — крупная сумма, но что скажет Лаура?

— Вы не обязаны решать так, сразу, — сказал Ровати, словно прочитав его мысли. — Вернитесь домой, подумайте, посоветуйтесь с близкими, с друзьями. В вашем распоряжении неделя, но не больше. Мы обязаны заранее знать, каковы наши перспективы.

Энрико с облегчением вздохнул. Он спросил:

— А надпись я могу выбрать сам?

— Безусловно. Мы дадим вам пять-шесть вариантов на выбор. Но в любом случае надпись будет состоять из нескольких слов и небольшого клейма.

— Мне хотелось бы знать... Я буду первым?

— Вы хотите сказать, вторым, — Ровати улыбаясь, показал на свой лоб. — Не волнуйтесь, даже не вторым. В одном только вашем городе мы уже заключили... да, восемьдесят восемь контрактов. Так что можете быть спокойны, вам вряд ли придется отвечать на недоуменные вопросы. Согласно нашим предварительным подсчетам, в течение года такого рода реклама получит широкое распространение во всех крупных городах. Более того, она, подобно значкам некоторых привилегированных клубов, станет отличительным признаком общественного положения. Представьте се-

бе, этим летом только на одном курорте Кортина д'Ампеццо мы заключили двадцать два сезонных контракта в обмен на бесплатное питание и номер в гостинице на август!

К изумлению и, пожалуй, некоторому огорчению Энрико, Лаура не колебалась ни минуты. Она была девушкой практичной и напомнила, что четыре миллиона лир позволят им решить проблему квартиры. К тому же можно получить не четыре, а восемь и даже десять миллионов лир, а это означает мебель, телефон, холодильник, стиральную машину и «Фиат-850».

— Но с чего вдруг десять миллионов? — удивился Энрико.

— Так это же проще простого, — объяснила Лаура. — Я тоже попрошу, чтобы мне сделали надпись на лбу.

А две дополняющие друг друга надписи которые рекламное агентство запечатлеет на лбах жениха и невесты, конечно же, стоят больше двух отдельных надписей.

Энрико не проявил энтузиазма: во-первых, потому что идея исходила не от него, во-вторых, приди она ему на ум, он бы не решился предложить ее Лауре, в-третьих, три года — срок немалый, и ему показалось, что Лаура с клеймом на лбу, словно выбракованный теленок, лишится той нежности и чистоты, что были ей свойственны прежде.

Все же он позволил себя убедить, и два дня спустя будущие супруги явились в рекламное агентство, к Ровати. Они немного поторговались относительно цены, впрочем, без особого ожесточения. Лаура изложила свои доводы мягко, но вполне убедительно. Очевидно, ее чистый, красивый лоб пришелся Ровати по вкусу, ибо они быстро сошлись на девяти миллионах лир.

Что касается надписи, то тут выбирать фактически не пришлось. Единственной фирмой, которая намеревалась рекламировать свою продукцию одновременно на двух лбах, была косметическая фирма.

Энрико и Лаура подписали контракт, получили талоны и спустились в графический центр. Девушка в белом халате кисточкой нанесла им на лоб какую-то жидкость с резким запахом, несколько минут продержала их под кварцем, а затем над переносицей нарисовала вертикальную линию и печатными буквами вывела на лбу Лауры «Лиливит — для нее» и на лбу Энрико — «Лилибради — для него».

Свадьба состоялась два месяца спустя. Нельзя сказать, чтобы эти месяцы были для Энрико легкими. На службе ему приходилось буквально каждому объяснять, что к чему. Он предпочел сказать чистую правду, немного, впрочем, погрешив против истины и приписав все девять миллионов лир достоинствам собственного лба. О Лауре он вообще не упомянул. Точную же цифру назвал из боязни, как бы его не упрекнули в том, что он продешевил. Одни сослуживцы одобряли его решение, другие порицали, но никто не выказал ему особых симпатий и, что еще хуже, никто не соблазнился духами «Лилибради», которые рекламировал его большой, красивый лоб.

В душе Энрико боролись два желания: сообщить всем адрес рекламного агентства, и тогда не он один будет «клейменым», и страх, что в таком случае его надпись резко упадет в цене. Когда же три недели спустя он увидел на лбу у своего коллеги Молинари, серьезного, рассудительного человека, объявление «Альновал — это вечно здоровые зубы», на душе у него стало приятнее.

Что касается Лауры, то она не отягощала свою жизнь подобными переживаниями. Дома никто ее ни в чем не упрекнул. Более того, мать сама не преминула

отправиться в агентство. Но там ей отказали по причине слишком морщинистого лба. У Лауры почти не было подруг, она уже не училась, но еще не работала, и потому ей нетрудно было держаться подальше от знакомых. Она регулярно заходила в магазины, многие посетители внимательно смотрели на нее, но никто не задавал вопросов.

Свадебное путешествие они решили совершить в машине. А чтобы не останавливаться в многолюдных кемпингах, захватили с собой палатку. По возвращении домой они договорились как можно реже показываться на людях. Однако спустя несколько месяцев от первоначального чувства неловкости не осталось и следа. То ли рекламное агентство Ровати проделало хорошую работу, то ли другие последовали его примеру, но только теперь на улицах, в троллейбусах и автобусах все чаще попадались люди с надписями на лбу, по большей части красивые юноши и девушки, либо же иммигранты. Соседи Энрико и Лауры, молодые супруги Массафра, также побывали в агентстве и теперь гордо расхаживали по улицам, призывая прохожих записываться на заочные курсы профессионального обучения.

Вскоре обе пары подружились и стали вместе ходить в кино, а по воскресеньям — в ресторан. Хозяин ресторанчика всегда оставлял для них столик в правом углу зала. Как-то они заметили, что соседний стол тоже неизменно занимают четверо «клейменых». Нужно ли добавлять, что они быстро познакомились, стали обмениваться впечатлениями о визитах в агентства, обсуждать условия контрактов, выяснять отношения с родными и близкими, делиться планами на будущее.

В кино все они старались сесть справа от входа, так как заметили, что зрители с надписями на лбу предпочитали сидеть именно в этих рядах. По подсчетам

Энрико, к ноябрю у каждого тридцатого горожанина уже была какая-нибудь надпись на лбу, чаще всего, как и у них с Лаурой, рекламные объявления.

Как-то в картинной галерее им довелось увидеть элегантно одетого юношу, лоб которого украшала надпись: «Человек — зверь». На виа Ларга им повстречался мужчина с приплюснутым, как у боксера, носом. У него на лбу было написано: «Правопорядок — залог западной цивилизации». В окошке «Феррари» они разглядели мужчину лет тридцати, лоб которого призывал: «Голосуйте, отказавшись голосовать!» В троллейбусе две грациозные девушки-двойняшки открыто выражали свои спортивные симпатии: на лбу одной из них было написано «Милан—Интер 4 : 0», на лбу другой — «Дзилиоли-душка, жми на педали».

Энрико и Лаура перестали чувствовать себя одинокими. Со временем они даже начали гордиться тем, что были пионерами «фронтальной» рекламы. От своих новых друзей они узнали, что в последнее время агентства стали снижать плату за рекламу. Дело дошло до того, что за надпись в одну строчку (сроком на три года) ни одно из агентств не давало свыше трехсот тысяч лир, а за текст в тридцать слов с соответствующим фирменным клеймом предлагали жалких шестьсот тысяч.

В конце третьего года с момента подписания контракта Лаура обнаружила, что ждет ребенка. Эта новость ее обрадовала, несмотря на то что из-за дороговизны их сбережения таяли как снег. Супруги отправились к Ровати и предложили ему возобновить контракт. Но на сей раз он принял их весьма сухо и предложил смехотворную сумму за рекламу датского полупорнографического журнальчика. Посоветовавшись, они решили отказаться и сразу же спустились в графический центр, чтобы свести надписи. Вопреки заверениям девушки в белом халате, на лбу Лауры

появились морщинки и он покрылся темными пятнами, как после ожога. А если хорошенько присмотреться, то можно было разглядеть и полосу над переносицей.

Ребенок родился крепким и красивым. Только на лбу у него потрясенные родители увидели надпись: «Пилюли Кавиккьоли — средство от боли».

Малыша отнесли в агентство. Ровати навел справки и установил, что такой фирмы не значится ни в одном каталоге или списке Торговой палаты. Поэтому он, увы, не имеет возможности заплатить им даже в счет возмещения убытков. Но, будучи человеком отзывчивым, дал им талон, позволяющий свести надпись бесплатно.

Марко Дилиберто

Братья-близнецы

ПРОЛОГ

Селение Торнтон-Вудс расположено как раз в том месте, где поросший старыми величественными елями остров делит огромное озеро пополам. Вода в озере прозрачная и в ней отражается темно-голубое небо, а само селение почти скрыто густой тенью деревьев. Житель Торнтон-Вудса, Эзра Коуп, первый заметил космический корабль, который с невероятной скоростью несся к Земле. Однако корабль не разбился, как можно было ожидать. У самой поверхности он взревел, словно старый лев перед смертью, выхлопные газы обволокли луг ядовитым облаком, корабль ткнулся носом возле самого берега и замер.

Эзра Коуп задумчиво почесал затылок. В этих краях воздушные катастрофы случались не впервые, и он не прочь был поживиться уцелевшими вещами, прежде чем на место аварии прибудет служба экстренной рекуперации. Но у его жены Евы приближались роды, и он не мог далеко отлучаться от дома. «Пилот, верно, ранен, надо бы ему помочь», — подумал Эзра и в нерешительности посмотрел на свой старый домишко. На месте последней аварии он нашел чудесный цветной телевизор, но без антенны.

— Я мог бы спасти пилота, — пробормотал крестьянин, — и заодно поискать антенну.

Он снова взглянул на свой дом, где Ева терпеливо ждала приближения родов, и пулей рванулся к берегу озера.

К великому огорчению Эзры Коупа, корабль при посадке не получил серьезных повреждений. Левый люк был приоткрыт, но оттуда никто не показывался. Переждав какое-то время, Эзра воровато огляделся, а затем торопливо зашагал к кораблю. У него были все основания бояться — закон от третьего марта две тысячи сто восемьдесят четвертого года гласил: «Тот, кто с целью наживы осмелится завладеть вещами, уцелевшими при аварии космических кораблей, подлежит тюремному заключению сроком до десяти лет». Верховный суд доказал, что он строжайшим образом придерживается буквы закона, приговорив к восьми годам тюрьмы крестьянина, который после аварии космического корабля собрал остатки топлива.

Все это так, но телевизор без антенны — что посевы без воды! Им и пользоваться-то нельзя. И Эзра Коуп полез в корабль.

Маятник времени, и тот, казалось, на миг прервал свое вечное движение в ожидании расплаты за кощунство. Но Эзра Коуп был простым крестьянином, и дурные предчувствия овладевали им разве что перед получением налоговой повестки.

...В кабине пилота перед пультом управления лежал розовый младенец. Эзра уставился на него в величайшем изумлении. Кроме полуживого ребенка на безмолвном космическом корабле не было ни души.

К тому времени как запыхавшийся Эзра добежал до дома, Ева успела произвести на свет крепкого малыша. При этом у нее еще достало сил обругать мужа. «Такого гнусного негодяя во всей солнечной системе не сыскать! Надо же — бросает жену, которая вот-вот разродится, а сам шляется по лесу».

Маятник времени вновь пришел в движение, терпеливо пробегая год за годом. Минуло ровно тридцать

лет. И хотя за этот срок не произошло выдающихся событий, долг летописца обязывает меня, хотя бы вкратце упомянуть о некоторых фактах.

Потерпевший аварию космический корабль был перевезен на ближайший космодром, где он ржавел в одном из ангаров. Комиссия по расследованию причин аварии не обнаружила на борту корабля живых существ. Более того, как выяснилось, тридцатого августа две тысячи сто восемьдесят четвертого года не было никаких сведений о пропавших без вести или погибших пилотах. В довершение ко всему никто не видел, когда корабль стартовал с космодрома. Дело кончилось тем, что капитан Джексон, начальник управления стартов космических кораблей, получил выговор. И это пагубно сказалось на его дальнейшей карьере. Много лет спустя он обратился в Верховный суд, и его жалоба стала предметом сложного разбирательства.

Между тем корабль продолжал ржаветь. Пилоты обходили его стороной, а капитан Джексон приказал не спускать с него глаз. Он так и не понял, каким образом корабль стартовал без его ведома и тем самым испортил ему карьеру.

Дэниел и Абель Коуп росли вместе, и все были уверены, что они близнецы. Они были на редкость похожи друг на друга. И хотя в этом нет ничего удивительного — близнецы почти всегда похожи,— братья Коуп в этом отношении явно не имели себе равных. Одинаковая внешность, рост, походка, манера держаться, вкусы, привычки... Различить их было попросту невозможно. И лишь безошибочный родительский инстинкт позволял Эзре и Еве отличать собственного сына от найденыша, которого в свое время они подобрали. В тот памятный день Эзра принес младенца

домой и положил рядом с новорожденным сыном, никому не рассказав о случившемся.

Комиссии по расследованию он объяснял:

— Мне было не до космического корабля. Двое близнецов — это вам не шутка.

Его слова неопровержимо доказывают, что бесхитростные крестьяне в случае необходимости умеют изворачиваться не хуже горожан. Нельзя отрицать и того, что они предпочитают сыновей дочерям, ибо, по их словам, земля нуждается в мужской силе. Для родителей близнецов было тяжким ударом, когда им пришлось расстаться с сыновьями. А все потому, что у тех обнаружились блестящие способности. В начальной школе братья получали высшие оценки по всем предметам, а став старше, настолько превзошли своих сверстников, что Федеральный комитет образования выделил крупную сумму для их обучения в Гарвардском университете. (Из чего следует, что некоторые институты столь же долговечны, как и налоговые управления.) В Гарварде Дэниел и Абель целиком погрузились в науку. Их интересы распространялись и на предметы, не предусмотренные программой. Получив разностороннее образование, они стали блестящими учеными. Перед ними открылись двери многих научных лабораторий. В жестокой конкурентной борьбе верх взял Центр космических полетов, получивший поддержку правительства. Так Абель и Дэниел Коуп стали специалистами по межпланетным полетам.

ИСТОРИЯ КАК ТАКОВАЯ

Космодром в Филадельфии тридцатого августа две тысячи двести четырнадцатого года.

К микрофону подходит Джон Гулп, президент Федерации.

— Дорогие друзья, — начал он. (Приближались выборы, и подобное обращение не вызвало удивления собравшихся.) — Сегодня все мы станем свидетелями знаменательного события, и, признаюсь, я очень взволнован. Абелю Коупу, нашему молодому гениальному ученому, предстоит старт к звездам. Все вы уже знаете, что Абель благодаря своему гиперпроектору сумеет в несколько раз превзойти скорость света. Мы будем ждать тебя, Абель Коуп, как ждут... (Здесь мы опускаем ту часть речи президента, где он говорил о матерях, трепетно ждущих сыновей, об отцах, бесстрашно посылающих сыновей на первую линию огня, — словом, извлек на свет весь набор обычной предвыборной пропаганды.)

— Ты, Абель Коуп, прототип будущих поколений, — продолжал президент. (И он заговорил о неустанной заботе правительства о молодежи, о субсидиях ученым, закончив, разумеется, призывом оказать ему доверие на предстоящих выборах.)

— Дорогой Абель, гиперпроектор, который ты изобрел вместе с братом Дэниелом, — лучшее доказательство организационных и технических способностей правительства...

Собравшиеся вежливыми аплодисментами проводили президента с трибуны. Абель Коуп, стоя у открытого люка, с улыбкой помахал рукой, и толпа ответила ему громовой овацией. Он тщетно пытался обратить на себя внимание Дэниела, стоявшего рядом с президентом, но тот, казалось, никого и ничего не видел. Он стоял, вперив взгляд в пространство, словно узрел там нечто ужасное.

Но вот космический корабль взмыл в воздух. В ста метрах от Земли Абель включил гиперпроектор. Скорость корабля многократно превысила скорость света, и вскоре он растворился в голубой дали.

— Я уверен, что избиратели учтут...

Президент Гулп пребывал в предвыборном ажиотаже.

— Кстати, когда вы ожидаете возвращения Абеля?

Министр технических исследований пожал плечами.

— Точная дата не установлена. Абель намерен опробовать свой гиперпроектор в серии полетов. Первая цель — достигнуть созвездия Альфа Центавры, а затем...

Ему пришлось повысить голос, так как космодром все еще взрывался аплодисментами в честь героя космоса. К президенту пробился начальник полиции Джим Бартон.

— Господин президент, с вами настоятельно хочет поговорить Дэниел Коуп. Он утверждает, что у него крайне важные сведения.

— Пусть подойдет. Я всегда рад побеседовать с нашим выдающимся соотечественником, — милостиво согласился Гулп.

Дэниел Коуп, спотыкаясь, словно ему связали ноги, подошел к президенту.

— Ваше превосходительство, — неуверенно проговорил он. — Я хотел бы... докладываю, что... что полет завершился благополучно.

— Что? Какой полет? — удивился президент.

— Полет Абеля.

— Вы шутите, дорогой друг. Он только начался!

— Господин президент, — дрожащим голосом продолжал Дэниел Коуп, — все дело в том, что я вернулся тридцать лет назад.

— Конечно, конечно, ну, разумеется, — растерянно сказал президент. — Но в каком смысле, друг мой?

— Как вам известно, время — четвертое измерение пространства. При скоростях, близких к скорости

света, время как бы застывает. А когда скорость света превышена, то время возвращается назад. Я в течение года летал в космосе со скоростью, в тридцать раз большей скорости света, и таким образом...

— Безусловно, безусловно, — в совершенном трансе пробормотал президент.

— ...я вернулся. Тридцать лет назад, — приободрившись, закончил Дэниел Коуп.

Президент покачал головой.

— Гении так беззащитны, — грустно прошептал он. — Я всегда говорил... чрезмерное увлечение наукой... бессонные ночи в лаборатории... Джимми, отведите его в дом для умалишенных.

Милуоки, частная резиденция президента, три дня спустя. За столом президент Гулп, в кресле рядом — начальник полиции Джим Бартон.

— Проклятые газеты! — в ярости восклицает Джим Бартон. — Они неисправимы! Посмотрите только, что пишет оппозиционная печать!

— А сам ты как относишься к этой истории, Джим?

— Ммм... Видите ли, я не ученый...

— Не ученый! — передразнил его президент Гулп. — Жалование-то у тебя побольше, чем у любого ученого. И все это касается тебя лично.

— Психиатры...

— Твои психиатры — невежды и болваны! — Гулп не терпел, когда его прерывали. — Пусть они хорошенько потрудятся хоть раз в жизни. Но если Дэниел Коуп психически здоров, значит, он солгал мне, своему президенту, и тем самым оскорбил всю Федерацию. И уж ты сам позаботься, милейший, чтобы его посадили на атомный стул!

— На атомный стул? — испуганно повторил начальник полиции.

— И чем скорее, тем лучше! — прорычал Гулп. — Вряд ли стоит тебе напоминать, что подобные дела входят в компетенцию исключительно начальника полиции.

Джим Бартон заерзал в кресле. Он много лет играл с Дэниелом Коупом в трибридж и неизменно проигрывал ему половину месячного жалования. Сколько раз во время игры он желал Дэниелу смерти!.. Но на атомном стуле?! Все что угодно, только не атомный стул!

— Чтобы провести тщательное расследование, мне нужно время, ваше превосходительство.

— Ну, что ж, даю тебе два дня. За такие шутки положено платить сполна.

— Два дня! — побледнев, воскликнул Бартон. — Но ведь эта история произвела сильнейшее впечатление во всем мире! Подобная поспешность может вызвать подозрения... и тогда выборы... без юридических гарантий...

Удар пришелся в самую точку.

— Это я как-то упустил из виду, — задумчиво проговорил президент Гулп. — Конечно, если я проявлю излишнюю поспешность, многие скажут, что я слабый человек, подверженный приступам гнева. И уж оппозиция наверняка не упустит случая обвинить меня в невежестве. Им ничего не стоит сказать, что этот безумец Дэниел Коуп много лет водил меня за нос!

— Я бы предложил создать компетентную комиссию по расследованию обстоятельств дела, — осторожно сказал Бартон.

Кто-кто, а Джим Бартон прекрасно знал, что такого рода комиссии заседают до бесконечности, а это вполне отвечало его целям!

Президент Гулп просиял.

— Черт возьми, именно это я и хотел сказать! Безусловно, самое разумное создать комиссию по расследованию. — Он все больше воодушевлялся. — Примерно в таком составе: известный психиатр, известный астрофизик и гм... известный деятель полиции. Превосходная идея! Джим, поручаю тебе отобрать кандидатуры крупнейших ученых. Даю месяц сроку. А уж потом можешь принести мне на блюде голову этого несчастного. Но не забывай: все должно быть сделано строго по закону.

Милуоки, частная резиденция президента, месяц спустя. В кабинете, кроме президента, члены комиссии. Докладывает начальник полиции.

— В результате тщательного расследования комиссия пришла к следующим выводам. Первое: Дэниел Коуп психически совершенно здоров. Второе: члены комиссии не имеют оснований сомневаться в истинности его заявления.

Президент Гулп тяжело задышал.

— Повтори-ка, Джим, — мрачно сказал он.

Бартон повторил. В кабинете стало тихо. Астрофизик Форбс зажег было сигарету, но, перехватив взгляд президента, мгновенно ее потушил. Знаменитый психоневролог Дональд с интересом наблюдал за угрожающе вздувшейся веной на виске президента.

— Не имеют оснований, — глухо повторил президент. Под глазами у него были синие круги, и это в равной мере можно было приписать бессонным ночам и проискам оппозиционной печати. Заголовки типа «Коуп против Гулпа: четыре — ноль», «Кто же должен сидеть в сумасшедшем доме?», «Безумца в президенты!» и камень могли лишить сна, а Гулп был всего лишь человеком.

— Что ж, послушаем, — устало произнес он. — Слава богу, я не ученый. Но логики и здравомыслия мне не занимать. Итак, выкладывайте факты.

— Факты весьма просты, — сказал Джим Бартон. — Абель Коуп вылетел тридцатого августа этого года. В ста метрах от Земли он включил гиперпроектор, и целый год несся в космосе со скоростью, превышающей скорость света. Впрочем, об этом лучше расскажет Форбс.

Знаменитый астрофизик откашлялся.

— Давным-давно известно, — напыщенно начал он, — что вращение пространственно-временных осей Декарта влияет на время. Растяжение времени выражается формулой

$$\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}, \quad \text{где} \ldots$$

— Слушайте вы, Форбс, Крокс или как вас там, черт побери, зовут! — вскричал Гулп. — Если вы хотите и впредь преподавать в университете, постарайтесь говорить, как все нормальные люди, иначе...

Форбс побледнел.

— Я как раз и хотел объяснить общеизвестный факт, — пробормотал он. — Прошу прощения... Итак... словом, чем сильнее скорость какого-либо тела, тем больше замедляется в нем бег времени.

— И в автомобиле? — с недоброй ухмылкой спросил президент.

— Да, господин президент, — мужественно подтвердил Форбс. — Часы, вмонтированные в несущейся с огромной скоростью машине, идут медленнее, чем башенные часы.

— И вы можете это доказать? — заинтересовался Гулп.

— Могу, ваше превосходительство, — совсем осмелев, ответил астрофизик. — Это свойство вытекает из

знаменитой теории относительности Эйнштейна. В двух словах: все физические, химические и биологические процессы с увеличением скорости замедляются. До сих пор предельной считалась скорость света, составляющая триста тысяч километров в секунду. При такой скорости время как бы останавливалось... Соответственно скорости, превышающие скорость света, вызывают возвращение времени назад. Это можно доказать математически. В результате изменения знака под радикалом...

Джим Бартон осторожно кашлянул. Форбс на миг запнулся и поспешно закончил:

— Я хотел сказать, что Абель Коуп, летя в пространстве со скоростью, значительно превышающей скорость света, должен был вернуться именно тридцать лет назад.

— А скажите-ка мне, Форбс, — с наигранной доброжелательностью спросил президент, — с какой скоростью сейчас летают космические корабли?

— Со скоростью сто тысяч километров в секунду. Это примерно втрое меньше скорости света.

— Но и это вполне приличная скорость. Почему же никто из космонавтов до сих пор не сталкивался с проблемой времени?

— Видите ли, господин президент, — ответил Форбс, — для них этот фактор не имеет практического значения. Космические корабли снабжены автоматическим управлением. Космонавты с момента старта пребывают в состоянии анабиоза. Им остается лишь перевести часы при посадке.

Президент Гулп тяжело вздохнул и перевел взгляд на Дональда, известнейшего в Федерации психиатра. Дональд был человеком методичным, и речь его текла неторопливо, спокойно.

— Дэниел Коуп психически совершенно здоров. У нас имеются на этот счет неопровержимые доказа-

тельства. Кстати, мое последнее изобретение, гипноневротический молекулярный мезохлон, позволяет...

— Расскажите о нем вашим ненормальным коллегам! — в ярости прервал его Гулп. — Меня интересует только Коуп.

— Повторяю, Дэниел Коуп полностью здоров. И он утверждает, что, вылетев с филадельфийского космодрома в известный вам день, приземлился близ Торнтон-Вудса ровно тридцать лет назад. Его, превратившегося к тому времени в младенца, спас крестьянин, по имени Эзра Коуп, который его усыновил и дал ему свое имя.

— Погодите, профессор, — снова прервал ученого Гулп. — Я ровным счетом ничего не понимаю. Разве этот крестьянин не отец Абеля Коупа? Того, кто сейчас находится в космическом полете?

— Речь идет об одном и том же субъекте.

— В каком смысле, черт побери? Можете вы, наконец, сказать: Дэниел и Абель Коуп — два разных человека или один и тот же?

— Позвольте вам объяснить. Дэниел и Абель Коуп — два разных человека. Но вместе с тем мы имеем дело с одним и тем же субъектом. Чтобы окончательно не запутать проблемы, попробуем уяснить, что произошло с Абелем Коупом. В свое время он родился, вырос, стал выдающимся физиком, изобрел гиперпроектор и стартовал в космос. За тот год, что он летал среди звезд со скоростью, в тридцать раз превышающей скорость света, время для него двигалось назад, и он прожил в обратном порядке всю свою жизнь, вплоть до дня рождения. В силу удивительного стечения обстоятельств его космический корабль приземлился неподалеку от дома отца.

— Каким же образом ему удалось прожить тридцать лет в космосе? — воскликнул президент Гулп.

— Теперь, благодаря достижениям современной науки это уже не проблема. На протяжении полета космонавт находится в состоянии анабиоза. Он просыпается лишь в том случае, если Пункт непрерывного контроля сочтет нужным его разбудить. Обычно к пробуждению прибегают только при посадке.

— Значит, — после мучительного раздумья вымолвил президент Гулп, — Дэниел — это не кто иной, как Абель, вернувшийся из космоса тридцать лет назад... Но как же он ни о чем не вспомнил?

— Ваше превосходительство, помнят о прошлом, а не о будущем.

Джим Бартон негромко кашлянул.

— Что еще, Джим?

— Господин президент. Эзра Коуп признался. Он долго упирался, но, когда его убедили, что пилот не считается частью корабельного имущества, он рассказал обо всем. Словом, на космическом корабле он нашел ребенка, принес его домой и растил как своего сына.

— Кто бы мог подумать! — пробормотал президент.

— Кроме того, ваше превосходительство, капитан Джексон (в настоящее время он находится на пенсии) подал в суд на Верховное командование, обвинив его в превышении власти и незаконных действиях. Джексон утверждает, что несправедливое взыскание погубило его карьеру, и требует возмещения убытков.

— При чем тут Джексон?! — вскричал президент.

— Джексон, — терпеливо, как ребенку, принялся объяснять Бартон, — в то время был начальником управления стартов на космодроме вблизи Торнтон-Вудса. Я провел тщательное расследование обстоятельств дела. Корабль, найденный Эзрой Коупом, был признан «самовзлетевшим», и Джексон чудом

избежал наказания. Корабль же поставили в ангар рядом с другими серийными кораблями, и никому не пришло в голову, что...

— Уж не хотите ли вы сказать...

— Вы угадали, ваше превосходительство. Абель Коуп взлетел на том же самом корабле.

— Невероятно!

— Таковы факты! — Начальник полиции развел руками. — И они являются достаточно логичным объяснением. Абель и Дэниел Коуп изобрели гиперпроектор, который позволяет любому космическому кораблю превысить скорость света. Для доказательства Абель выбрал корабль устаревшей конструкции. Выбрал тот самый корабль, на котором приземлился тридцать лет назад! А сделал он это по той простой причине, что на корабле было совершено всего несколько полетов (с того раза космонавты и слышать о нем не хотели) и он практически не нуждался в ремонте.

— Не может быть! — воскликнул президент Гулп. — Сейчас я вам докажу, что все это сплошные враки!

Собравшиеся вопросительно взглянули на него.

— Здравомыслие и логика. Логика и здравомыслие — вот мой всегдашний девиз. Корабль не мог быть тем же самым по той простой причине, что тридцать лет назад не существовало гиперпроектора! — торжествующе выпалил Гулп.

— Но вы забываете, — спокойно сказал Форбс, — что тридцать лет прошли и для гиперпроектора.

Президент Гулп схватился за край стола.

— Проклятье! — взревел он. — Вы меня не обманете! Каким же образом космический корабль мог без гиперпроектора летать со скоростью выше скорости света?

— Согласно принципу инерции в вакууме тела сохраняют начальную скорость...

— Ах, принцип инерции! — повторил Гулп. От ярости у него отвисла нижняя челюсть.

Атмосфера в кабинете президента накалялась.

— Дэниел и в самом деле сойдет с ума, если его не выпустят из психиатрической больницы, — негромко произнес профессор Дональд. — Он просит, чтобы ему разрешили восстановить гиперпроектор. Тогда он сможет доказать свою правоту.

— Что, что?

— Дэниел, — чуть громче повторил Дональд, — просит, чтобы его подвергли испытанию. Он попытается воссоздать прибор. Правда, он не уверен, что сумеет полностью восстановить его характеристики. Дэниел хотел бы совершить полет на Юпитер. По его расчетам, корабль возвратится на космодром через одну десятую секунды после старта.

— Вот как? — протянул президент Гулп. — Сколько же времени понадобится Коупу, чтобы воссоздать этот чертов гиперпроектор?

— Не меньше года.

— Слишком долго... Через полгода состоятся президентские выборы. Не могу же я начать кампанию с клеймом наивного глупца, которого любой проходимец обведет вокруг пальца! Даю ему четыре месяца... — Президент на миг задумался, а потом решительно произнес: — И приведите его сюда. Я хочу поговорить с ним по душам.

Маятник времени неустанно отсчитывает годы, века и тысячелетия. Но когда полчаса спустя Дэниел Коуп вошел в кабинет президента, время, казалось, замерло.

— Слушай меня внимательно, чертов гений! — От ярости Гулп едва мог говорить. — Не знаю, сумасшедший ты или преступник, но я дам тебе возмож-

ность получить свободу. В твоем распоряжении, Дэниел Коуп, четыре месяца. За это время ты обязан восстановить гиперпроектор.

— Меня зовут Абель, — твердо сказал вошедший.

— Мне плевать, как тебя зовут! Но если ты, Абель или Дэниел, не уложишься в четыре месяца, пеняй на себя!

— Это невозможно, господин президент. Ведь речь идет не о движителе, а о приборе, поглощающем инерцию. Сопротивление движению вызвано тем, что с увеличением скорости масса невероятно возрастает. Только для того, чтобы вновь произвести расчеты для реле механического сопротивления, нужны...

— К дьяволу сопротивление! — вне себя от бешенства завопил Гулп. — Мне и так вконец заморочили голову! Даю тебе четыре месяца. И если в этот срок (а в моем доме время считают по-старому, дружок) работа не будет закончена, клянусь, ты попадешь на атомный стул. И без промедления! А теперь уведите его!

На столе президента отчаянно зазвонил видеофон.

— Гулп слушает. Нет, нет... Да, я Гулп... Что?!

Президент подскочил, точно ужаленный.

— Что? Повторите, черт бы вас побрал! Вы уверены?.. Чудесно, великолепно! Так приведите его ко мне.

Гулп положил трубку и посмотрел на ученых и начальника полиции, как удав на кроликов.

— Абель Коуп, — скандируя каждое слово, произнес он, — возвратился из космического полета. Пять минут назад он приземлился на космодроме Атланты. Так кто же из нас кретин?

— Мы, — покорно сказал начальник полиции. У него был такой убитый вид, что президент Гулп

изо всех сил хлопнул его по спине и захохотал так оглушительно, что задрожали стены.

— Здравомыслие и логика — вот мой девиз. Это счастливейший день моей жизни! — воскликнул он, не переставая смеяться. — Я давно собирался обвинить вас, Дэниел Коуп, в подрывной деятельности. Вас и ваши научные идеи.

В кабинет президента с улыбкой вошел Абель Коуп.

— Победа, победа! — торжествующе воскликнул он.

— Абель, сын мой! — в экстазе вскричал президент. — Приди же на грудь мою. Я хочу обнять первого человека, обогнавшего свет! Мир еще долго будет восхищаться нами! Недаром я всегда говорил — больше доверия молодежи. Она наша надежда...

— Ну, не очень вы ей доверяли, — протестующе сказал Абель Коуп.

— Не просто доверял, а верил всей душой! — гаркнул президент. — Но где ты был, сын мой, все это время?

— В психиатрической больнице, ваше превосходительство.

— Что ты сказал? — крикнул президент. От ужаса глаза его, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Вы дали мне срок четыре месяца, ваше превосходительство. Я в него уложился. Нужда чему угодно научит. Через четыре месяца я полетел в космос. А для большей наглядности решил приземлиться как раз сегодня. Разумеется, я внес кое-какие изменения в гиперпроектор, в частности зафиксировал элементы памяти. На сей раз я все помню.

Но президент Гулп его уже не слышал. Теряя сознание, он рухнул в кресло.

О Дэниеле Коупе больше никто ничего не слышал. Абель же невольно помог переизбранию президента Гулпа на второй срок. Можно ли было не подать голос за человека, под чьим чутким руководством процветала наука. После выборов Абель Коуп получил превосходную лабораторию и почти неограниченные денежные фонды. За три года ему удалось создать новый гиперпроектор. На сей раз он был снабжен «биологическим замедлителем времени». Ученые с нетерпением ждали от Абеля Коупа новых поразительных открытий.

Двадцать первого апреля две тысячи двести девятнадцатого года, в чудесный солнечный день, Абель Коуп отправился в новый испытательный полет. На этот раз его гиперпроектор был установлен на корабле, взятом из Музея истории воздухоплавания. С тех пор об отважном космонавте нет никаких сведений.

На другой день после старта корабля газета «Новости», главный орган оппозиционной партии, в преддверии новых президентских выборов вышла под огромным заголовком: «Грандиозный обман». Опубликованная в газете статья произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

> «Со времени знаменитого Калиостро, который обманул короля и целую страну, цивилизованное общество не становилось жертвой столь наглого надувательства,—говорилось в статье.— И все это произошло не без помощи, а порой и при прямой поддержке правительства. Президент Гулп до сих пор ждет возвращения Абеля Коупа. Ему долго придется ждать...
>
> В самом деле, если справедливо, что для Абеля Коупа время движется назад, стоило ли вообще ждать его возвращения? Ведь космонавт должен был бы вернуться еще до вылета! В действительности же Абель Коуп, присвоив

отпущенные ему на исследования деньги, укрылся на одной из отдаленных планет. Там вместе со своим братом Дэниелом он живет припеваючи и смеется над нашей наивностью.

Однако, если легковерный президент так просто позволяет себя обмануть, здоровые силы нации этого не допустят! Знаменитый физик Рой Мак-Келлум, который удостоил нас чести выступить кандидатом оппозиции на выборах в Миннеаполисе, под присягой заявил: если время движется назад при сверхсветовых скоростях, то при скоростях ниже скорости света оно движется вперед! Следовательно, Абель Коуп из своего первого полета должен был возвратиться свыше тридцати лет назад. Однако это положение справедливо лишь в отношении его самого и корабля, на котором он летит. Для Земли же, вращающейся с досветовой скоростью, он должен был вернуться год спустя... Президент и правительство стали жертвами нехитрой мистификации, и это лишний раз доказывает недееспособность наших властей. Можно не сомневаться, что избиратели сделают надлежащие выводы и откажут в доверии скомпрометировавшему себя президенту».

Правительственная печать незамедлительно нанесла ответный удар. И поскольку Абель Коуп так и не вернулся на Землю, а двадцать лет назад вблизи Венеры потерпел аварию таинственный космический корабль, было выдвинуто предположение, что погиб именно корабль Абеля Коупа. Знаменитому Мак-Келлуму ответил не менее знаменитый О'Рурк. О'Рурк обвинил коллегу в приверженности метафизике и непростительном смешении понятий. Не существует двух различных времен — одного для космического кораб-

ля, другого — для Земли. Ибо время — не что иное, как абсолютно субъективное понятие, что много веков назад было доказано Иммануилом Кантом. Если справедливо, что время — четвертое измерение, то каждый предмет следует рассматривать как ряд предметов, которые движутся либо вперед, либо назад именно в этом четвертом измерении. Отсюда вытекает, что так называемый «регресс времени» следует понимать не как исчезновение «ряда предметов», а как их «удвоение» в обратном направлении. Поэтому абсурдность возвращения космонавта еще до вылета корабля только кажущаяся, и она объясняется тем, что мы привыкли мыслить временными, а не пространственными категориями.

Тезисы О'Рурка были одобрены Высшей федеративной академией наук, и ему была присуждена премия Плебена в области физики. После президентских выборов полемический пыл противоборствующих сторон угас, и теперь их споры носят чисто абстрактный характер.

На маленьком кладбище в селении Торнтон-Вудс, рядом со скромной могилой Эзры Коупа, установлена могильная плита, напоминающая о подвиге Абеля Коупа. И когда холодный ветер с реки колышет вековые ели, время словно бы замирает на мгновение в знак признания заслуг выдающегося ученого.

ЭПИЛОГ

Кальяри, 10 июня 19... года

Я автор рассказа, который, надеюсь, вам понравится. Хотите знать, почему я его написал? Я хочу пробиться, а главное, хочу учиться и много путешест-

вовать. Я дал свой рассказ сестре-монахине Марии Мерседес. Она прочитала его, громко рассмеялась и воскликнула: «Какой же ты фантазер, Абель! Боюсь, что ты будешь сущим наказанием для своих учителей».

В этом вы можете не сомневаться. Я подкидыш (меня нашли в прошлом году у мыса Спартивенто двое рыбаков), мне всего пять лет, но я уже не один такой рассказ написал.

Лино Альдани

Пытливые

— Возьми меня с собой, Гур, — повторил Кольбо. — Я знаю, что на твоем космолете есть гигантский экран, позволяющий разглядеть мельчайшие подробности...

Гур не слушал его. Он быстрым размашистым шагом пересекал поле огромного космодрома. Кольбо упрямо семенил рядом.

— Ты обещал, Гур! А теперь притворяешься, будто забыл? Вот увидишь, я тебе не помешаю, буду сидеть тихонько в стороне...

Гур не уступал.

— В другой раз, Кольбо. Этот полет не для тебя. Я улетаю надолго...

— Тем лучше. Мне все равно нечего делать.

— Полет может оказаться опасным.

— Я люблю опасности. Прошу тебя, возьми меня с собой!

— Нет, — отрезал Гур, потеряв терпение. — Уходи!

Они приблизились к космолету. Кольбо схватил Гура за руку и повторил:

— Возьми меня с собой! Ну пожалуйста!

В голосе его звучало отчаяние несбывшихся надежд. Гур мысленно перенесся в прошлое, увидел себя молодым, полным энтузиазма. Он тогда дневал и ночевал на космодроме в поисках кого-нибудь, кто согласился бы взять его в полет. Позже, когда ему повезло, он стал командиром космолета и оборудовал

его точнейшими современными приборами. Но до того — сколько раз, совсем как этот юнец, что стоит рядом, умолял он, чтобы его взяли в космос!

Кольбо настойчиво сжимал его руку, и Гур сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Идем. Но к пульту управления я тебя не подпущу. Даже не проси. Понял?

Кольбо впервые очутился в пространстве за пределами Третьего Скачка. Корабль с невероятной скоростью несся меж звездами. Прильнув к иллюминатору, Кольбо следил за тем, как у него на глазах меняются очертания созвездий.

— Куда мы летим? — тревожно спросил он.

— За Пятый Скачок.

— Никто еще не залетал так далеко!

— А я там был, — сказал Гур. — И не однажды.

— Правда?! И, верно, увидел тьму необычного?

— Представь себе, не так уж много. Против густых облаков, которыми окружены планеты, мой телеобъектив оказался бессильным.

— Ты совершал там посадку?

— И не один раз. Но это было давно. Тогда я был моложе и любознательнее. Со временем я убедился, что все эти планеты похожи друг на друга. Лишь немногие из них обитаемы, и только в исключительных случаях жизнь там развита настолько, чтобы ее стоило изучать.

— А за Шестым Скачком?

— За Шестым Скачком жизнь еще не возникла и, быть может, никогда не возникнет. Судя по всему, наша цивилизация — самая развитая в Галактике.

Кольбо умолк. В великой книге Космоса он успел прочитать лишь несколько глав. Гур же прочел ее почти целиком. Ему осталось лишь ознакомиться с заметками на полях — остались последние капли, и на

них он набрасывался неистово, тщетно пытаясь утолить неутолимую жажду.

В центре навигационного зала, словно гигантский глаз, светился большой круглый экран. Гур, нетерпеливо следивший за ним, вглядывался в космические бездны.

— Смотри! — вскричал вдруг Кольбо. — Корабль!

Гур настроил телеобъектив.

— Ничего интересного, — сказал он, разглядывая изображение. — Я уже встречал подобные корабли.

— Ты знаешь, кому они могут принадлежать? — спросил Кольбо, не в силах совладать с охватившим его волнением.

— Да говорю тебе, ничего интересного. Потерпи немного. Как только преодолеем Пятый Скачок, ты сможешь удовлетворить свое любопытство. Во время предыдущего полета я кое-что заметил в том районе.

Гур отошел от экрана, чтобы проверить показания приборов, но возглас Кольбо заставил его вернуться.

— Еще один корабль!

Гур поспешно навел телеобъектив.

— Похож на шар, — заметил он, — и летит с довольно высокой скоростью.

Гур включил защитное поле, а затем, осуществив точный маневр, изменил траекторию полета и начал преследование корабля. Это заняло у него не более двух-трех минут.

— Теперь постараемся отклонить силовые линии их магнитного поля. Им придется снизить скорость. А когда мы увеличим интенсивность нашего магнитного поля, то заставим их остановиться. Только делать это будем постепенно.

— Почему? — спросил Кольбо. — Разве нельзя остановить их сразу?

— Их навигационная система довольно примитивна, — ответил Гур. — Судя по всему, они не прибегают

к автоматической блокировке. Если это так, неожиданная остановка может вызвать гибель экипажа.

— Я бы хотел на них взглянуть, — в голосе Кольбо слышалась мольба.

Гур нажал кнопку, и посреди навигационного зала засветился большой круглый экран. По нему, то вспыхивая, то угасая, побежали волнистые и ломаные линии, россыпи точек, трепещущие красноватые блики. Постепенно туманные очертания на экране становились все более отчетливыми. Теперь уже можно было различить двигатели, трубопроводы, антигравитационные устройства неизвестного корабля. Гур продолжал маневрировать тумблерами, пока ему не удалось навести объектив на жилые отсеки.

Кольбо невольно содрогнулся от отвращения.

— У них по три глаза! — воскликнул он. — Гур, взгляни на их руки — перепончатые, с семью пальцами...

Гур не сводил глаз с таинственных космонавтов. Их зеленая кожа была усеяна желтыми и черными крапинками. На шее ритмично пульсировали, то вздуваясь, то опадая, два прозрачных мешка, а глаза — один на лбу, два на висках — были кроваво-красного цвета.

Команда корабля была довольно многочисленной: Гур насчитал тридцать пять членов экипажа и еще столько же в верхних отсеках.

— Они почему-то молчат, — сказал Кольбо. — Ты думаешь, прибегают к помощи телепатии?

— Вряд ли. Просто сохраняют спокойствие, потому что их приборы не в состоянии нас обнаружить. Посмотрим, как они отреагируют на уменьшение скорости.

Искусные руки Гура задвигались по кнопкам панели управления.

— Следи за их реакцией! — приказал он.

И оба космонавта принялись терпеливо ждать.

— Странно, — некоторое время спустя произнес Кольбо. — Мы снизили скорость почти на две трети, а они словно бы этого и не заметили. Видно, у них неплохое защитное устройство при торможении...

Неожиданно из приемника донесся зловещий вой. Зеленое существо, сидевшее перед координационным экраном, вскочило и в ужасе зажестикулировало. Его тотчас обступили. Гур и Кольбо услышали отрывистые, гортанные звуки.

— Включи записывающий аппарат, — быстро сказал Гур. — Позже мы попытаемся расшифровать их речь.

— Взгляни-ка на них, — указал на экран Кольбо. — По-моему, тот, в красном комбинезоне, их командир.

На экране вспыхивали и мгновенно гасли десятки ламп. По сигналу тревоги члены экипажа, отдыхавшие в верхних отсеках, кинулись вниз. Замелькали семипалые руки, лихорадочно проверяя все установки и контуры корабля...

— Подумать только, отважиться выйти в космос на таком примитивном корабле! — Гур не удержался от возгласа восхищения. — Я бы не решился, да и ты, Кольбо, при всей твоей безрассудной смелости — тоже. Нам пришлось бы вернуться к далеким предкам, чтобы найти среди них кого-нибудь, кто способен на такой подвиг... Ну, а теперь, когда наше любопытство удовлетворено, отпустим их. Так мы всегда поступаем с другими кораблями.

Покончив с едой, Гур неторопливо собрал остатки пищи и упаковку в один пакет, подошел к аннигилятору и бросил в него содержимое пакета. Затем опустил рукоятку, подождал немного и нажал кнопку.

Послышалось легкое жужжание, негромкий металлический щелчок. Тогда Гур вновь перевел рукоятку в верхнее положение.

— Ты намерен лететь дальше? — спросил Кольбо.

Во время полета они останавливали и отпускали немало чужих кораблей, и Гур почувствовал усталость. На экране сменялись изображения удивительных существ, исписано было множество магнитных лент. Но чем дальше они летели, тем примитивнее становились формы жизни, которые они наблюдали.

Корабль Гура достиг пределов Шестого Скачка. За иллюминаторами непрерывно проносились рои метеоритов, красные гиганты и белые карлики; благодаря искривлению пространства — времени космонавты оставляли позади десятки световых лет за короткие мгновения.

— Вряд ли разумным существам здесь известно, что такое межзвездные полеты, — сказал Гур. — Пожалуй, лучше вернуться.

Он изменил траекторию полета и уменьшил скорость корабля.

Неожиданно Кольбо заметил на экране светящуюся точку.

— Подойдем поближе, — предложил он.

Гур усмехнулся.

— Оставь, — сказал он. — Бессмысленно.

Но Кольбо настаивал, и Гур в конце концов уступил.

Приблизившись, они увидели космический корабль, но на удивление маленький. Никогда прежде Гуру не приходилось сталкиваться с таким крошечным звездолетом.

— Смотри-ка! — поразился он. — Да на нашем экране он натуральной величины.

— Включи визор, — попросил Кольбо. — Посмотрим, как он устроен.

Гур нажал на тумблер, затем на другой, третий. Но сколько они ни вглядывались, им не удавалось рассмотреть отсеки корабля.

— Должно быть, это космический зонд с автоматическим управлением, — сказал Гур.

— Я хочу посмотреть, как он выглядит изнутри, — настаивал Кольбо.

— Тогда остается только одно: доставить его на борт нашего корабля и вскрыть. Но вряд ли ты найдешь в нем что-либо, заслуживающее внимания.

— Я доставлю его, — сказал Кольбо и потянулся за скафандром.

Кораблик оказался чуть длиннее панели управления космолета. Гур прикрепил к его стенке высокочувствительный манометр.

— Давление внутри такое же, как у нас, — сказал он. — Можно вскрывать.

Он открыл входной люк, просунул руку внутрь и извлек из отсека два маленьких существа величиной с его кулак.

Кольбо с трудом сдержал гримасу отвращения.

— Только два глаза, — сказал он, — и всего две руки. Они противнее прочих. Положи их обратно.

— Глупости! — рассердился Гур. — Они же ненастоящие. Разве ты не видишь, какие они твердые и как блестят на свету? Это металлический блеск. И потом смотри: они ничем не отличаются друг от друга. Серийное производство!

— Роботы! — вздохнул Кольбо. — Почему же тогда их конструкция столь несовершенна? Почему у них всего две руки?

— Всякая разумная раса предпочитает делать роботов по своему образу и подобию, ты бы должен был это знать! Жаль, что механизмы корабля серьезно повреждены. Хотелось бы посмотреть, как они

работают, разобраться в системе управления. Но контуры перегорели, и их очень трудно исправить.

— Интересно, куда они направлялись? — задумчиво спросил Кольбо.

— Судя по всему, в близлежащий район. Но, чтобы уточнить маршрут и цель назначения, пришлось бы произвести довольно сложные расчеты. Конечно, при желании можно было бы восстановить все системы корабля. Если бы речь шла о спасении живых существ, пусть самых примитивных, я бы с радостью взялся за дело. Но ради двух роботов не стоит тратить драгоценное время.

— Верно, — согласился Кольбо и добавил: —Оставим их себе, Гур?

— Если тебе так хочется — пожалуйста. Проявив немного терпения, ты даже сможешь их исправить и вернуть им способность двигаться. Но, поверь мне, они так и останутся игрушками, грубыми и несовершенными.

— Ты прав, — снова согласился Кольбо. — Лучше просто их выбросить.

— Когда же ты, наконец, усвоишь, что в космосе нельзя ничего выбрасывать? — Гур с упреком посмотрел на товарища. — Открой-ка дверцу аннигилятора.

Кольбо повиновался. Гур поднял кораблик и бросил его в открывшееся отверстие, потом вернулся к столу и взял в руки роботов. Прежде чем бросить их в аннигилятор, он в последний раз внимательно посмотрел на две крохотные серебристые фигурки своими пятью глазами.

Кольбо закрыл дверки и нажал на рукоятку. Послышался рокот платформы, уносившей обломки в аннигиляционную камеру. Гур нажал кнопку. Щелчок, легкое потрескивание. Затем тишина.

— Пора возвращаться, — сказал Гур, переводя рукоятку вверх. — Я уже начинаю скучать по дому.

Мужчина засучил рукава рубашки и сел к столу, на котором стояла тарелка с едой.

— Почитай мне газету, — обратился он к жене. — Сегодня не мог выкроить ни одной свободной минуты. Даже последние известия не успел просмотреть.

Его пиджак висел на спинке стула, из кармана торчала сложенная вчетверо газета. Женщина достала ее, развернула и положила на стол.

Глаза ее пробегали одну колонку за другой в поисках наиболее интересных новостей. Она вполголоса бормотала заголовки усталым и безразличным голосом школьника, которого заставили повторять уроки. Был вечер. Через открытое окно в комнату долетали приглушенные звуки: плач ребенка во дворе, звяканье посуды из полуоткрытых дверей соседних квартир, стрекотание косилки на газонах.

— Ну, что они там пишут? — ворчливо спросил муж, поднося ложку ко рту.

— Обычные новости, — пробурчала жена. — С будущего месяца атомная энергия подорожает.

— Свинство! А еще что?

— Спутники Юпитера требуют административной автономии, но Объединенное Правительство отклонило их требование...

— Бесполезно. Рано или поздно они ее добьются. Так уже было с Марсом и Венерой.

Женщина продолжала просматривать газету. Ее внимание привлек заголовок через всю страницу.

— „Полет «Звездного» потерпел неудачу. Официальное заявление Министерства космических исследований".

— Наконец-то! — воскликнул ее муж. — Им понадобилось пять лет, чтобы признать это официально.

— Пять лет?

— Да. «Звездный» должен был вернуться в две тысячи девяносто пятом году.

Он отхлебнул большой глоток пива.

— Сборище невежд! — пробормотал он. — Спрашивается, чего они ждали, эти олухи из Министерства? Будь моя воля, я бы их всех запихнул в одну ракету и отправил к Всевышнему!

— Успокойся, Оливер! Как тебе не надоело вечно возмущаться, негодовать? Ты всегда готов ругать всех и вся.

— Говорят тебе, это сплошные невежды. Посылать корабль к звезде Альфа Центавра! Глупее не придумаешь! И никто не возразил, все единогласно одобрили проект. Конечно, если находятся безумцы, согласные лететь черт знает куда, и если из всех налогоплательщиков лишь у Оливера Дрисколла хватает смелости протестовать, о чем тут толковать!

Он вырвал газету из рук жены и начал читать статью, сопровождая каждую фразу яростными ругательствами.

— Перестань, Оливер! Не понимаю, почему это тебя так волнует?

— Молчи! Ты не помнишь, ты еще играла в куклы, а мне было уже восемнадцать лет, когда Дэниел и Роберт О'Ши начали свой полет. В ту ночь я не мог заснуть, все думал о них. Не спал я и следующую ночь. Стоило мне остаться одному, как мысли мои возвращались к двум смельчакам, затерянным в космическом пространстве. Я думал: теперь они уже за пределами Солнечной системы. Скоро включат автоматическое управление и, вдохнув снотворный газ, погрузятся в летаргический сон. Кто знает, сколько времени им придется так пролежать — неподвижным, оцепеневшим, с серебристым налетом на лицах...

— С каким таким налетом? Что ты выдумываешь, Оливер?

— Да, с серебристым налетом! При охлаждении

снотворный газ превращается в мельчайшие кристаллики, оседающие на лице. — Он покачал головой. — Это было безумием. Доверить две человеческие жизни автоматической системе из шестисот тысяч элементов! Шестисот тысяч, понятно тебе? И никто никогда не узнает, какой из них вышел из строя. Быть может, не сработал тот, что должен был разбудить их вблизи Альфы Центавра, и корабль разбился о поверхность какой-нибудь планеты. Подумать страшно!

На первой странице газеты была помещена фотография двух красивых стройных, словно античные боги, молодых людей в комбинезонах.

— Дэниел и Роберт О'Ши. — Мужчина глубоко вздохнул. Его жена наклонилась, чтобы получше разглядеть бесстрашных космонавтов.

— Который из них Дэниел? — спросила она.

— Кто их знает! Их не различила бы и родная мать. Они были близнецами, точной копией друг друга.

Джордано Питт

Возвращение Реда Спида

Донегол Бэй, обширная бухта в Ирландии, названа так по имени городка Донегол, население которого едва достигает двух тысяч. В большинстве своем это рыбаки. Однако бухта Донегол, да и весь округ славятся не столько редкими рыболовными талантами его обитателей, сколько преданиями и легендами. Здесь, на крутых, скалистых берегах, с незапамятных времен ведьмы устраивали свои шабаши, сирены заманивали доверчивых моряков, а начинающие маги, феи и волшебники пытались утвердиться в мире чудесного.

И все-таки трудно понять, каким образом в двадцать втором веке, а точнее, двадцать девятого августа две тысячи сто двадцать седьмого года, вновь появилась на свет история о чертях в Донегол Бэй. Над этим вопросом ломали себе голову многие ученые Королевского научного совета.

Что же произошло в Донегол Бэй?

Собственно сведения о происшедшем довольно противоречивы. Ведь единственным очевидцем этого удивительного события был Кон О'Хара. О'Хара, днем человек спокойный и уравновешенный, к заходу солнца имел обыкновение усердно наполнять свой живот пивом, отчего его рассказ не внушает особого доверия.

В тот вечер трактирчик матушки Шелин по обыкновению был полон, и по обыкновению Кон О'Хара достиг такой степени насыщения алкоголем, что хозяйка заведения вытолкала его за двери со словами:

— Хватит тебе поносить королеву, не то вызову полицию.

И Кон О'Хара удалился, проклиная всех на свете, а в первую очередь английскую августейшую семью.

Шатаясь, плелся он по дороге на Киллибергс и орал, что не потерпит такого наглого обращения со стороны этой старой чертовки Шелин. И в тот самый момент, когда он дошел до скалы Сток и принялся ругаться пуще прежнего, стремясь заглушить шум волн, глазам его предстало невероятное зрелище: он увидел падающую с неба комету с шафрановым хвостом. Комета с адским свистом пронеслась над скалой и рухнула в море, как показалось Кону, возле островка Инишмор.

В первое мгновенье Кон остолбенел от ужаса. Но потом, будучи в сильном подпитии и повинуясь врожденному инстинкту легковерного ирландца, сказал себе: «Похоже, дьявол нырнул в бухту повидаться с ведьмами. Неплохой гость к ним пожаловал. Пойду-ка и расскажу обо всем матушке Шелин и всей честной компании».

С трудом передвигая негнущиеся ноги, он побрел к трактиру и вдруг увидел, что навстречу ему с воплями бегут все его собутыльники во главе с хозяйкой заведения. Он остановил их королевским жестом:

— Молчать, ведь вы ничего не видели!

— Как не видели! — возмутилась матушка Шелин. — Ни с того ни с сего полнеба осветилось. А потом...

— Ну, что же было потом?

Матушка Шелин в замешательстве умолкла.

— Эх вы, невежды! А вот я видел, как он хлопнулся, и могу вам сказать, кто это был.

— Кто? — хором вскричали все, охваченные величайшим любопытством.

— Дьявол! Он утонул возле острова Инишмор.

Рыбаки с изумлением уставились на Кона О'Хара, который своими глазами видел дьявола. Потом кто-то пробормотал:

— Ну нет, это похоже на сказку. Дьявол давным-давно покинул землю. Ученые столько всякой дьявольщины напридумали, что ему тут делать нечего.

— Правильно, Перри, молодец, все точно сказал! — закричали остальные.

Но Кон О'Хара остановил их взмахом руки.

— Олухи донегольские! — завопил он. — Потому-то дьявол и нырнул в бухту. Он утопился с горя и стыда. Ведь ученые у него, можно сказать, хлеб отняли. Ей-ей, дьявол помер. А раз так, выпьем за упокой его чертовой души. Матушка Шелин, открывай-ка новую бочку.

И они дружно направились в трактир, чтобы выпить за упокой души бедного дьявола. Могли ли они знать, что в тот день произошла одна из величайших трагедий космоса.

Напротив городка Донегол расположен городок Бандоран. Представьте себе бухту в форме подковы. Так вот, на северной ее оконечности находится Донегол, на южной — Бандоран. С недавних пор там разместился крупнейший в Европе научный центр.

Его строительство обошлось английской короне ни много ни мало в шестьдесят миллиардов фунтов стерлингов. Это обстоятельство заставило министра финансов воскликнуть:

— Ваше величество, вы не чувствуете, как покачнулся королевский трон?

На что королева ответила:

— Да, сэр, чувствую. И ничуть не удивляюсь — это сумасшедшее лето было таким жарким, что даже золото стало плавиться.

О размерах Центра можно судить хотя бы по тому, что наблюдательная башня из стекла и никель-хрома достигает здесь шестисот метров. Установленный на ее вершине радиометр способен улавливать изменения частоты излучения атмосферы Плутона, а мощная система лазерных телескопов ловит световые импульсы самых отдаленных галактик.

И все же падение таинственной кометы, зарегистрированное приборами, визуально не было зафиксировано. Как же могло произойти такое в столь совершенном научном центре? Всему виной праздник в честь святого Колума, покровителя городка. По случаю праздника было выпито столько спиртного, что директор Центра, генерал Джерард О'Синнах, воскликнул:

— Счастье еще, что я умею плавать!

Дежурство на контрольной башне было возложено на сержанта Пата О'Брайена, молчаливого, тихого ученого, недавно потерявшего мать. На столе дежурного, рядом с бумагами, стояла бутылка вина. Примерно через час после того, как он заступил на пост, Пат откупорил бутылку и предался грустным воспоминаниям об умершей матери. Сознание его затуманилось. Вот почему в тот миг, когда упала комета — а может, метеорит, — бесстрастные приборы зарегистрировали ее падение. Пат же, увидев за окнами зловещий, слепящий свет, крикнул: «Мама, я не виноват!» — и потерял сознание.

Вытянувшись по стойке смирно, Пат О'Брайен слушал гневную речь генерала. Впрочем, генерал отчитывал сержанта скорее по обязанности. Строжайшая военная дисциплина прежних времен стала анахронизмом. Сейчас между начальством и подчиненными установились скорее дружеские, чем официальные,

отношения. Но время от времени Святая Дисциплина спускалась с Олимпа в ореоле непререкаемой строгости, и горе было тому, кто попадался ей на глаза.

На этот раз жертвой стал сержант О'Брайен. Генерал, стараясь не оскорбить достоинства подчиненного, распекал его:

— Сержант, я хотел бы услышать от вас кое-какие подробности. Произошло нечто удивительное, а вы, дежурный контрольной башни, не в состоянии сколько-нибудь вразумительно рассказать, в чем дело. Если бы не орда журналистов, которые до сих пор мучают беднягу Кона О'Хара, рыбака, якобы видевшего дьявола, я бы предал этот печальный факт забвению. Но О'Хара утверждает, будто видел огненного дьявола, и журналисты не отступятся до тех пор, пока мы со всей убедительностью не опровергнем бредней старого пропойцы. Надеюсь, вы меня поняли, сержант?

— Так точно, господин генерал.

— Отлично. Поскольку мы, ученые, разумеется, отвергаем версию о появлении дьявола, что, по-вашему, можно предложить общественному мнению?

— Я склонен думать, что это был метеорит.

— Побойтесь бога, О'Брайен, не заставляйте меня прибегать к методам, дорогим сердцу нашего национального героя.

— Кого вы имеете в виду, господин генерал?

— Как — кого?

— Простите, господин генерал, но национальных героев в стране полным-полно. О ком вы говорите?

— Разумеется, о Черчилле.

— А!

— Вы сомневаетесь, что он национальный герой?

— Нет, нет. Но я что-то не припомню, какие именно методы применялись в те времена.

— Сержант О'Брайен, в двадцатом веке офицеры английской армии охотно прибегали к физическим методам воздействия.

— Но это же оскорбительно для достоинства человека!

— Я склонен думать, что в отдельных случаях без подобных методов просто не обойтись.

— Да, но в ту эпоху солдатам, очевидно, не позволяли пить вино по случаю праздника.

— Разумеется! И потому они не спали на посту. Так вот, если вы не сумеете найти объяснение явлению, имевшему место вечером двадцать девятого августа в девять часов тридцать три минуты, я вынужден буду прибегнуть к давно забытым методам воспитания.

Пат вздрогнул. Он и сам не раз пытался осмыслить происшедшее, но не решался сформулировать свои смутные предположения. Следует сказать, что Пат О'Брайен был молчаливым, скромным юношей, целиком поглощенным наукой. Он рано потерял отца, и до самого поступления в университет мать смотрела на него как на маленького ребенка. В двадцать лет, получив диплом инженера, Пат был принят на работу в Бандоранский научный центр. До злополучного дня, о котором идет речь, начальство отзывалось о нем с большой похвалой.

И сейчас на него подействовала не столько угроза генерала О'Синнаха, просто были задеты его самолюбие и профессиональная гордость. Немного подумав, он сказал:

— Господин генерал, изучение регистро- и спектрограмм показало, что скорость неизвестного объекта — скорее всего метеорита — достигла одиннадцати тысяч километров в минуту. Поэтому при падении в воду он, очевидно, попросту испарился.

Генерал внимательно посмотрел на молодого ученого:

— Предположим. Что же из этого следует?

— Ровным счетом ничего... То есть, разумеется, если полагать, что это был метеорит. Но если...

— Смелее, О'Брайен, смелее!

— Нет, это маловероятно.

— Сержант, не уподобляйтесь древним пророчицам. И не испытывайте моего терпения. Так что же вам пришло на ум?

— Господин генерал, вы, конечно, помните знаменитую межпланетную экспедицию «Операция Венера»?

— Разумеется. Старт был дан двадцать четвертого апреля две тысячи сто четырнадцатого года.

— Совершенно точно. Должен признаться, что в свободное время я изучал материалы этой экспедиции и наткнулся на некоторые любопытные факты.

— Какие именно?

— Конечно, рискованно выдвигать какие бы то ни было предположения... Но мне кажется... Нет, не могу...

— Рискните же, наконец, черт побери! Иначе вы окончательно добьете меня вашими «если» и «кажется». Итак, что же представляют собой, по-вашему, эти любопытные факты?

— В своей последней радиограмме командир корабля капитан Ред Спид сообщил: «Корабль вошел в плотные слои атмосферы, окружающей планету. Наклонение ее оси превышает имеющиеся астрофизические данные (3° 24′), и это вызывает аномальную рефракцию солнечных лучей, что не позволяет определить состав поверхностных слоев планеты. Совершить посадку не представляется возможным. Меренга...» На этом слове радиограмма оборвалась, и

больше никаких сообщений от капитана Спида не было.

— Меренга? А что это, черт возьми, такое?

— В этом-то и проблема. Меренгой у нас называют пирожное из взбитых яичных белков и сахара. Очевидно, словом «меренга» Спид хотел сказать, что химический состав планеты непрочен, «воздушен», как это пирожное, и поэтому посадка на Венере невозможна. Но...

— Но?.. — эхом отозвался генерал.

— Но, господин генерал, непрочность основных элементов, из которых состоит поверхность Венеры (а ее масса составляет 92% массы Земли), должна была вызвать резкое уменьшение силы тяжести. И поэтому (повторяю, это всего лишь моя гипотеза) корабль пронесся по касательной к северной части поверхности Венеры. Сила притяжения оказалась слишком незначительной, и корабль временно потерял возможность не только совершить посадку на Венере, но и вернуться на Землю.

Генерал на миг застыл с раскрытым ртом, но тут же опомнился:

— Так вы думаете, что...

— После тринадцатилетнего пребывания в космосе корабль Реда Спида благодаря коррекции орбиты сумел... вернуться на Землю.

— Да, но чем питались космонавты все это время? И потом, у них давным-давно должно было иссякнуть атомное горючее. Нет, О'Брайен, такие выдумки годятся лишь для комиксов. Я не могу официально подтвердить подобную чепуху...

— Простите, господин генерал, но ведь таинственный предмет погрузился в море и исчез навсегда. К тому же с научной точки зрения версия о возвращении корабля капитана Реда Спида представляется

мне более привлекательной, чем версия о гибели дьявола.

Генерал покраснел, как перезревший помидор.

— Так, значит, я потерял добрых полчаса, чтобы выслушать историю, достойную волшебника Мерлина! И от кого — от вас, О'Брайен, одного из самых талантливых молодых ученых Центра! Право же, прежние методы не устарели!

Однако известно, что человека на каждом шагу подстерегают неожиданности. Не успел О'Синнах кончить свою обличительную тираду, как вспыхнул экран телевизора и на нем появилось взволнованное лицо лейтенанта Эта Карлоу.

— Простите, господин генерал...

— В чем дело?

— Несколько минут назад к берегу бухты у базы 14/*с* течением прибило таинственный предмет, похожий на огромное металлическое яйцо. — Голос лейтенанта прерывался от волнения.

— Вы извлекли его из воды?

— Так точно, господин генерал! Мы доставили его в зал проверки. Там яйцо неожиданно раскрылось, и из него вышло существо, отдаленно напоминающее человека. Оно прохрипело, что его зовут Ред Спид. Как прикажете поступить?

Генерал взглянул на Пата О'Брайена и крикнул:

— Не предпринимайте никаких действий до моего прихода!

— Слушаюсь.

В наступившей тишине генерал уставился горящими глазами на бледного как смерть Пата.

— Сержант О'Брайен! — рявкнул он. — Если этот человек действительно капитан Ред Спид, я назначу вас начальником отдела космических исследований Бандорана. Но если вы подговорили одного из своих друзей, чтобы разыграть меня и весь науч-

ный мир, то берегитесь! Я сотру вас обоих в порошок!

С этими словами он покинул комнату, по-петушиному выпятив грудь. А Пат, не выдержав треволнений, без чувств рухнул на пол. Только поэтому он с некоторым опозданием узнал, что его догадка подтвердилась. Таинственный незнакомец действительно оказался Редом Спидом. По расчетам ученых его экспедиция должна была длиться год. И вот теперь, тринадцать лет спустя, его корабль упал в бухту Донегол в нескольких километрах от стартовой площадки, сооруженной в свое время для экспедиции «Операция Венера».

Как утверждают, призраки бывают подлинными — таких обычно видят по ночам, когда они покидают свое пристанище, — и мнимыми. Нередко призраками нам кажутся тяжело больные люди — зелено-бледные, почти прозрачные, с трясущимися руками и глубоко запавшими глазами. Но капитана Реда Спида нельзя было причислить ни к тем, ни к другим, ибо он почти утратил человеческий облик.

Сейчас он неподвижно лежал на диване, а вокруг в молчаливом ожидании сгрудились генерал О'Синнах, офицеры и сержант Пат О'Брайен. Весть о гипотезе Пата молниеносно облетела весь Бандоран, и, хотя никто более не сомневался, что этот странный призрак и есть «тот самый» капитан Ред Спид, все терялись в догадках, как он остался в живых. Все, включая профессора Кларка, главного биолога Центра. Кларк смотрел на чешуйчатую кожу лица, шарлаховые глаза, искривленные ногти и невольно содрогался от отвращения. Конечно, не к самому капитану, а к его внешнему виду. Если бы не несколько слов, с трудом произнесенных космонавтом на берегу,

никому бы не пришла в голову мысль, что эта бесформенная масса была когда-то человеком. Но если у этого чудища был мозг и если он еще функционировал, Ред Спид должен был заговорить. К тому же некое подобие скафандра, чудом сохранившегося на несчастном существе, неопровержимо доказывало, что перед учеными человек.

В комнате царила гробовая тишина. Но вот собравшиеся увидели, как, подчиняясь таинственным импульсам, у лежавшего зашевелилась правая рука, открылся провал рта и оттуда вырвался хриплый стон и нечленораздельные звуки:

— В-в-в... о-о-о... а-а-а...

Первым догадался профессор Кларк.

— Вода, он просит воды!

Все мгновенно пришло в движение, раздались крики:

— Воды, воды!

Одни устремились к дверям, другие в комнату. Началась давка. Кто-то истошным голосом закричал:

— Пожар!

С трудом удалось успокоить взволнованных людей. Когда принесли графины с водой и стаканы, генерал О'Синнах властно произнес:

— Сержант О'Брайен, подайте воды вашему другу.

— Я? — удивился Пат.

— Кто же, как не вы!

Пат, бледный как полотно, взял стакан, подошел к лежащему на диване, опустился перед ним на колени и пробормотал.

— Капитан Ред, хотите пить?

Губы Реда Спида мучительно искривились, рот слегка приоткрылся.

— Ему надо помочь, сержант. Поддержите ему голову!

Пат, подавив невольное отвращение, приподнял правой рукой голову Реда Спида и поднес стакан к рту-расщелине. Губы космонавта судорожно задвигались, из груди снова вырвался хриплый стон и вдруг все услышали глухое:

— Спасибо!

Он слышал, понимал речь других, говорил сам! Трудно описать энтузиазм собравшихся в зале. Отстранив окружающих, генерал вытянулся по стойке смирно.

— Центр приветствует отважного Реда Спида! — вскричал он.

Послышались радостные восклицания, крики «ура». Лишь Пат О'Брайен стоял молча и, содрогаясь всем телом, не отрывал взгляда от своей правой руки.

— Что с вами, сержант? — изумился генерал О'Синнах.

Пат вскрикнул и потерял сознание.

Профессор Кларк, склонившись над распростертым телом, тоже вскрикнул:

— Боже, что это?

Правая рука Пата покрылась зеленоватой чешуей, на ладони образовалась огромная язва и оттуда, точно лава из кратера вулкана, вырывалась черная кипящая жидкость.

И тогда все услышали донесшийся с дивана хриплый голос:

— Это материя межпланетного пространства. Там, в космосе, зеленые облака этого вещества. О боже, все начинается сызнова! Помогите...

На глазах застывших от изумления людей существо, некогда бывшее Редом Спидом, начало расти, разбухать, а правая рука Пата стала похожей на кипящий в доменной печи металл.

В кабинете директора Центра генерала О'Синнаха совещание. Кроме самого генерала, присутствуют профессор Кларк и начальник отдела информации подполковник Филипп Руттендорф. Положение настолько серьезное, что никто из собравшихся не выбирает выражений — сейчас важно найти какой-то выход, иначе может случиться непоправимое. Ниже приводится запись их разговора, которая журналистам была передана в более благопристойном виде.

О'Синнах: Я понимаю ваши опасения, профессор, но не согласен скрывать от других истину. По двум причинам: во-первых, на меня, как на директора Центра, возложены определенные обязательства, во-вторых, в конференц-зале нас ждут журналисты.

Кларк: Некий политик двадцатого века сказал: «Человечество страдает от двух неизлечимых болезней — гриппа и журналистов».

О'Синнах: Так и сказал?

Кларк: Именно так.

О'Синнах: Он оказался плохим пророком, ведь науке удалось одолеть грипп, а журналистам не удалось одолеть науку. Итак, повторяю, я не намерен скрывать правду. Вам ясно?

Кларк: Генерал, в известных случаях правду необходимо скрыть, если не от тех, кто сумеет разобраться в случившемся, то по крайней мере от масс. Иначе они могут вообразить себе невесть что. А в случае с Редом Спидом правда предстанет в слишком непрезентабельном виде.

О'Синнах: Но я не собираюсь показывать публике этого беднягу. Да, вид его ужасен, и, кроме повальных инфарктов, нас в этом случае ждет запрос в Палате лордов. Нет, я хочу лишь рассказать журналистам о том, что все мы видели своими глазами. Только так можно успокоить общественное мнение и положить конец нелепым домыслам.

Кларк: Oui, mon general, mais la question*...

О'Синнах: С чего вдруг вы перешли на французский? Положение слишком серьезно, чтобы можно было кокетничать знанием языков.

Кларк: Простите, сказалась привычка, приобретенная в Сорбонне. Я хотел лишь заметить, что проблема заключается в том, что вы упорно отказываетесь утаить правду.

О'Синнах: А будь вы на моем месте, что бы вы сказали журналистам?

Кларк: Все что угодно, кроме правды. Можно, к примеру, сказать, что в море упал метеорит.

О'Синнах: Вероятно, так и следовало поступить с самого начала. Но кто, черт возьми, мог предвидеть дальнейший ход событий! В принципе я противник всякой лжи. Однако на сей раз правда столь ужасна, что я не знаю, как ее преподнести. Версия с метеоритом отпадает — слишком поздно.

Кларк: Почему?

О'Синнах: Да потому, что свыше семи тысяч работников Центра знают правду. А уж среди них непременно отыщется хоть один болван, не способный держать язык за зубами.

Руттендорф: Позвольте мне сказать два слова.

О'Синнах: Удивляюсь, что вы до сих пор молчали, милейший. Я уж решил, что вы онемели.

Руттендорф: Мне хотелось выслушать все ваши доводы. Господин генерал, я согласен с профессором Кларком.

О'Синнах: Вы что, сговорились?

Руттендорф: Нет, просто независимо друг от друга пришли к одинаковым выводам. Генерал, все

* Да, мой генерал, но проблема в том... (*фр.*).

мы в Центре, военные и штатские, прошли специальную подготовку. Возможно, среди нас и есть болваны, как вы справедливо отметили, но людей безответственных в Центре нет. Соберите весь личный состав и откровенно изложите, к каким тяжким последствиям приведет правдивая информация. Не лучше ли, чтобы информация была пусть не совсем правдивой, но во всяком случае достоверной? Версия о падении метеорита представляется мне вполне вероятной, следовательно и достоверной. К тому же она поможет успокоить общественность.

О'Синнах: Ловко закручено, черт побери! *(Короткая пауза.)* Да, но в каком состоянии капитан Спид и сержант О'Брайен?

Кларк: Капитан Спид, погруженный в состояние анабиоза, находится в холодильной камере. Только таким образом можно остановить метастазный распад.

О'Синнах: Метастазный?!

Кларк: Да. Метастазы, как вам известно...

О'Синнах: Мне это, к счастью, неизвестно!

Кларк: Простите. Так вот, как известно, это процесс беспорядочного воспроизводства клеток, аномальная их пролиферация, которую редко удается остановить.

О'Синнах: А в случае со Спидом?

Кларк: По-видимому, Спид во время полета попал в чрезвычайно неблагоприятные для организма условия. Он говорил о каких-то зеленых облаках, таинственных островах плазмы, которые, судя по всему, разрушили клетки его организма и вызвали сильнейшую их пролиферацию, отчего тело бедняги начало пухнуть.

О'Синнах: Черт побери! Неужели он не мог разбухнуть и лопнуть в пространстве, избавив нас от неприятностей!

Руттендорф: Что вы говорите, господин генерал!

О'Синнах: Э, друг мой, я вас понимаю. Но войдите в мое положение. Вот когда вас назначут директором Центра, вы сами узнаете, что тут не до любви к ближнему. Кстати, ума не приложу, почему это вначале Спид был нормальных размеров, а потом стал расти?

Кларк: Совершенно очевидно, что, пока человек находится в космосе либо при температуре намного ниже нуля, злокачественный процесс не развивается. Это так называемая латентная форма. Но стоит человеку попасть в привычную земную атмосферу, как клетки, можно сказать, «сходят с ума», начинают беспорядочно множиться, ибо находят благоприятные условия и питательную среду для своего роста. Зеленые облака, о которых говорил Спид, вероятно, являются скоплениями протоплазмы. А наша с вами Земля, господин генерал, наиболее благоприятная среда для развития известных нам форм жизни. Поэтому те клетки, которые капитан Спид «захватил» на Землю, стали здесь неудержимо множиться.

О'Синнах: Неудержимо! *(Вздрогнув.)* Но в таком случае Спид может заполнить собой все вокруг!

Кларк: Безусловно. Потому-то мы и поместили его в холодильную камеру, где температура достигает двухсот градусов ниже нуля. Спид находится в состоянии анабиоза.

О'Синнах: Ну, а О'Брайен? Где он?

Кларк: В другой холодильной камере.

О'Синнах: Веселенькая ситуация, черт бы всех побрал!

Руттендорф: Господин генерал, вы не ответили на мое предложение.

О'Синнах: Что тут отвечать! Нам ничего другого не остается. Соберите всех сотрудников в нижнем зале. А я попытаюсь утихомирить журналистов. Будем надеяться, что мне это удастся. Честно говоря, я полон скверных предчувствий.

Он встал, давая этим понять, что совещание окончено.

Было одиннадцать часов сорок семь минут утра. Над бухтой Донегол голубело безоблачное небо.

Сотрудники Центра выслушали краткую речь директора в абсолютном молчании. Когда он кончил, все семь тысяч сто сорок один человек, вытянувшись по стойке смирно, торжественно поклялись не разглашать тайны и подтверждать все, что О'Синнах сочтет нужным сказать журналистам.

Отпустив персонал, генерал О'Синнах в сопровождении профессора Кларка с решительным видом направился навстречу представителям прессы.

В офицерской столовой, удобно устроившись в креслах, их ждали сотни четыре журналистов. В первом ряду сидел Джон Декстер, обозреватель «Таймса». Появление генерала было встречено шумными возгласами, но О'Синнах повелительным жестом восстановил тишину.

— Перейдем к делу. Я к вашим услугам, господа.

Первым взял слово Джон Декстер.

— От своего имени и от имени моих коллег я позволю себе выразить надежду, что мы получим исчерпывающие сведения.

— Разумеется. Итак, я приступаю к изложению фактов.

Журналисты приготовились записывать.

Генерал глубоко вздохнул, как бы готовясь к прыжку, и начал:

— Господа, вчера в двадцать один час сорок минут над бухтой Донегол произошло выпадение метеоритного дождя. Скорость падения самого крупного метеорита, упавшего в море, составляла примерно одиннадцать тысяч километров в минуту. В момент своего падения в воду он образовал столь глубокую воронку, что огромная приливная волна «захлебнулась» и не дошла до берега. Метеорит ушел на глубину не менее двухсот метров, где и остался лежать. Извлечь его оттуда представляется делом весьма сложным. Падение метеорита было зарегистрировано приборами Центра Бандоран, которые, как вам известно, являются самыми точными и совершенными. Я кончил. Есть вопросы?

Ответом ему было гробовое молчание. Генерал внимательно посмотрел на журналистов, те в свою очередь не сводили с него глаз. Они не скрывали своего глубокого разочарования. Наконец с места вновь поднялся Джон Декстер:

— Ваша версия, генерал, весьма правдоподобна, но, простите, ходят довольно странные слухи...

— Какие именно?

— Говорят, что упавший предмет был окружен языками пламени и совсем не походил на метеорит.

— Кто это утверждает?

— Некий Кон О'Хара, очевидец.

— Мистер Декстер, уж не хотите ли вы сказать, что верите утверждениям рыбака, известного своим пристрастием к спиртному?

— Мы, журналисты, собираем сведения из любого источника.

— Отлично. Так вот, одному из моих сотрудников показалось, будто сквозь пламя он увидел лицо своей умершей матушки. Человеческая фантазия безгранична. Но есть граница достоверности, и ее определяет наука. Лично я досужим домыслам предпочитаю

показания приборов. Ну, а слухи и разные там выдумки — это ваш хлеб, и я не собираюсь у вас его отбирать.

Журналисты недовольно загудели.

— Допустим, мы действительно питаемся слухами, — Декстер не отступал. — Не разрешите ли вы нам в таком случае встретиться с дежурным по контрольной башне? Тогда мы узнаем обо всем происшедшем из уст очевидца и для фантазий не останется места.

Генерал побледнел. Он мысленно вернулся к дню праздника, представил себе банкет в нижнем зале и сержанта Пата О'Брайена, который в пьяной эйфории принял корабль капитана Спида за душу покойной матери.

Декстер продолжал:

— Так как же, генерал? Или это запрещено правилами Центра?

О'Синнах мгновенно ухватился за спасательный круг.

— Совершенно верно. Вы же знаете, что многие наши работы засекречены. Но я хочу, чтобы меня правильно поняли и потом не обвиняли в грубости.

На помощь шефу пришел профессор Кларк. Сияя ослепительной улыбкой, он бодро начал:

— По счастливой случайности в момент падения метеорита я находился в контрольной башне. Один из дежурных наблюдателей, сержант О'Брайен, поранил руку и меня срочно вызвали для консультации. Уже известное вам явление произошло в тот самый миг, когда я поднялся наверх. Падение метеорита было зарегистрировано электронно-счетными устройствами. Как ученый, должен сказать, что эти приборы абсолютно не нуждаются в помощи человека. И это навело меня на мысль о грустной судьбе, которая ждет человечество на его неудержимом пути к полной ав-

томатизации. Может статься, в один прекрасный день отпадет всякая нужда и в журналистах. Приборы самостоятельно зафиксируют и передадут любую информацию без излишних и никому не нужных комментариев.

Удар попал в самую точку. Репортеры негодующе загудели. Генерал О'Синнах, бросив на Кларка сердитый взгляд, вскричал:

— Господа, господа, последние слова профессора ни в коей мере не влияют на достоверность его заявления!

Декстер, пронзив профессора указательным пальцем, саркастически заметил:

— Я не разделяю пессимистического взгляда профессора Кларка на судьбу журналистов. Согласен, что человеческие органы чувств уступают приборам. Однако надеюсь, что профессору присуще не только острословие, но и острота зрения.

Его слова были встречены возгласами одобрения.

Настала пора генералу О'Синнаху выступить с заключительным словом. Он величественно поднялся.

— Господа, благодарю вас за внимание. Мы и в дальнейшем намерены сотрудничать с уважаемыми представителями печати. Сожалею, что не смог предложить вам пикантного блюда, но, коль скоро в бухту Донегол по воле случая упал именно метеорит, а не дьявол-самоубийца, останется лишь примириться с этим непреложным фактом.

Внезапно в офицерскую столовую ворвался Филипп Руттендорф. Он подбежал к генералу и что-то прошептал ему на ухо. Лицо генерала мгновенно позеленело, он судорожно схватился за стол и отчаянно закашлялся.

— Господин генерал, — участливо закричал профессор Кларк, — что с вами? Вам плохо?

О'Синнах отчаянно затряс головой и, тыча рукой в журналистов, прохрипел:

— Уберите, уберите их!

Силы оставили его, и он рухнул на стул. Сквозь закрытые окна в зал донеслись крики, топот, выстрелы. Репортеры бросились к окнам. Их глазам предстала картина, достойная кисти Брегейля или Иеронима Босха. По каменным плитам, опираясь на щупальца, двигалось металлическое чудовище не меньше десяти метров. В мгновенье ока двор опустел, и чудовище медленно продолжало путь, с каждым шагом становясь все больше и больше.

Журналисты, прильнувшие к окнам, онемели от ужаса, но потом с воплями бросились к дверям.

> «Сегодня, тридцатого августа две тысячи сто двадцать седьмого года, в одиннадцать часов сорок минут, осмотрев холодильные камеры № 181 и 182, в которых находились известные лица, я направился в офицерскую столовую, где генерал О'Синнах проводил пресс-конференцию. Навстречу мне выбежал лейтенант Луи Скраннер и, с криком «Чудовище! Чудовище!» проскочив мимо меня, скрылся в библиотеке. В первый момент я подумал, что из указанных холодильных камер совершен побег, но тут же отбросил эту версию и направился в помещение, где хранился металлический предмет яйцевидной формы, который волны прибили к берегу в день падения... метеорита. То, что я увидел, было слишком даже для меня, а я считаю себя смелым человеком. Металлический овоид, волоча ноги-щупальца, двигался к выходу. Не теряя времени, я захлопнул бронированную дверь, но в ту же секунду дверь разлетелась в щепки и чудовище выбралось наружу. Мне

не оставалось ничего иного, как в панике броситься за помощью».

(Из отчета подполковника Филиппа Руттендорфа)

Члены Генерального штаба Центра, собравшиеся в столовой, не сводили глаз с берега бухты, где, с каждым мгновением множась и разбухая, извивались чудовища с зелеными щупальцами. Журналистов, которые разбежались кто куда, сумели собрать и заперли в конференц-зале.

Всем было ясно, что малейшее промедление грозит непоправимой бедой. Профессор Кларк что-то прошептал генералу, и тот молча кивнул головой. Встав, он прерывающимся от волнения голосом объявил:

— Господа, я принял решение. Так как против этой угрозы бесконечной пролиферации бессильны огнеметы, лазеры и другое имеющееся в нашем распоряжении оружие, остается последовать совету профессора Кларка и прибегнуть к помощи абсолютного холода. Приказываю ввести в действие воздушные охладители. Каждому надлежит немедленно отправиться на свой служебный пост.

— Господин генерал! — прервал его профессор Кларк. — Мне кажется, что перед началом операции необходимо избавиться от журналистов. Ведь при наличии свидетелей мы не можем гарантировать соблюдение военной тайны.

— Совершенно с вами согласен. Подполковник, потрудитесь вывезти журналистов из Центра. Фотоаппараты уничтожить. Приступайте. Время не ждет.

Не прошло и пятнадцати минут, как представители прессы (предварительно обысканные) были препровождены к автомашинам, стоящим у северного выхода. Протесты и угрозы обратиться в парламент не по-

могли. Солдаты погрузили репортеров в машины и захлопнули массивные ворота.

Операция под кодовым названием «Абсолютный холод» осуществлялась в два этапа. Прежде всего из укрытий были извлечены длинные антенны, которые затем водрузили на стометровую высоту. Каждая антенна была снабжена специальным преобразователем, позволяющим в короткий срок довести температуру окружающей среды почти до абсолютного нуля. Откровенно говоря, это изобретение Центр предназначал на случай возможного вторжения инопланетян, если они попытаются захватить Землю. К счастью для человечества, его еще не применяли. Но кто может поручиться, что в руках военных оно в один прекрасный момент не станет оружием в борьбе против самого человечества?! Однако вернемся к операции «Абсолютный холод». В антенны ввели разреженный газ особого состава, действие которого было почти мгновенным. Небо потемнело, покрылось тучами, начал падать снег. Снежинки на лету застывали, превращались в кристаллики льда. За какую-нибудь минуту Бандоран из жаркого августа перенесся в суровый январь, и вскоре температура упала до двухсот пятидесяти градусов ниже нуля.

Генерал и его подчиненные, стоя у окон, увидели, как огромные щупальца опали, словно воздушные шары, из которых выпустили воздух. Чудовища сжимались, их светящаяся пена высыхала. Не прошло и получаса, как все было кончено Спасительные антенны были убраны в подземные хранилища, и над Бандораном вновь засияло солнце.

Газетные статьи, появившиеся на следующий день после описанных событий, вызвали ожесточенную

полемику сатирического, юмористического, политического и даже шовинистического характера. А поскольку телепередачи непосредственно из Центра в Бандоране были строжайше запрещены, каждый волен был говорить и думать все, что ему взбредет в голову. В целом же все вертелось вокруг пяти главных пунктов:

1. В Бандоране произошли таинственные события, которые военные тщательно скрывают от общественности.

2. Отсутствие достоверных сведений привело к распространению самых нелепых слухов. Своим необъяснимым молчанием военные лишь усугубляют вред всех этих слухов и домыслов.

3. Когда военные сочтут возможным отменить цензуру и кто дал им право вводить таковую?

4. Не означает ли это, что вернулись печальной памяти времена, когда слово военных было законом?

5. Военная каста еще раз доказала свое полное нежелание считаться с общественным мнением, тупость и самодурство. Куда смотрит правительство?

(Нужно ли говорить, что последний вопрос был сугубо риторическим, ибо правительство действовало в унисон с военными.)

Однако, несмотря на принятые меры, кое-что журналистам все-таки удалось разузнать, и стало ясно, что без дополнительных объяснений не обойтись.

Генерал О'Синнах понимал это лучше других. Собрав офицеров Центра, он сказал:

— Господа, на карту поставлены не только наше служебное положение, но и репутация. Необходимы срочные контрмеры.

Собравшиеся ответили на его призыв таким криком, что с ним не могли бы сравниться даже крики гусей, которые некогда спасли Рим.

И тогда встал профессор Кларк.

— Уважаемые коллеги, — начал он в наступившей тишине. — Ситуация не так трагична, как вам кажется. Теперь, когда с чудовищами внеземного происхождения покончено, когда в Бандоране восстановлен порядок, кто мешает нам устроить международную пресс-конференцию и заявить, что все описания ужасов, появившиеся в газетах, — плод галлюцинации журналистов, потрясенных необычным зрелищем?

Даже видавшие виды военные растерялись. Предложение ученого, известного своей серьезностью, граничило с беспардонным надувательством! Кларк понял сомнения присутствующих.

— Сознаюсь, мое предложение в какой-то степени расходится с нравственными нормами высокочтимого научного Центра, каким является Бандоран. Но, как говорили древние, *Oderim dum metuant,* что в переводе с латинского означает: «Меня будут слушать, пока будут бояться». Наша цель — убедить общественное мнение в правдивости изложенной нами версии. А потому пусть приходят журналисты и выслушают нас, терзаясь страхом, что их вопросы останутся без ответа. Ведь тот, кому вверена военная тайна, волен отвечать лишь на удобные для него вопросы!

Слова профессора потонули в дружных аплодисментах. Когда вопрос стоит о спасении репутации, проблемы морали исчезают, подобно чудовищам под натиском абсолютного холода. Генерал О'Синнах с чувством пожал Кларку руку.

— Счастлив, что латынь и в наши дни не утратила своей притягательной силы. Благодарю вас, профессор.

На пороге появился дежурный офицер и вручил генералу запечатанный конверт. Быстро пробежав глазами послание, генерал обратился к сотрудникам:

— Приятные вести, господа! Письмо от Уильяма Бейли.

«Бандоран, его превосходительству генералу Джерарду О'Синнаху. Сегодня, тридцатого августа две тысячи сто двадцать седьмого года в восемнадцать часов тридцать минут, согласно приказу, произвел осмотр холодильных камер №№ 181 и 182. В камере № 181 находится капитан Ред Спид. Под действием абсолютного холода он вернулся в первоначальное, уже известное вам состояние. У пациента холодильной камеры № 182, сержанта О'Брайена, рана на правой руке полностью зарубцевалась, лишь на ладони имеется небольшое пятно зеленого цвета.

Оба пациента отлично переносят состояние анабиоза. Наблюдения продолжаются.»

Лейтенант медицинской службы
Уильям Бейли

Пресс-конференция состоялась в конференц-зале, рассчитанном на тысячу мест. В Бандоран прибыли корреспонденты и представители крупнейших газет всех стран мира. В первом ряду, отведенном для особо почетных гостей, восседал президент «Таймса» сэр Дэниел Болдуин. Директор Центра и его приближенные сидели на возвышении. Перед ними на столе были установлены бесчисленные микрофоны. Лучи прожекторов освещали импозантную фигуру генерала, который улыбался широкой улыбкой доброго отца семейства.

Когда наступила тишина, генерал поднялся и обратился к присутствующим с краткой речью.

— Прежде всего разрешите приветствовать вас в Бандоране, господа. По положению мы не имеем права проводить конференции, которые в той или иной мере были бы связаны с опытами, имеющими

военное значение. Но, к сожалению, люди, недостаточно сведущие в науке, опубликовали статьи, выставляющие наш Центр в кривом зеркале. Мы отнюдь не обвиняем журналистов в клевете, виною всему неверное толкование некоторых явлений, вызвавших панику. По нашему глубокому убеждению, лучше всего о природе этих сложных явлений сможет рассказать профессор Кларк, знаменитый биолог и свидетель вышеупомянутого события. Предоставляю ему слово.

— Господа, — начал профессор Кларк. — Передо мной сидит представитель самой уважаемой нами газеты, лондонской «Таймс». Надеюсь, представители других газет не будут задеты моим заявлением. Я глубоко ценю профессию журналиста, без которого не обходится ни одно событие в общественной и политической жизни мира. Почему же, спросите вы, именно «Таймс» пользуется всеобщим уважением? Да потому, что эта газета в любых обстоятельствах остается верна истине. («Чего нельзя сказать про господина профессора», — буркнул обозреватель «Таймса» Джон Декстер.) И мы, ученые, работающие в Бандоране, так же как и репортеры «Таймса», убеждены, что истина превыше всего. Таков основной принцип нашей работы.

— Непостоянный, — достаточно громко произнес представитель «Дейли телеграф». Но профессор Кларк сделал вид, будто не расслышал оскорбительной реплики.

— Иначе и быть не может, — невозмутимо продолжал он, — ибо наука и ложь несовместимы, в любом научном исследовании истина — постоянная величина. Недавно кое-кто из господ журналистов, сидящих в зале, был свидетелем необычного явления, которое они впоследствии охарактеризовали как «ужасное и сверхъестественное». На самом деле ничего

противоестественного, «демонического» в происшедшем событии не было. Писали о какой-то неудержимой пролиферации чудовищ, у которых вместо конечностей щупальца и отростки, и о прочих ужасах. Я понимаю, журналисты питают пристрастие к ярким мазкам. Однако наука предпочитает всем прочим жанрам четкий графический рисунок. Конечно, и мы могли бы нарисовать вам красочную картину, отдав дань фантазии. Но (напряжение в зале достигло предела, и профессор Кларк счел за благо несколько разрядить обстановку) мы не хотим отставать от «Таймса». (Его реверанс в сторону газеты был встречен весьма холодно.)

Кларк приблизился к микрофонам:

— Факты таковы. Вечером двадцать девятого августа в двадцать один час сорок минут в бухту Донегол упал и погрузился в воду неизвестный предмет, что было зарегистрировано приборами нашего Центра. На основании полученных данных мы предположили, что произошло падение метеорита. Однако на утро к берегу волны прибили металлический предмет яйцевидной формы. В этом металлическом «яйце» находился... (тут профессор сделал паузу, а сидящие в зале затаили дыхание) человек, о котором тринадцать лет писали газеты всего мира, глава межпланетной экспедиции, капитан Ред Спид.

Корреспонденты вскочили со своих мест, с разных концов зала донеслись возгласы: «Чепуха!», «Очередная фальшивка!», «Хватит водить нас за нос!». Переждав, пока они успокоятся, Кларк продолжал:

— Я знаю, что мои слова могут показаться невероятными, но это чистая правда! Все, что произошло затем в Бандоране, как раз и объясняется последствиями неожиданного возвращения Реда Спида. Никто не надеялся увидеть отважного космонавта в живых, но иной раз жизнь опровергает все логические

посылки и выводы. После тринадцатилетнего пребывания в межпланетном пространстве Спид вернулся на Землю. Физическое его состояние не позволяет нам пока с достаточной полнотой выяснить, каким образом ему удалось продержаться в космосе столь длительное время. Мы ведем упорную борьбу за жизнь этого человека, увы, почти утратившего человеческий облик, но, к счастью, сохранившего способность мыслить. Сейчас главное — спасти от разрушения его мозг. С этой целью космонавта поместили в холодильную камеру. Мы ждем и надеемся. И если судьбе будет угодно, через некоторое время капитан Ред Спид сам сумеет рассказать вам о своем удивительном и трагическом путешествии. Когда это произойдет, мы немедленно созовем новую пресс-конференцию. А пока всем нам остается набраться терпения.

Но именно терпения у журналистов уже не было. Уважаемые представители уважаемых газет, сбивая друг друга с ног, бросились к телефонным кабинам и на трибуну. Они смели генерала О'Синнаха и профессора Кларка с возвышения. Трибуна рухнула, микрофоны полетели на пол.

Несколько минут спустя конференц-зал опустел. Изуродованные кресла, сломанные двери, порванные ковры и дорожки — вот что осталось от комфортабельного помещения.

Несколькими днями позже в газете «Таймс» появилась заметка Дональда Саммера, выдержанная в весьма ироническом тоне.

«Гора родила... нет, не мышь, а химеру. Где же произошло это выдающееся событие? На берегу бухты Донегол, где некогда веселились

черти и ведьмы, а теперь высятся здания научного Центра. Ученые развлекаются тем, что посягают на права писателей-фантастов, хотя далеко не всегда удачно. Не случайно журнал «Бритиш мэгэзин оф сайнс» командировал в Центр профессора Персиваля Миллендера, дабы проверить правдивость утверждений ученых Бандорана. На Миллендера сотрудники Центра произвели впечатление людей экзальтированных, верящих в собственные абсурдные, бездоказательные гипотезы. Чем закончится таинственная история? Как утверждают, главные персонажи этого поистине средневекового действа находятся в состоянии анабиоза. Возможно. Но пока мы не увидим их собственными глазами, у нас имеются все основания утверждать, что корабль Бандорана сбился с курса и рискует сесть на мель упущенных возможностей. А в данном случае такой возможностью было бы скромное молчание. Право же, некоторые неудачные опыты лучше не разглашать, тем более, что легко сослаться на военную тайну».

Артур Конноли, специальный корреспондент «Пресс энтрепрайз оф Америка», после поездки в Бандоран разразился пространным отчетом, который дает достаточно ясное представление о дальнейших событиях.

«До Бандорана я добрался на военном вертолете, экипаж которого согласился взять меня по просьбе моего старого друга, генерала Гулдинга. Сверху городок показался мне растревоженным муравейником. Вертолет с трудом приземлился на примитивной посадоч-

ной площадке, охраняемой войсками. В Бандоране собрались виднейшие ученые, журналисты, военные. Распространился слух, будто таинственный капитан Ред Спид собирается выступить перед журналистами. В Бандоран хлынули толпы любопытных. Трава на знаменитых лугах Донегола и Бандорана вытоптана так, что после сегодняшней пресс-конференции здешние места невозможно будет отличить от пустыни Гоби.

Чтобы проникнуть в подземное убежище, мне пришлось потрудиться не меньше, чем в свое время Геркулесу. Официально объявили, что выступление Спида назначено на девятнадцать часов. Наконец-то человечество узнает правду о загадочной экспедиции.

В помещении так тесно, что я не представляю себе, как смогу записать рассказ капитана. Яблоку негде упасть. Все же постараюсь ничего не упустить.

В восемнадцать часов пятьдесят шесть минут, словно по чьему-то таинственному внушению, в зале воцарилась тревожная тишина. На трибуне появился генерал Джерард О'Синнах.

— Господа, сейчас перед вами выступит капитан Ред Спид! — торжественно возгласил он.

Поддерживаемый двумя солдатами, на сцену вышел человек. На нем белый скафандр с гермошлемом. Огромные темно-голубые очки не позволяют разглядеть лицо. На руках вошедшего черные перчатки. Кажется, будто внутри скафандра пустота. Но вот солдаты подвели космонавта к столу и спустились вниз. Генерал О'Синнах также спустился в зал. Спид — Спид ли? — остался один.

В зале такая тишина, что слышно, как тяжело дышит человек в скафандре. Вот он наклонился, чуть не упал, но в последний миг успел ухватиться обеими руками за стол. Напряжение присутствующих достигло апогея. Еще минута ожидания, и не миновать бы нервного взрыва. Призрак в белом скафандре поднял правую руку, из шлема вырвался хрип, похожий на рыдание. Все замерли. Наконец послышались членораздельные звуки. Спид заговорил.

— Я капитан Ред Спид, вылетевший вечером двадцать первого мая две тысячи сто четырнадцатого года с космодрома на берегу озера Мелвин. На борту корабля «Айрленд», кроме меня, находилось еще три человека: лейтенант Джон Фостер, майор Алекс Каллаген и ученый астрофизик Адам Девенпорт. По плану мы должны были достигнуть поверхности Венеры и совершить на планете посадку. Корабль достиг Венеры, но осуществить посадку нам не удалось. Мы пронеслись над северной частью планеты и под действием неизученных сил притяжения устремились дальше в космос. Приборы корабля вышли из строя. Вылетев за пределы Солнечной системы, мы потеряли всякую ориентировку.

Не спрашивайте у меня, как я уцелел после того, как истощились все запасы продовольствия. Я помню лишь первые месяцы блужданий в космосе. А дальше — пустота, провал памяти. У меня на глазах в ужасных муках умерли мои товарищи. Я же, прикованный к креслу, впал в состояние прострации. Сколько времени длился полет? Если верить бортовому журналу и

придерживаться относительных значений пространства — времени, всего один год. Но в Бандоране мне сказали, что сейчас две тысячи сто двадцать седьмой год. Значит, по земному времени полет длился тринадцать лет.

Как мне удалось преодолеть временной фактор и выжить, вопреки физиологическим законам? Когда я, наконец, пришел в себя, то вдруг почувствовал, что корабль дрожит и приборы вновь работают. Зажглись сигнальные лампочки на панели управления, в навигационном зале снова стало светло. Я очнулся, по телу у меня разливалось живительное тепло. Взглянув в иллюминатор, я увидел во тьме космоса огромные зеленые облака. Облака окутали корабль, пронизали его, а затем «выбросили» прочь. И едва корабль освободился из облачного плена, как я почувствовал себя словно бы заново родившимся, мой организм вновь обрел жизнеспособность. Но в кабину проникла зеленая плазма и под влиянием чуждой для себя атмосферы начала безудержно разрастаться. Весь во власти одной только мысли — вернуться на Землю — я не сумел осознать, что на Земле, в идеальных условиях для воспроизводства плазма будет расти с ужасающей быстротой.

Я не испытывал ни холода, ни жажды, чувствовал себя бодрым, полным сил... Приборы показывали, что корабль находится на расстоянии нескольких световых лет от Земли и со скоростью, близкой к скорости света, несется к созвездию Ориона. Мне предстояло изменить направление полета. Я включил двигатели. Когда после бесконечного полета до Земли оставалось не так уж много, корабль окутало голу-

бое пламя. Так, объятый пламенем, я понесся вниз и упал в бухту.

Он умолк, но в зале по-прежнему царила напряженная тишина. Никто не осмеливался даже пошевелиться.

— Я, капитан Ред Спид, возглавлял экспедицию на Венеру, и только мне из всего экипажа суждено было уцелеть, — снова заговорил Спид. — Я побывал в гибельных глубинах космоса и утверждаю, что наши познания о живой материи пока безмерно малы. Космос еще враждебен человеку. Кто знает, быть может, человек придумал ад, глядя по ночам на черное, безбрежное небо...

Космонавт не закончил фразы, согнулся и всем телом навалился на стол. Собравшиеся, точно загипнотизированные, не сводили с него глаз. Когда напряжение, казалось, достигло высшей точки, со своего места поднялся Дональд Саммер из газеты «Таймс» и срывающимся от волнения голосом произнес:

— Кто может поручиться, что вы действительно капитан Спид? Если вы тот, за кого себя выдаете, мы преклоняемся перед вашим мужеством и самообладанием. Но если вы шарлатан, в корыстных целях проинструктированный Центром, то мы в лучшем случае можем только рукоплескать вашему актерскому мастерству.

Человек в скафандре тяжело поднялся и прохрипел:

— Да, я капитан Ред Спид. Но кто в состоянии это подтвердить? Прошло слишком много лет и...

Неожиданно для всех из середины зала поднялась небольшая седовласая женщина. Под-

бежав к возвышению, она вскинула руки и крикнула:

— Я, сын мой!

Космонавт вздрогнул, подался вперед.

— Мама!

Кто мог оставаться равнодушным при виде этой сцены? Женщина громко сказала:

— Сними шлем, Ред, дай мне взглянуть на твое лицо.

— Мама, я не такой, как прежде... Я похож на страшное чудовище.

— Я узнаю тебя в любом обличье. Сердце матери не может ошибиться.

— Смотри же!

Ред Спид нажал кнопку, снял шлем и бросил его на пол.

И сидящие в зале содрогнулись от ужаса: они увидели зеленое, вспухшее, покрытое чешуей лицо, на котором лишь воспаленные глаза не утратили своего прежнего цвета. Но в них светилась мука, они до сих пор хранили память пережитого.

А мать с нежной улыбкой смотрела на Спида.

— Ред, сын мой, — тихо сказала она. — Наконец-то я снова вижу тебя. Иди же ко мне, дай тебя обнять.

Ред спустился с трибуны и обнял мать. А кругом слышались восторженные восклицания, аплодисменты. Какой триумф для науки и человечества, какой триумф для Центра, профессора Кларка и генерала О'Синнаха!

Но почему же в зале вновь воцарилась испуганная тишина?

Да потому, что на глазах у потрясенных журналистов Ред Спид стал превращаться в прежнее чудовище. Не защищенная шлемом

голова начала вздуваться, на щеках проступили темные пятна.

— Немедленно подготовить холодильную камеру! — вполголоса приказал генерал О'Синнах.

Зал мгновенно опустел.

Но ни космонавт, ни его мать ничего не замечали.

Седая маленькая женщина нежно гладила Реда по волосам и, всхлипывая, тихо приговаривала:

— Ред, сыночек, дорогой мой сынок.

Примо Леви

Иные

Приближался полдень. В классе стоял шум, словно сотканный из тысячи слов и шорохов. Казалось, его порождают сами стены, и он растет, ширится, пока звонок на перемену не прогонит его, точно ветер облако. Звонок вот-вот должен был прозвучать, а Марио и Ренато все еще бились над контрольной работой. Наконец Марио поставил точку и собрался встать.

Ренато с явным намеком сказал:

— Я тоже почти кончил. Вот только над последним вопросом мучаюсь.

Марио вполголоса ответил:

— Покажи... Вопрос-то нетрудный. Пиши. На севере граничит с Италией, Австрией, Венгрией, на востоке — с Румынией и Болгарией, на юге...

Прозвучал звонок. Он, словно гром с небес, обрушился на класс, и в его грохоте потонул голос учительницы, призывавшей всех немедленно сдать контрольную.

Еще минута-другая, учеников поглотил вначале коридор, а затем лестница, и вот они уже на улице. Ренато и Марио дружно зашагали домой. Через некоторое время они заметили, что их догоняет Джорджо.

Ренато обернулся и крикнул:

— Быстрее, быстрее. Мы голодны, как черти... Впрочем, я-то точно голоден, а за Марио не поручусь. Похоже, он одним воздухом питается.

Но Марио не принял вызова и миролюбиво ответил:

— Я тоже здорово проголодался. К тому же я тороплюсь.

Джорджо догнал их и, тяжело дыша, зашагал рядом.

— Куда это ты опаздываешь? — спросил он. — Еще и часу не пробило, а до твоего дома не больше пяти минут ходьбы.

— Да я вовсе не домой тороплюсь, — сказал Марио, — просто хочу поискать червей. Сегодня для червей подходящий день, они наверняка вылезут из земли.

— А что, — пошутил Джорджо, — черви каждую пятницу празднуют какой-то свой праздник?

— Вчера прошел дождь, а сегодня светит солнце, ясно, что дождевые черви к вечеру выползут наружу, — объяснил Марио.

Ренато насмешливо спросил:

— Так! Значит, ты ловишь червей! Что же ты с ними делаешь? Жаришь?

Джорджо с наигранным отвращением воскликнул:

— Жареные черви, бр-р! Ты что, хочешь мне аппетит отбить?!

— Я собираюсь выращивать червей. Посажу их в коробочку и буду ждать, когда появятся коконы, — серьезно объяснил Марио.

Джорджо сгорал от любопытства.

— Так они вьют коконы? Все? А долго придется ждать? У дождевых червей кокон такой же, как у шелкопряда?

Ренато ядовито заметил:

— Ну и тип же ты, Марио. Сначала спешишь, торопишься, а потом почти до вечера торчишь дома. Спорю, что ты сразу после обеда сядешь за уроки. А затем займешься сбором червей с научной целью.

Неужели найдется остолоп, готовый тащиться с тобой на речку?!

Джорджо пришел на помощь товарищу.

— Что тут особенного? Тебе нравится одно, Марио — другое.

Ренато остановился, пристально поглядел на обоих и, скандируя каждое слово, сказал:

— Меня ничуть не удивляет, что Марио собирает червей. Для таких, как он, это любимое развлечение.

Марио был не из тех, кто на лету парирует удар. После секундного замешательства он растерянно спросил:

— Для таких, как я?

Ренато в ответ только хмыкнул.

— Я такой же, как и все, — продолжал Марио. — Ты увлекаешься волейболом, Джорджо — марками, а я — червями. И не только червями. Ты не знаешь, я и фотографировать люблю. И вообще...

Но Ренато прервал его.

— Брось притворяться. Все равно уже весь класс заметил.

— Что заметил?

— Ну, что ты... Словом, что ты не такой, как другие.

Марио промолчал, задетый за живое. Ренато сказал правду. Он и сам частенько об этом думал, но всякий раз убеждал себя, что ни один из мальчиков не похож на другого. И все же он чувствовал, что чем-то отличается от остальных, в глубине души сознавал, что превосходит других, и это сознание не приносило ему радости, а, напротив, только мучило его.

Он неуверенно возразил:

— Ерунда. Ничего умнее придумать не мог? Чем же это я отличаюсь от других?

Ренато понял, что противник дрогнул, и убежденно, с яростью новоявленного правдолюбца, воскликнул:

— Ах, чем? Разве не ты рассказывал, что твои родители отказались венчаться в церкви? А что это за таинственная болезнь была у тебя в прошлом году? Ты целый месяц проболел, а потом явился в школу вместе с матерью. И учительнице она целых полчаса что-то втолковывала. Но стоило подойти кому-нибудь из ребят, как она сразу же умолкала. А ты сам за весь день рта не раскрыл. Скажешь, вру?

— Ну и что! Мне давали лекарства, от которых я не мог спать. И у меня сильно кружилась голова. Вот мама и проводила меня в школу. Боялась, как бы я не упал по дороге. Такое с любым может случиться.

— Вот как! Ну, а на гимнастике у тебя тоже кружится голова? Мы все видели, что ты всегда раздеваешься, повернувшись лицом к стене. А знаешь почему, Джорджо? — Ренато перевел дух, а затем выпалил: — Потому что у Марио нет пупка, вот почему. Неужели ты этого не заметил?

Джорджо покраснел, как рак, и, запинаясь, сказал: да, он заметил, что Марио всегда отворачивается, но не придал этому значения. Многие не любят, если на них смотрят, когда они раздеваются. Джорджо смутно чувствовал, что предает товарища, но его подавляли уверенность и напор Ренато.

Марио напрягся от страха и бессильной ярости.

— Дурацкие выдумки! Ты лжешь, Ренато! Я такой же, как и все остальные, разве что немного худее вас. Хотите, докажу? Могу раздеться.

— Браво, прямо посреди дороги! — воскликнул Ренато. — Ловлю тебя на слове. Разденешься во вторник, на уроке гимнастики. Посмотрим, хватит ли у тебя храбрости. Тогда убедимся, кто из нас врал.

Подойдя к дому, Марио, не прощаясь, шмыгнул в парадное. Ренато и Джорджо пошли дальше. Джорджо хмуро молчал. Он был зол на Ренато, но в то же время его снедало любопытство.

— А ты, пожалуй, прав, — неуверенно начал он. — Марио не любит раздеваться при других... Но насчет пупка я так и не понял. Ты это всерьез сказал или чтобы его позлить? Ну, а если у Марио и нет пупка? Что, разве у всех остальных он есть?

Ренато усмехнулся.

— Надо же быть таким невеждой в двенадцать лет! Ты что, книг не читаешь? Неужели не знаешь, что пупок — это рубец, который остается у малышей после рождения. Конечно, если их рожает женщина. Ты когда-нибудь видел картину «Сотворение Адама»? Так вот, Адам не был рожден женщиной, и у него тоже нет пупка.

— Но ведь все дети родятся от женщины. Так было испокон веков.

— Было да сплыло. Сразу видно, что родители тебя и близко не подпускают к газетам. Ну, а про детородную таблетку, колбу и шприц ты слышал? А, немного... Так знай же, Марио и другие, ему подобные, родились не в родильном доме, а в специальной лаборатории. Ее как-то показывали по телевизору, я сам видел. Пока таких лабораторий в мире очень мало, но скоро и у нас собираются создать. Знаешь, она похожа на инкубатор, только вместо яиц в секциях лежат колбы, и в каждой — зародыш ребенка. Как только малыш начинает расти, его помещают в другую колбу, побольше. А еще колбы облучают ультрафиолетовыми лучами, иначе ребенок вырастет слепым и...

— При чем же тут таблетка? Разве ее принимают не для того, чтобы не иметь детей?

Ренато на миг растерялся, но тут же обрел прежнюю уверенность.

— Да, есть и такие таблетки. Но в колбы кладут другие — красные, чтобы получился мальчик, и голубые, чтобы получилась девочка. Их вводят в колбу

вместе с хромосомами. Об этом и по телевизору рассказывали, и в журнале писали. Ученые разработали кодекс...

— Кодекс? А что это такое?

— Ну, это... как меню в ресторане. Отец и мать будущего ребенка... вернее, мужчина и женщина, которые хотят иметь ребенка, выбирают, какие у него будут глаза, нос, волосы, быть ли ему худым или толстым.

Джорджо слушал друга, затаив дыхание. Но, как мальчуган рассудительный, он не любил, когда его разыгрывали. А сейчас он подозревал, что Ренато изрядно привирает.

— Ну, а шприцы зачем?

— Так без шприцев ничего бы не вышло! — воскликнул Ренато. — Без них ученый и шагу ступить не может. Хромосомы вводятся и переносятся в колбу побольше одним шприцем, питательная среда — другим, гормоны — третьим. И не дай бог спутать шприцы — вместо нормального ребенка может родиться урод.

Джорджо был сражен научными познаниями друга. А тот, воодушевленный его вниманием, все говорил и говорил:

— Сам понимаешь, это очень сложная и тонкая работа. Когда зародыш созревает, ученые осторожно раскалывают последнюю колбу и передают младенца родителям. И они начинают кормить его молоком, учат ходить, говорить. Искусственные мальчики или девочки ничем не отличаются от остальных, только пупка у них нет.

— Как у Марио... Но ты уверен, что у Марио нет пупка?

Теперь, когда Ренато убедил самого себя, ему не составило особого труда убедить Джорджо.

— Еще полчаса назад я только подозревал, но теперь твердо уверен. Да разве ты не заметил, как он покраснел, когда я ему все в лицо выложил? Чуть не заплакал. И тут же поторопился уйти.

— Видно, он этого стыдится, — примирительно сказал Джорджо. — Бедняга Марио, мне его даже жалко. В первый момент и я покраснел, из жалости к нему. Ведь не его вина в том, что он родился в колбе. Он же этого не хотел.

— Мне его тоже жаль, — сказал Ренато. — Но с такими, как он, надо держать ухо востро. Понимаешь, они только внешне похожи на нас. Возьми, к примеру, Марио. Присмотрись, и ты увидишь, что у него веснушки даже на губах и на ресницах, а на ногтях белые пятнышки. Он шепелявит, да и, вообще, произношение у него такое, что со смеху можно лопнуть. И потом, объясни-ка мне, если сумеешь, почему он никогда не дерется, даже в шутку? Плавать не умеет, а до этого года и на велосипеде кататься не умел. Теперь тебе понятно, почему он учится лучше других и все мгновенно запоминает?

Джорджо, который не отличался хорошей памятью, встревоженно спросил:

— А если и запоминает, что тут плохого?

— А то, что у него магнитная память, ясно тебе! Как у счетно-решающих устройств. Ты не замечал, как у него вечером по-кошачьи блестят глаза? Точь-в-точь, как часы с фосфоресцирующим циферблатом! Между прочим, такие часы запретили — говорят, от них рак бывает. Пожалуй, лучше мне перебраться на другую парту.

— Почему же ты до сих пор не перебрался?

— Потому что не подумал. И потом, я не боюсь заболеть, да и за Марио наблюдать любопытно. Следить за каждым его движением...

— ...списывать у него контрольные.

— И списывать. А ты сам, что, никогда не списывал?

Пристыженный Джорджо замолчал. Он верил Ренато лишь наполовину, но очень уж все это представлялось таинственным и заманчивым. «Почему бы не поговорить с самим Марио, — подумал он. — Осторожно, задавая ему наводящие вопросы».

С того дня прошло две недели. Марио резко изменился. Это заметили все в классе. Как-то учительница истории рассказывала биографию Карла Великого. Вот уже восемь лет подряд она почти слово в слово повторяла историю о пещере и чудесном видении маленького короля. Взглянув на часы, учительница прервала свой рассказ. Последние десять минут она намеревалась посвятить беглому опросу по пройденным темам.

Она впилась взглядом в учеников. Будь школа такой, какой она виделась ей, обыкновенной учительнице, уроки превратились бы в веселый радостный поединок между ней и учениками. Между тем до учительницы доносились лишь перешептывание, приглушенные вздохи, скрип крышек — ученики тайком перелистывали учебники и с надеждой посматривали на часы.

Джузеппе сообщил, что короли были потомками Хлодвига. Родольфо на вопрос учительницы ответил, что Лиутпранд был королем, не сообщив больше никаких подробностей. Сзади кто-то громко и внятно подсказал: «Король лангобардов». Но Родольфо, то ли из упрямства, то ли из кокетства, а быть может, просто из страха перед нежелательными осложнениями, подсказкой не воспользовался. Сандро не проявил ни малейшего уважения к Карлу Лысому. На протяжении сорока секунд он скороговоркой рас-

сказывал о давно умершем короле так, словно тот был его ближайшим и пренеприятным родственником. А Марио, к удивлению всего класса, вообще не ответил на вопрос.

Учительница растерялась: не мог же он не знать, что Карл Лысый разбил арабов при Пуатье! Но Марио поднялся и нагло сказал: «Не знаю». А еще неделю назад он сам рассказывал об этой битве и притом весьма подробно.

— Не знаю, — упрямо повторил Марио, уставившись в пол. — Забыл.

— Подумай хорошенько, Марио, — не сдавалась учительница. — Один из приближенных короля после этой блистательной победы получил даже смешное прозвище.

Ренато свистящим шепотом приказал:

— Отвечай же! Почему ты молчишь?

Но Марио тем же бесстрастным голосом повторил:

— Забыл. Вернее, никогда не знал.

Тут уж весь класс зашептал:

— Не глупи, ответь. Все равно она заметила, что ты знаешь. Не молчи, тебе же хуже будет.

Атмосфера накалилась. Учительница неуверенно, деланно-шутливым тоном спросила:

— Что с тобой, Марио? Ты в последние дни очень изменился, стал рассеянным, вялым. Может быть, ты просто немного разленился, как те французские короли, о которых идет речь?

И, прежде чем раздался звонок, на весь класс прозвучал голос Марио:

— Я не изменился. Я всегда был таким.

Учительница понимала, что следует побеседовать с Марио с глазу на глаз, так будет и честнее и лучше. Но в глубине души она побаивалась этого разговора

и всячески старалась его оттянуть. Когда же она собралась с духом и пригласила Марио к себе, то, к своему удивлению, почувствовала моральное превосходство мальчугана над собой. Видимо поэтому она держалась неестественно, недостаточно серьезно, пожалуй, даже легкомысленно. Но, будучи человеком долга, постаралась как можно лучше сыграть роль наставника-друга.

— Не понимаю, что тебе взбрело на ум, Марио, какие сомнения тебя грызут? Ты мальчик серьезный, умный, я наблюдаю за тобой уже два года и уверена, что ты многого добьешься в жизни. Правда, в последнее время ты стал рассеянным. Может быть, ты переутомился или же тебе нездоровится? Дома у тебя все в порядке?

Марио молчал. Потом глухо ответил:

— Нет, нет. У меня все хорошо. И я совсем не устал.

— В таком случае, возможно, тебя кто-нибудь обидел? Я замечала, что часто, когда Ренато к тебе обращается, ты опускаешь глаза. Ренато любит зло подшутить или выдумать какую-нибудь ерунду. Но все это обычные мальчишеские выходки, не следует принимать их всерьез. Лучше всего первому засмеяться либо самому его разыграть. Если же ты будешь обижаться и переживать, это лишь подтолкнет Ренато на новые козни.

Она стреляла наугад, но сразу заметила, что попала точно в цель. Марио побледнел и посмотрел на нее усталым взглядом человека, который отказывается от дальнейшей борьбы.

— Это не выдумки Ренато. Я и в самом деле не такой, как другие. Я сам давно это заметил. — Он неуверенно улыбнулся. — Ренато не ошибся.

— Не такой, как другие! Чем же ты от них отличаешься? Разве только тем, что учишься лучше.

Не понимаю, почему это должно тебя огорчать? Вот если б ты был последним учеником в классе...

— Дело совсем не в учебе. Я иной, потому что родился по-иному. И тут уж ничего не поделаешь.

— По-иному? Но как?

— Я рожден не так, как все.

Учительнице не оставалось ничего другого, как обратиться к директору. Но много ли от него проку? Увы, директор школы действительно ничем не мог ей помочь. Он посоветовал набраться терпения и внимательно понаблюдать за мальчиком. Ничего не скажешь, полезный совет! А между тем Марио стоял в коридоре и ждал. У учительницы сильно забилось сердце, она видела, понимала, что проигрывает сражение. Она попросила у директора разрешения позвать мальчика. После минутного колебания тот согласился. Марио вошел в кабинет и сел на краешек стула так, словно его привели на казнь.

— Здравствуй, Марио, — бодрым тоном скверного актера сказал директор. — Ну, что ты хотел нам рассказать?

— Ничего, — ответил Марио.

— Маловато, однако. Видишь ли, мне передали, что у тебя появились... какие-то странные мысли. Как я понял, тебе рассказали всякую чушь. Признаться, меня удивляет, что такой рассудительный мальчик, как ты, мог поверить ерунде. Что ты можешь нам сказать?

— Ничего, — повторил Марио.

— Знаешь, дружок, я думаю, что ты, да и не только ты, слишком торопишься. Все вы перегружены, как... как некоторые телефонные линии... сведениями, почерпнутыми из учебников, книг, газет, журналов, телевидения, кино. Ты согласен?

Марио невидящим взглядом смотрел на стену, и по его лицу было видно, что отвечать он не собирается.

— Ну, если ты и впредь намерен молчать... не захочешь мне помочь, — продолжал директор, — мы никогда не разберемся в этой истории. Я прочту тебе очередную нотацию, — он нервно улыбнулся, — а ты и без того устал от них... Ты чувствуешь себя не таким, как остальные. Но, черт возьми, мы все не похожи один на другого! К счастью для нас. Один рожден для того, чтобы стать торговцем, другой — чтобы стать ученым, как ты, например. Конечно, любой из нас может стремиться к большему, но каждому от природы даны разные способности. Пусть это несправедливо, но человек уже при рождении получает в наследство от родителей...

— Вы правы, синьор директор, — равнодушно прервал его Марио. — Но мне надо идти.

Во дворе мальчишки играли в баскетбол, грубо, с отчаянными криками и руганью. Рядом несколько мальчишек неутомимо состязались в прыжках в длину. Марио подошел к группе ребят, собравшихся играть в футбол. Они предложили ему присоединиться, но он сурово ответил:

— Нет, мы не играем в футбол.

Пораженные его тоном, мальчишки в растерянности уставились на него.

А Марио продолжал, и по мере того, как он говорил, голос его креп.

— Пока нас мало, но придет время, мы объединимся и захватим власть в стране. И тогда уже не будет войн. Потому что между собой мы никогда не воюем, а напасть на нас никто не решится. Мы уничтожим все атомные бомбы и ракеты и будем бесплатно

снабжать всех атомным топливом. И за еду не станем брать денег. В мире не останется бедняков и голодных. И все будут рождаться так же, как я.

— А как? — робко спросил кто-то.

— В колбе. Да, да, и не смотрите на меня так. Я один из первых, и, верно, ученые, создавая меня, где-то просчитались. Но теперь испытывают новые образцы. Скоро можно будет «заказать» ребенка, сильного, здорового, умного, и, по желанию родителей, доброго, храброго, справедливого. Одни будут иметь жабры, как рыбы, другие, подобно птицам, смогут летать. В мире исчезнет несправедливость, и все станут счастливыми.

Не думайте, что один я такой. Есть и другие. Скажем... Скотти Мазера. Раньше я только подозревал, а теперь точно знаю. Я догадался по ее произношению, по походке, по тому, что она никогда не горячится и не повышает голоса. Это очень важно — никогда не горячиться. Значит, ты научился владеть собой. А когда человек умеет подчинять любое желание своей воле, он может приучить себя не чувствовать боль, приказать сердцу остановиться... Скотти — одна из наших. Я заметил это вчера, когда она отозвала меня в сторонку.

— Такая старая? — недоверчиво спросил Джорджо, пробившись сквозь толпу ребят.

— Она совсем не старая. Да и вообще, причем тут возраст?

— Очень даже причем, — ответил Джорджо. — Ты же сам только что сказал, что вас научились создавать совсем недавно!

Марио растерянно посмотрел на него, но сразу же нашелся:

— А может быть, она моложе, чем кажется, может, она родилась такой.

— Как? Старой? — изумился Джорджо.

— Я по привычке сказал «родилась». На самом деле ее создали такой. Мы не можем ждать, не имеем права терять даром драгоценное время! Совсем скоро на Земле будет десять миллиардов человек. Понимаете, десять миллиардов! Скоро настанет голод. Но даже если этого не случится, вода и воздух будут отравлены. Даже на вершине Эвереста уже не удастся спастись от смога, реки и моря обмелеют, вода станет дороже золота. И это не моя выдумка, вы сами знаете, как трудно дышать в нашем городе! Вот почему нужно, чтобы такие, как я, появлялись на свет уже образованными. Мы не можем ждать, пока младенцы подрастут и смогут приносить миру пользу.

К Марио, угрожающе вскинув руки, подскочил Ренато. Он был полон гнева и безотчетного страха.

— Хватит тебе молоть чепуху, шут гороховый! Скотти никакой не инженер и не биолог. Она самая настоящая старая ведьма!

В ответ Марио крикнул так громко, что даже мальчишки в школьном коридоре услышали его и подбежали к окнам:

— Нет, она не ведьма! Она одна из наших. Мы встретились сегодня в коридоре, и она подала мне условный знак.

— Какой еще знак? — зло спросил Ренато.

Марио посмотрел на него, лицо его внезапно потухло, руки бессильно повисли, он опустил голову. Потом изменившимся голосом, еле слышно, сказал:

— Уходи, Ренато, мне противно на тебя смотреть. Ты своего добился. Заставил меня заговорить, открыться, и вот я стал таким же, как вы. Уходите, все уходите, никого не хочу видеть!

Он отступил к стене и затем юркнул в дверь.

Джорджо нашел его в пустом гимнастическом зале. Марио сидел на полу, обхватив голову руками, и судорожно всхлипывал.

Примо Леви

Трудный выбор

От призрачного голубоватого света комната казалась еще просторнее. Матово-белые стены уходили в слепящую вышину, туда, где гладкие белые пилястры поддерживали едва различимый свод.

Сильвестро в белоснежном халате сидел на высоком табурете у чертежного стола в центре комнаты. Он выглядел очень молодо, совсем юношей. Все его внимание было сосредоточено на сложной схеме: длинные темно-коричневые линии радиально расходились из одной точки в левом нижнем углу желтоватого ватмана и красиво сходились вверху. На полях довольно неразборчиво, очевидно впопыхах, были нацарапаны какие-то условные знаки и фразы.

Сильвестро работал напряженно, но часто прерывался — то ли для обдумывания запутанной проблемы, то ли просто для отдыха. Где-то тихонько прозвенел звонок, но Сильвестро его не слышал и продолжал чертить. Секунду спустя звонок повторился. Сильвестро на миг поднял голову, но тут же вновь склонился над чертежом. Звонок не унимался. Тогда Сильвестро отложил циркуль в сторону, слез с табурета и направился к дверям. Он пересек длинный коридор и вошел в маленькую гостиную с таким низким потолком, что до него можно было дотронуться рукой. В гостиной его ожидали трое: широкоплечий молодой человек, красивая блондинка средних лет и худой седовласый мужчина.

На какое-то мгновение Сильвестро в нерешительности застыл на пороге, затем довольно сухо произнес:

— Прошу вас, садитесь.

Он сел. Трое незнакомцев последовали его примеру. Досадуя, что неожиданный визит помешал его работе, Сильвестро все так же сухо поинтересовался:

— Что вам угодно?

В этот момент взгляд его упал на стоявший на столе чемоданчик и, не скрывая разочарования, он протянул:

— А, понятно.

Молодой человек без всяких предисловий открыл чемодан.

— Нет, вы ошибаетесь, — сказал он. — Во избежание недоразумений должен вас сразу же предупредить — мы не страховые агенты и не коммивояжеры. Мы ничего не намерены вам продавать, точнее — никаких товаров.

— Так, значит, вы те самые люди, которые...

— Вот именно.

— Что же вы можете мне предложить?

— Землю, — с улыбкой ответил молодой человек. — Мы специалисты по Земле, небезызвестной вам третьей планете Солнечной системы. И, с вашего позволения, постараемся доказать, что это совсем неплохое место.

Он заметил искру сомнения во взгляде Сильвестро и тут же спросил:

— Вы удивлены? Не ждали подобного предложения?

— Признаться, ждал. Правда, за последние годы распространились всевозможные слухи... Несколько профессоров, моих коллег, исчезли внезапно и при весьма таинственных обстоятельствах. Но я... Видите ли, говоря откровенно, в глубине души я к этому еще не готов. Сами знаете, как бывает, когда не устанав-

ливают точного срока: тянешь, откладываешь окончательное решение со дня на день.

Молодой человек кивнул.

— Да, обычно так и бывает. Но вы не беспокойтесь. Это в порядке вещей. Очень трудно найти кандидата, который сразу бы твердо ответил «да» или «нет». Впрочем, подобная нерешительность вполне оправдана — нелегко составить ясное представление о том, что тебе предстоит, сидя в кабинете и не ознакомившись с нужными материалами, не поговорив с людьми. Для этого мы и пришли. Если вы согласитесь уделить нам несколько минут... Нет, нет, мы не отнимем у вас много времени. У нас самих все расписано по часам, хотя мы и вынуждены это скрывать. Иначе кто же захочет иметь с нами дело?

Он порылся в чемоданчике и вынул пачку рельефных изображений Земли — снимки, сделанные с космических кораблей. Протягивая фотографии Сильвестро одну за другой, он заговорил профессиональным тоном, чуть назидательно:

— Взгляните на эти фотографии. Как я уже говорил, мы специализируемся по Земле и в первую очередь интересуемся человеком. Сейчас Земля — обжитая планета с умеренным климатом. Максимальные перепады температур не превышают 120 градусов, атмосферное давление фактически постоянно. В земных сутках 24 часа, в году 365 дней. Очень красивый спутник, именуемый Луной, освещает Землю по ночам. Он гораздо меньше Солнца, но ориентирован таким образом, что внешне его диаметр кажется равным диаметру Солнца. Благодаря этому на Земле периодически происходят затмения, которые высоко ценятся любителями прекрасного. Наконец, на Земле есть океаны соленой воды, они были спроектированы с большим размахом. Вот, посмотрите. Сейчас я вам покажу океан в движении.

На фотографии был изображен уходящий к горизонту огромный песчаный пляж. На него, осыпая берег пенными брызгами, накатывались волны.

— Увы, фотография не в состоянии передать всей красоты этого незабываемого зрелища, — сказал молодой человек. — Некоторые из наших клиентов, люди уже в летах, часами стоят на берегу и любуются волнами, которые из века в век стремятся куда-то, такие одинаковые и вместе с тем такие непохожие. Ради одного этого стоит совершить длительное путешествие Жаль, что у вас мало свободного времени, иначе бы... Да, забыл сказать, что земная ось слегка наклонена.

Он вытащил из стопки видеокарту Земли и нажал кнопку. Земля начала медленно вращаться.

— С помощью этой несложной уловки на Земле достигается разнообразие климатических условий. Атмосфера планеты совершенно уникальна для всей Галактики и, право же, создать ее было нелегко. Представьте себе только, в атмосфере содержится около 20 процентов кислорода, этого неиссякаемого источника энергии! Разумеется, на Земле есть также и углерод, водород, метан. Но я знаю планеты, где метана полным-полно. Только какой от него прок без кислорода?.. Впрочем, я, кажется, немного увлекся и невольно проявил неуважение к своим конкурентам. Безусловно, и другие планеты имеют свои достоинства.

Он вынул визитную карточку и протянул ее Сильвестро.

— Разрешите представиться. Меня зовут Джусти, а это мои ассистенты: синьора Биокки и синьор Ростаньо. Синьора Биокки ознакомит вас с взаимоотношениями людей на Земле, а наш коллега Ростаньо ответит на вопросы исторического и философского характера.

Синьора Биокки улыбнулась и слегка наклонила голову, синьор Ростаньо встал и вежливо поклонился.

— Очень приятно, — сказал Сильвестро. — Я в вашем распоряжении. Но предупреждаю, я не беру на себя заранее никаких обязательств. Мне бы не хотелось, чтобы...

— О, не беспокойтесь! — воскликнул Джусти. — Этот разговор ровно ни к чему вас не обязывает. Более того, мы со своей стороны обещаем не оказывать на вас никакого морального давления. За вами остается полная свобода выбора. Мы постараемся лишь как можно полнее и объективнее изложить все интересующие вас сведения. Однако должен предупредить: второго визита не будет. Кандидатов великое множество, а нас, служащих, которые призваны вдохнуть душу в их тела, очень мало. Увы, нам приходится сталкиваться с немалыми трудностями. Разумеется, в случае успеха мы получаем большое моральное удовлетворение, но далеко не все добиваются успеха. Словом, наш рабочий день уплотнен до предела, и, за редчайшими исключениями, мы просто не в состоянии дважды встретиться с одним и тем же кандидатом. Поэтому рекомендую вам самостоятельно посмотреть и оценить весь материал, а уж затем принять решение. Независимо от его исхода мы расстанемся добрыми друзьями. А теперь позвольте перейти к сути дела.

Он вынул из чемодана новую пачку фотографий и протянул ее Сильвестро со словами:

— Это наши образчики, в них главная наша сила. Здесь собраны новейшие и абсолютно достоверные данные. Мы обновляем материалы каждые шесть месяцев.

Сильвестро с любопытством уткнулся в фотографии. По большей части снимки были цветные. На них были изображены молодые, ослепительно красивые женщины и атлетически сложенные мужчины с чуть фатоватой улыбкой на лицах.

— Это все мужчины? — спросил Сильвестро.

— Нет, мужчины и женщины, — ответил Джусти. — Вот юная полинезийка... А это сенегальский охотник... Перед вами банковская служащая из Лос-Анджелеса, а это австралийский боксер. Хотите посмотреть его на ринге в момент поединка? Какая реакция, какая сила! Он похож на пантеру, не правда ли?.. Это юная мать-индеанка.

Очевидно, юная мать-индеанка попала в образчики по ошибке. Вид у нее был малопривлекательный. Высохшая от голода, она кормила грудью истощенного младенца со вздувшимся животом и тонюсенькими ножками. Джусти быстро спрятал фотографию в чемодан, прежде чем Сильвестро успел задать вопрос, и протянул фотографию светловолосой и пышнотелой датской студентки. Сильвестро долго и внимательно ее разглядывал, потом спросил:

— Они что, рождаются такими? Ну, такими крепкими, полными?

В разговор, привычно улыбаясь, вступила синьора Биокки.

— Нет, они рождаются маленькими и, по-моему, более привлекательными.

Она обратилась к Джусти.

— Будьте добры, найдите фотограммы роста.

Порывшись в ворохе фотографий, Джусти вытащил снимок обнаженного молодого человека с непомерно развитой мускулатурой. Он стоял, широко расставив ноги и вскинув над головой руки, и тупо улыбался. Внезапно, не меняя позы, а лишь уменьшившись в размерах, юноша превратился в подростка, затем в мальчика, малыша, младенца. С лица его по-прежнему не сходила тупая улыбка.

Синьора Биокки мягко попросила:

— А нельзя ли показать в обратном порядке и чуть медленнее?

Следующие друг за другом фотографии отобразили метаморфозу превращения крепкого, розового младенца в могучего атлета. Он приветствовал Сильвестро, потрясая сжатыми над головой руками.

— Ну вот, — сказала синьора Биокки, — вам, вероятно, все стало понятно? Это один и тот же человек, но разного возраста: месяц, год, шесть, четырнадцать, восемнадцать и двадцать пять лет.

— Любопытно, — произнес Сильвестро. — Надо думать, женщины проходят тот же цикл?

— Конечно, — ответила синьора Биокки. — Хотите посмотреть?

— Нет, не беспокойтесь, мне все ясно. Ну, а что потом? Человек продолжает расти бесконечно?

— Нет, на определенной стадии рост прекращается. Но происходят другие изменения, которые трудно передать на фотографии? А затем наступает известный физический упадок...

Как бы в подтверждение ее слов двадцатипятилетний атлет на фотографии превратился сначала в пожилого лысого мужчину, затем в обрюзгшего бледного человека преклонного возраста и наконец в морщинистого немощного старца. Синьора Биокки поспешно сунула фотографию в чемодан и невозмутимо продолжала:

— ...который, однако, вполне компенсируется богатым жизненным опытом и нередко большим душевным спокойствием. Но самое интересное — это акт рождения. — Она обратилась к Джусти: — Есть у нас сцена родов?

— Нет, синьора Биокки, — сухо ответил тот. — Вы же отлично знаете, что нам запрещено показывать момент зачатия и родов. Собственно, в этом нет ничего противоестественного, — продолжал Джусти, обращаясь к Сильвестро, — но речь идет о явлении, столь необычном для лиц, не рожденных женщиной, скажем

для вас, что оно может привести их в некоторое замешательство. Прошу прощения, но такова инструкция.

— Впрочем, мы могли бы показать несколько супружеских пар, — задумчиво произнесла синьора Биокки.

— Разумеется, — тут же отозвался Джусти, — это в наших силах. Как вам известно, самец и самка, в нашем случае мужчина и женщина, дополняют друг друга не только морфологически. Поэтому супружество, или на худой конец просто жизнь вдвоем, — основная предпосылка душевного равновесия. Можете убедиться в этом сами. Взгляните на эту супружескую пару... или на этих молодоженов в лодке... Это Лидо, прекрасное курортное местечко, я отдыхал там в прошлом году. Но ехать туда одному глупо и даже нелепо. А вот еще двое — молодой конголезец и конголезка. Не правда ли, они хороши собой и стройны? А на этом снимке изображены пожилые супруги...

Джусти вторила синьора Биокки своим теплым, чуть хриплым голосом:

— Поверьте нам на слово: самое интересное и приятное приключение на Земле — это поиски партнера другого пола, человека, с которым можно было бы прожить вместе если не всю жизнь, то хотя бы несколько лет. Мы по собственному опыту знаем, что супружеская жизнь приносит людям огромное счастье. Если вам суждено будет родиться женщиной, ни за что не отказывайтесь от радости материнства. Кормление малыша — вы видите его на этом снимке — создает такую глубокую внутреннюю связь с ребенком и мужем, которую невозможно передать словами... Это надо испытать самому.

— А вы... вы это испытали? — спросил Сильвестро.

— Конечно! Нам не выдают диплома до тех пор, пока мы не предъявим полный земной послужной список.

В разговор снова вступил Джусти.

— Но и родиться мальчиком тоже совсем неплохо. Собственно, преимущества и недостатки распределены между полами весьма гармонично.

Он вынул из кармана пачку сигарет и угостил всех. Затем откинулся на спинку стула и спросил:

— А не сделать ли нам небольшой перерыв?

Но, видимо, его переполняла неудержимая жажда деятельности. Он тут же вскочил и стал рыться в чемоданчике. Вынув оттуда несколько предметов, он разложил их на столе перед Сильвестро.

— Это уже не образчики, а частная коллекция, которую я собирал по собственной инициативе. Я всегда ношу ее с собой. По-моему, эти предметы способны многое сказать кандидату, помогут ему зримо представить себе, что его ожидает на Земле. Вот перед вами шариковая ручка, стоит она всего пятьдесят лир, а позволяет без всяких усилий написать сто тысяч слов. А это нейлоновые чулки. Взгляните, какие они легкие, просто невесомые! Ну, а это... это человеческий череп. Посмотрите, какой он мощный и в то же время небольшой по размеру. А это пластиковый митральный клапан, настоящее чудо техники, не правда ли? Крошечный, как игрушка, и необыкновенно надежный. Или возьмите стиральный порошок: позволяет за считанные минуты выстирать горы белья.

— Простите, — перебил его Сильвестро, — нельзя ли еще раз взглянуть на фотографии, которые вы показывали последними? Да, да, на молодого конголезца и конголезку. Так, значит, у людей бывает разный цвет кожи. А я-то думал, они все одинаковые.

И тут в разговор вступил наконец синьор Ростаньо, до сих пор сидевший молча.

— Собственно, так оно и есть, — сказал он. — Различия весьма незначительные и не имеют ровно никакого биологического значения. У нас нет при себе

фотографий смешанных супружеских пар. Но таких браков заключается очень много, и по большей части они оказываются весьма удачными. В сущности, вся разница только в пигментации. Черная кожа лучше защищает тело от ультрафиолетовых лучей, и потому она присуща людям, живущим в тропиках. На Земле есть также люди с желтой кожей.

— Понял! — воскликнул Сильвестро. — Значит, несмотря на разницу, они взаимозаменяемы. Ну, скажем, как два винта с одинаковой нарезкой?

Синьор Ростаньо и синьора Биокки в замешательстве посмотрели на Джусти. После небольшой паузы Джусти заговорил, но в голосе его не чувствовалось прежнего энтузиазма:

— Не в наших правилах расписывать все в розовых красках. Нет, на Земле не все протекает гладко. Еще есть некоторые трудности, хотя и не слишком серьезные. Проблема взаимоотношений людей с разным цветом кожи, увы, тоже пока существует. Мы не сомневаемся, что в дальнейшем произойдет полное смешение рас, и тогда все трудности отпадут сами собой. А пока кое-где еще бывают столкновения, и иной раз весьма неприятные. Видите ли, на Земле еще не все запрограммировано, могут произойти самые непредвиденные случайности. Но это вопрос времени. Через два-три века о расовых столкновениях никто и не вспомнит.

— Но ведь мне предстоит родиться в самое ближайшее время, не так ли?

Джусти собрался было ответить, но его опередил синьор Ростаньо.

— Если вы пожелаете, то хоть завтра. Для этого вам потребуется лишь подписать договор. Мы не бюрократы и не любим волокиты.

— Я хотел бы еще немного подумать. Ваши доводы не вполне меня убедили. Мне не нравится, что

из-за того, что люди рождаются с разным цветом ко-жи, происходят беды.

Ростаньо натянуто улыбнулся.

— Отлично вас понимаю, но отнюдь не разделяю ваших опасений. В любом деле есть элемент риска. В данном же случае риск невелик.

Однако Сильвестро, очевидно, очень волновала эта проблема. Быть может, он не впервые о ней слышал. Как бы то ни было, он вежливо, но решительно выразил желание посмотреть еще несколько фотографий.

— Пожалуйста, — ответил Джусти. — Здесь вы найдете все, что вас интересует. Мы поступили бы нечестно, если бы не показали всех материалов. Вот, на выбор: демонстрация пацифистов, занятия в школе — смотрите, здесь дети и белых и черных... А это экипаж торгового корабля. Как вы легко можете убедиться, белые и негры работают вместе.

Пока Джусти разглагольствовал, Сильвестро незаметно придвинулся к чемодану и, улучив момент, завладел фотографией, на которой было запечатлено столкновение между неграми и полицией. На переднем плане верзила-полицейский целился из пистолета в юношу-негра.

— А это что такое?

— Послушайте, — с явным раздражением ответил Джусти, — вы ведете себя некорректно. Поймите, у нас свои задачи и планы. Мы в равной мере заинтересованы в объективной информации и успехе предприятия. В этом чемодане находится и секретная документация, предназначенная совсем для других целей. Не сочтите это бестактным, но вынужден вам напомнить, что материал отбираем мы... Впрочем, раз уж так случилось, могу только повторить: мы вовсе не собираемся продавать иллюзии. Да, на Земле еще случаются кровавые столкновения — либо из-за тер-

риториальных споров, либо по соображениям престижа, а иной раз просто в силу агрессивности определенных группировок людей. Но такие случаи становятся все более редкими.

Между тем Сильвестро не отводил взгляда от другой фотографии: на ней был виден помост, виселица, человек в белом капюшоне и повешенный негр.

Джусти поспешно сказал:

— Подобных историй уже давно не было, хотя в принципе они происходят.

Сильвестро внимательно рассматривал фотографию. Наконец, ткнув пальцем в изображенный на ней черный предмет, он спросил:

— А что это такое?

— Пистолет, — неохотно ответил Джусти. — Он, между прочим, стреляет. Ну как, теперь вы удовлетворены?

На какой-то миг изображение ожило, задвигалось: полицейский выстрелил, негр покачнулся и побежал, оставляя на мостовой кровавый след. И снова перед ними неподвижная фотография.

— Что с ним стало? — с тревогой спросил Сильвестро.

— Кого вы имеете в виду?

— Негра, в которого стреляли.

— Боже праведный, откуда мне знать! Не могу же я помнить на память все эпизоды. И потом, вы сами видели: он исчез за кадром.

— Он... он, верно, умер?

Джусти с мрачным видом забрал у Сильвестро фотографию и молча сунул ее в чемодан.

Ответил синьор Ростаньо.

— Пожалуй, вы излишне впечатлительны. Кроме того, не следует судить о положении по отдельным мелким эпизодам. Такое бывает, к счастью, не

каждый день. А признайтесь, общее впечатление проще составить на типичных ситуациях. Минутку...

Он порылся в чемодане и протянул Сильвестро три цветные фотографии. На первой была изображена группа молодых поющих крестьянок, возвращавшихся с работы. Вторая запечатлела крутой склон и мчащихся лыжников с горящими факелами в руках.

На третьем снимке, который особенно заинтересовал Сильвестро, был изображен читальный зал библиотеки и склонившиеся над книгами люди.

— Постойте, не убирайте его! Я хотел бы посмотреть еще раз. Это почти как у нас здесь. Они ведь что-то изучают?

— Кажется, — ответил Джусти.

— Что именно?

— Не знаю, но можно посмотреть.

Фотография ожила, и при внимательном рассмотрении можно было разглядеть, какие книги лежат на столах. И хотя в этом не было необходимости, Джусти счел своим долгом пояснить:

— Студент справа изучает архитектуру. Его соседка готовится к экзамену, по теоретической физике. А вон тот... Я не очень хорошо вижу... Ага, он изучает философию, вернее, историю философии.

— Интересно, что с ними стало после?..

— После чего?

— После окончания учебы. А может, они продолжают учиться?

— Право, не знаю. Я вам уже говорил, что нам трудно запомнить сюжеты всех имеющихся у нас фотографий. Не могу же я с места в карьер объяснить, что было с каждым прежде и что будет потом!

Но, несмотря на всю свою вежливость, Сильвестро оказался упрямым. Он твердо повторил:

— Нельзя ли оживить эту фотографию?

— Если вы так настаиваете... — нехотя согласился Джусти.

На какое-то мгновение изображение расплылось, по нему побежали точки и разноцветные полосы, но вскоре отчетливо выступила фигура бывшего студента-философа: он сидел за окошком почтового отделения.

— Тот же человек год спустя, — сказал Джусти. — Он же два года спустя.

Бывший студент по-прежнему сидел за окошком почтового отделения.

Новая смена разноцветных полос и точек.

— Десять лет спустя, — бесстрастно произнес Джусти.

Лицо бывшего философа украсили очки, но место его работы не изменилось. Спустя тридцать лет он, уже совсем седой, все так же сидел за окошком.

— Судя по всему, он совершенно лишен инициативы, — сказал Джусти. — Но должен признаться, дорогой Сильвестро, вы слишком недоверчивы. Не многого бы мы добились, окажись остальные кандидаты такими же, как вы.

Однако вопреки логике в голосе его прозвучало восхищение.

— Поймите, не так-то просто принять решение, я хочу четко уяснить себе положение дел на Земле, — ответил Сильвестро. — Не обессудьте, но меня интересует дальнейшая судьба и этого человека.

И он показал на фотографию другого читателя библиотеки.

— Что ж, посмотрим, — сказал Джусти. — Вот он два года спустя.

Уже знакомый по фотографии мужчина, сидя в удобном кресле, читал какую-то книгу.

— Он же четыре, простите, пять лет спустя.

Внешне мало изменившийся мужчина за обеденным столом. Напротив него — молодая женщина, рядом с ней — малыш с чайной ложкой в руке.

— Приятная семья, не правда ли? — с удовольствием заметил Джусти. — Посмотрим на главу семейства семь лет спустя.

Но, очевидно, произошла какая-то неувязка, и перед Сильвестро один за другим замелькали кадры из жизни интересующего его человека.

Вот, одетый в военную форму, он прощается с плачущей женой и садится в военный транспортный самолет.

Белые купола раскрывающихся парашютов...

Герой, сжимая в руке автомат, приземляется и укрывается в засаде за огромным камнем.

Вот он лежит, и из груди его сочится темно-красная кровь.

Маленький холмик, и на нем грубый деревянный крест...

— Но ведь это... война? — помолчав, спросил Сильвестро.

Растерянный Джусти не нашелся, что ответить. На выручку ему поспешил прийти синьор Ростаньо.

— Да, это война. Но мне хотелось бы предостеречь вас от скоропалительных выводов. Прежде всего, отнюдь не доказано, что война неминуема и что ни одна страна не в состоянии ее избежать. За последние двадцать пять лет произошло всего несколько мелких локальных войн. Поэтому кадры, которые вы видели, имеют, если можно так выразиться, ретроспективное значение. Я бы даже сказал, что сейчас начался второй золотой век. К тому же война не всем приносит зло. Многие наши клиенты не только не пострадали в последней войне, но и изрядно заработали на ней.

Джусти закашлялся. Но синьор Ростаньо не понял намека.

— ...и стали знаменитыми, уважаемыми людьми.

— Словом, — вмешался Джусти, — не следует воспринимать войну как непоправимую трагедию. Каких-то пятьдесят миллионов погибших из многомиллиардного населения Земли... Поймите, в жизни есть лицевая и оборотная стороны, в ней слились воедино победы и поражения, радости и неудачи.

Здесь, на вашей планете, все события приобретают космические масштабы. Но на Земле вы станете личностью, индивидуумом, который живет только своим умом. Вы будете единственным в своем роде, не похожим на других.

Мне трудно судить, у кого больше прав — у рожденного или нерожденного. Но я по собственному опыту знаю, что тот, кто получил в дар жизнь, не в состоянии от нее отказаться. За редчайшими исключениями, все, кто рожден, цепляются за жизнь с упорством, поражающим даже нас, призванных ее рекламировать. Это ли не лучший довод в пользу жизни?! Смотрите!

И Джусти показал Сильвестро фотографию измученного, оборванного мужчины, который киркой пробивал себе путь в обвалившемся забое.

— Этот человек был ранен, обвал отрезал его от внешнего мира. Он ослаб от голода, жажды, пребывания в кромешной тьме. Он мог бы спокойно принять смерть, для него она была бы всего лишь переходом из одной тьмы в другую. Он даже не знал, где спасительный выход. Но он рыл и рыл, двенадцать дней подряд, пока не выбрался на поверхность...

А теперь я хочу привести вам другой, менее драматический, но более распространенный пример.

Джусти протянул Сильвестро четыре снимка. На первом был изображен мужчина, сидящий в

захламленном темном помещении. Его рабочий стол был завален бланками. Второй снимок запечатлел того же мужчину в домашней обстановке. Он читал, прислонив газету к бутылке вина, а в глубине комнаты жена, повернувшись к нему спиной, разговаривала по телефону. На третьей фотографии Сильвестро увидел его отправляющимся на работу пешком, в то время как сын ехал на мотоцикле. На четвертом все тот же человек со скучающим видом сидел у телевизора.

— Человек, которого вы только что видели, — продолжал Джусти, — ведет такую монотонную жизнь уже на протяжении сорока лет. Работа вызывает у него только бесконечную скуку, жена его презирает и, судя по всему, любит другого, сыновья выросли и смотрят на него, как на пустое место. И все-таки он терпит, сопротивляется и долго еще будет сопротивляться. Каждый день он будет ждать «завтра», каждый день таинственный голос будет шептать ему, что завтра в его жизни произойдет что-то прекрасное и необыкновенное... Положите, пожалуйста, эти фотографии в чемодан, — обратился Джусти к синьору Ростаньо, — и оставьте нас вдвоем на несколько минут. Я хотел бы поговорить с синьором Сильвестро с глазу на глаз.

Когда они остались одни, Джусти доверительно сказал:

— Вы, верно, уже поняли, что в жизни землян немало несуразностей и пороков. Допущено слишком много ошибок. Долгое время люди делали вид, будто ничего не произошло. Но теперь все тайное стало явным и ждать больше нельзя. Необходимы решительные меры, а для этого нам нужны такие люди, как вы. Вы удивлены? Я не сказал вам об этом сразу, так как хотел сначала кое в чем удостовериться. Но теперь я могу вам открыться — мы пришли сюда не

случайно. Нас заранее информировали о вас, Сильвестро.

— Обо мне?

— Да. Нам нужны вдумчивые, смелые и подготовленные помощники. Вот почему мы так упорно вас уговариваем.

— Значит... мое рождение будет отнюдь не случайным и моя судьба предопределена заранее? Она как бы уже занесена в Книгу бытия?

— Я бы не сказал, что в книге вашей судьбы уже заполнены все страницы. Мы верим в свободное волеизъявление, во всяком случае, стараемся вести себя так, будто верим. Поэтому судьба наших кандидатов во многом зависит от их действий. Но мы можем предложить вам превосходные варианты, предоставить изначальные преимущества. Взгляните на этот снимок. Это вы. Мы наделили вас крепким, стройным телом и создадим соответствующую обстановку для плодотворной работы. А это тоже вы, но уже там, где закладываются основы милосердия и правосудия. Вы сможете утолить боль и продлить людям жизнь. Со временем именно вы, ученые, станете подлинными властелинами мира.

Сильвестро внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Теперь, когда мы остались одни, — продолжал Джусти, — я могу, вернее, обязан показать вам секретный материал, с которым вы так жаждали ознакомиться.

И он широко раскрыл чемодан. Фотографии не нуждались в комментариях. Их не нужно было оживлять. Они говорили сами за себя.

Многоствольное орудие, ведущее беглый огонь... Разрушенные здания... Горы сожженных трупов за колючей проволокой... Жалкая хижина и умирающий

от голода ребенок на земляном полу... Поросшие сорняком поля и вырубленные леса...

Фотографий было больше сотни, но Джусти отодвинул их на край стола и сказал:

— Видите, сколько предстоит сделать, чтобы жизнь на Земле стала лучше. Но вас эти горести и беды не коснутся. Вам не придется с детства терпеть зло, ваша задача — одолеть его. Вместе с человеческим обликом вы получите и оружие, необходимое для борьбы со злом, оружие мощное и одновременно хрупкое — разум, смелость, терпение, жалость. Вы родитесь не таким, как остальные люди. Перед вами сразу откроются все двери. Вы будете одним из наших и продолжите дело, начатое уже давно. Вы не умрете. Когда истечет срок вашей земной жизни, вы, как и я и мои друзья, станете вербовщиком и будете искать тех, кто может и должен бороться со злом.

Джусти умолк, как бы давая Сильвестро возможность осмыслить сказанное, а затем сказал:

— Вот и все. Желаю удачи. Подумайте и дайте мне ответ.

Он сгреб фотографии и положил их в чемодан.

Сильвестро молчал так долго, что Джусти едва не крикнул ему: «Да отвечайте же поскорее!»

После томительной паузы Сильвестро заговорил.

— Я принимаю ваше предложение. Но я хотел бы родиться по воле случая, как и все остальные, без изначальных преимуществ и поблажек. Иначе всю жизнь я буду чувствовать себя ловким пройдохой. Вы меня понимаете, не правда ли? Вы же сами сказали, что каждый человек — кузнец своего счастья. Так лучше самому ковать судьбу. Я предпочитаю сам создавать себя, лишь тогда мой путь будет единственно правильным. И лишь тогда тернистый путь человечества станет и моим путем.

Марко Дилиберто

Страсть к рыбной ловле

— О черт! — воскликнул старик, с презрением глядя на меня. — Опять обезьяна!

— Кто, кто?! — в сильнейшем изумлении воскликнул я.

— Обезьяна! — яростно крикнул он. — Церкопитекус примигениус. Ни на что не годится. Ни для одного опыта — хуже одногрузного робота.

Я тяжко вздохнул.

— Мне казалось, мои расчеты были точными, но...

— Приберегите ваши глупые объяснения для кого-нибудь другого, — сердито прервал меня старик. — Что до меня, то я уже их слышал.

— Позвольте узнать, от кого? — осторожно осведомился я.

— От кого? Гм, гм. — Казалось, наш разговор весьма его забавлял. — Моя дорогая обезьяна, перед вами, поверьте мне на слово, лучший из рыбаков. Кто еще мог выловить за год столько обезьян, сколько выловил Изопус Великий?

Он подозрительно взглянул на меня и продолжал:

— Собираетесь выложить мне ваши дурацкие теории и все для того, чтобы доказать, будто вы не обезьяна? Предупреждаю, я ваши доводы знаю наизусть.

Только теперь я заметил, что старик не говорил, а квохтал. Вернее, в горле у него что-то булькало, и было весьма удивительно, что я понимаю его, а он меня.

— Кто-то клюнул на приманку Мока! — громовым голосом вскричал рыбак, стоявший чуть поодаль. Все тут же повернулись к Моку, старому уродцу, который застыл над рекой словно изваяние. С диким воплем Мок рванул удилище и вытащил из реки красивую красную туфельку. Саркастические возгласы заглушили громкие проклятия неудачника.

— Туфелька из ибериальной эпохи! — весело заметил мой старикан. — Нам нужно кое-что полюбопытнее!

Минут десять рыбаки спорили о своих находках, а затем снова взялись за удочки. Тем временем я успел хорошенько обдумать план действий. Конечно, разумный план. Иначе мне незачем было сюда являться.

— Позвольте узнать, как вы научились столь ловко ловить обезьян?

Изопус Великий пристально поглядел на меня.

— Значит, вы признаете, что вы обезьяна?

В его голосе звучало удивление.

— Да, я обезьяна, — подтвердил я. — И счастлив, что меня поймал лучший рыбак в мире.

— Вот такой разговор мне нравится! — буркнул старик. — Я даже начинаю сомневаться, обезьяна ли вы? Разумеется, в истинном смысле этого слова, ибо по физическим характеристикам вы, безусловно, обезьяна: зубы, густая шерсть, огромный рост, мощная мускулатура — все признаки налицо. Но в смысле психики наблюдаются определенные сдвиги. Вы из премозойской эры, не так ли?

— Родился в 1987 году, — растерянно ответил я.

— Я же говорю — из премозойской эры, как и другие обезьяны. Но только вам уже известно, что вы обезьяна. Очевидно, вы из позднего премозоя. Родились на пороге Великих открытий. Сейчас мы это выясним. Скажите-ка, в каком отношении друг к дру-

гу находятся точки двух сегментов, один из которых вдвое длиннее другого?

В центральной научно-полицейской школе нас учили многому, в том числе приемам дзю-до и умению прожить на маленькую зарплату. Многому, но не математике. К счастью, я был не чужд культуре и сносно образован. Конечно, этого недостаточно, но иной раз оброненная как бы невзначай мудреная фраза производит не меньший эффект, чем пистолетный выстрел. Люди начинают думать, что у вас в голове есть и мозги.

— Число точек в обоих сегментах одинаковое, — уверенно ответил я. — Ибо нетрудно доказать, что в любом сегменте число точек бесконечно. Так называемые биунивальные величины...

— Что больше, сумма всех чисел или сумма одних только нечетных чисел?

— Они совпадают, — не задумываясь, ответил я. — Чтобы сравнить две бесконечно большие величины, достаточно сравнить любой из составляющих их элементов.

— Чушь! — воскликнул старик. — Нет, вы самая настоящая обезьяна. Но обезьяна-мутант. Я вас продам за баснословную цену Институту палеонтологической классификации. Вы допускаете ошибки, которые уже совершали ваши далекие предки. Другие попадавшиеся на удочку обезьяны, хотя и были чудовищно невежественными, утверждали совершенно противоположное тому, что сейчас говорили вы. И это по крайней мере свидетельствовало о том, что они обладали крупицей здравого смысла. Впрочем, не все.

Тут старик глубоко вздохнул.

— Когда я спросил у одной гориллы ростом метр девяносто семь сантиметров, чему равен квадратный корень минус единицы, она в ответ залепила мне кулаком в нос. Я за гроши продал ее Центру

перевоспитания, да и то благодаря помощи моего родственника, вице-директора Центра психофизической разрядки.

Я вздрогнул.

— Значит, попадаются одни обезьяны? А других животных или людей вам выуживать не случалось?

— Думаете, их легко поймать? — с горечью сказал старик. — Я, самый опытный и удачливый из рыбаков, за всю свою жизнь выудил не более двухсот экземпляров. А ведь это самая богатая из всех семи земных рек времени! Хорошо еще, что мне удалось напасть на эту отмель премозойской эры.

Я весь обратился в слух. Но старик умолк.

— Вы что-то говорили о премозойской отмели, — дрожащим голосом подсказал я. Нервы у меня были на пределе. Старик, казалось, не слышал моего вопроса... Он порылся в огромной корзине и извлек оттуда две резиновые ленты.

— Случайно не знаете, что это такое? — сказал он. — Я спрашивал у людей, но никто не знает.

Я уставился на диковинные ленты.

— Где вы их выудили?

— В вашем времени. За час до того, как поймал фемину цвета янтаря. Вот была удача, так удача! В Центре психофизической разрядки все прямо передрались из-за нее.

Мне стоило огромного труда удержаться от крика. «Бедная Ивонна Нортон!» Оставалась одна-единственная надежда на спасение — разгадать, что же представляют собой эти резиновые ленты. Я напряг все свои умственные способности. И вдруг меня осенило.

— Клянусь Дианой! — воскликнул я. — Это же подтяжки!

— Что, что?

Я принялся терпеливо объяснять старику, для чего предназначены подтяжки. Изопус хохотал до

слез. Между нами явно протянулись первые нити взаимной симпатии.

— Так вы говорили о какой-то премозойской отмели, — вновь напомнил я.

— До чего богатая отмель! — воскликнул он. — Я там выудил двадцать великолепных обезьян!

— О, вы на редкость умелый рыболов! — не скрывая своего восхищения, подтвердил я. — Но как вам удается в великой реке времени всякий раз находить одну и ту же точку?

— В этом и заключается мастерство! — воскликнул он, сияя улыбкой. — Тут нужны особая меткость и твердая рука. Если рука дрожит — все пропало. Но и это еще полдела. Попробуйте снова забросить удилище точно в прежнее место!

— Ну, примерно в то же место...

— Никаких примерно! — завопил старик. — Разница в одну тысячную миллиметра, дорогая моя обезьяна, по времени равносильна разнице в тысячу лет. Поэтому нам почти никогда и не удается выудить что-либо путное. Прошлое слишком велико во времени. Увы, вероятность того, что попадешь не в интергалактическое пространство, крайне мала. Здесь требуется необыкновенная чувствительность и точность. Стоит мне ошибиться на десять градусов, и я промахнусь на тысячи световых лет.

— Подумать только! — с искренним восторгом сказал я. — Но, пожалуй, вы слегка преувеличиваете свои способности.

Настал момент сыграть ва-банк, другого такого случая могло и не представиться.

— Что?! Что ты сказал?

Изопус ушам своим не верил.

— Грязная свинья! И ты смеешь сомневаться в моем мастерстве?

Я пожал плечами.

— Допустим, вы говорите правду. Но если бы я увидел другую обезьяну из моего времени...

— Что было бы, если б ты ее увидел? — прорычал старик.

— Я бы сразу признал, что вы величайший рыбак всех времен. Иначе остается сомнение...

— Какое еще сомнение? — взревел Изопус.

— Что вам просто на редкость повезло.

— Так оно и есть! — стоявший рядом рыбак со злостью сплюнул.

Изопус смертельно побледнел, потом покраснел, как рак.

— Ах, вот как ты заговорил, Рик! Ну что ж. Спорим, что к вечеру я поймаю еще одну обезьяну из премозоя?

— Готов держать с вами пари! — скромно сказал я.

— Пари! Изопус предлагает пари! — радостно закричал кто-то.

Азарт заразителен. Остальные рыбаки побросали удочки и обступили нас.

— Проигравший угощает всех обедом! — предложил один из рыбаков.

— Принимаю! А теперь молчать! — приказал Изопус.

Он сменил старое удилище на новое, изохроновое, и осторожно закинул его в реку.

Ничего не скажешь, этот старикашка умел собраться. Прошло два часа. Я лежал на берегу и, затаив дыхание, следил за ним. Потом не вытерпел и тихонько вздохнул. Изопус, крепко держа удочку левой рукой, правой незаметно вытащил гаечный ключ и с неожиданной силой ударил меня по голове. Я мгновенно потерял сознание.

Когда я пришел в себя, солнце уже клонилось к закату. Рыбаки сидели по-прежнему неподвижно.

Я не сводил с Изопуса глаз, но, сколько ни старался, не мог заметить, чтобы рука его дрогнула хоть на миг. А между тем знал, что он нащупывает тысячи точек. Мое сердце, казалось, вот-вот лопнет от напряжения.

— Поймал! — раздался ликующий крик Изопуса.

Как по команде, все вскочили, Изопус яростно дернул удилище. Безрезультатно.

— Странно!

Он набрал побольше воздуху и приготовился к новому поединку. Я тоже набрал побольше воздуху. Вешу я девяносто килограммов, и заработок дается мне нелегко. А тут вообще можно было расстаться с жизнью. Тем не менее я напрягся и изо всех сил ударил Изопуса в поясницу. Старик на какое-то мгновение повис над рекой, а затем рухнул в реку вслед за удочкой. Я еле успел схватить его за лодыжку.

Когда мы вынырнули на поверхность, я все еще крепко держал старика за ногу. Не помню уж, как мы очутились в зале проверки. Помню только, что на месте Устройства обнаружил полукруглый письменный стол. Не было в зале и моего коллеги Леонардо, который в нужный момент придержал леску. Я осмотрелся и пришел к выводу, что многое здесь изменилось, и притом к лучшему. В зале стало чище, светлее и, если можно так выразиться, рациональнее.

Вошел человек в зеленом комбинезоне. Он с изумлением уставился на нас.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Откуда вы объявились?

— Я капитан Форбс, — сухо сказал я. — Из отдела научной разведки. А вы кто такой?

— Лейтенант Коллинз, — растерянно хлопая глазами, ответил он. — Простите, но я впервые вас вижу. А это что за седая обезьяна?

Он с усмешкой показал на Изопуса Великого.

— Мой лучший друг, — с улыбкой ответил я. — Страстный рыболов. Но где полковник Моррисон?

— Здесь нет никакого полковника Моррисона, — сказал лейтенант, как-то странно глядя на нас. —Быть может, теперь вы объясните, как попали в мой кабинет?

— Лично я — из будущего, — ответил я. — А где Устройство?

— Гм-м! — промычал лейтенант Коллинз. — Так или иначе...

Тут он вынул бластер.

— Сядьте и не двигайтесь. Ясно, новоявленный капитан?!

И он крикнул в некое подобие микрофона:

— Алло, это я, Коллинз. Извините за беспокойство, полковник, но у себя в кабинете я обнаружил двух очень странных типов. Один из них утверждает, будто он капитан нашего отдела. А одет в мундир двухсотлетней давности. Другой... другой похож на дистрофика... Да, совершенно верно. Слушаюсь, господин полковник.

Он наставил на нас бластер и повел в соседнюю комнату, где за столом сидел широкоплечий мужчина с суровым лицом.

— Ого! — воскликнул он. — Я думал, вы шутите. С кем имею честь? Я Транк, начальник отдела научной разведки.

— Изопус, старый обманщик! — закричал я, встряхнув старика, словно мешок картошки. — В какую эпоху ты меня закинул?

— Разве мы не в премозойской эре? — робко спросил Изопус.

— Проклятый шут! — взревел я. — Да мы промахнулись минимум на два века!

— Сами виноваты! — прохрипел Изопус, потирая поясницу. — Как я мог удержаться в нужной точке после вашего подлого удара сзади?

Должен сказать, что я, к своей чести, тут же примирился со случившимся. Человек, лишенный способности к адаптации, не может быть капитаном отдела научной разведки.

— Все это крайне интересно, — сухо сказал полковник Транк. — Квохтанье старикашки является составной частью сценария или же он и в самом деле полоумный?

— Полковник, мне было бы приятнее сказать, что перед вами двое бездельников, которым вздумалось пошутить. Но, боюсь, у вас найдутся убедительные возражения. Поэтому предпочитаю рассказать вам всю правду, хотя в нее трудно поверить.

— Кто знает? — сказал Транк, впервые улыбнувшись. — У меня богатое воображение. Во всяком случае, друг мой, я все равно узнаю правду.

В его улыбке было что-то зловещее.

Я начал свой рассказ. Назвал имя, фамилию, год и место рождения, институт, в котором учился. Не упустил ни малейшей подробности. Мне были хорошо известны все западни и ловушки паралогического допроса четвертой степени, и я умело избежал многих неприятностей. Рассказал все, что знал об отделе научной разведки с момента его основания до 1987 года. Услышав о тогдашних уставных требованиях, Транк громко расхохотался. Наконец я перешел к самому главному. Известные и неизвестные ученые, сказал я, внезапно начали пропадать, один за другим. Они бесследно исчезали среди бела дня на глазах у людей, и больше их никто не видел. И тогда полковник Моррисон, начальник отдела, выдвинул оригинальную ги-

потезу: ученых похищал кто-то из будущего. Для того чтобы проверить это предположение, сделали все возможное, чтобы наряду с учеными похитили и меня. В итоге мои попытки увенчались успехом.

Полковник Транк слушал мой рассказ с огромным вниманием. Он задал мне ряд вопросов относительно Устройства, но увы, я мало что смог ему сообщить. Затем Транк поинтересовался, не припомню ли я, какого цвета была замочная скважина в кабинете Моррисона. Я ответил.

Он умолк, откинулся на спинку стула и задумался.

— В архивах не сохранилось никаких документов об этом любопытном эксперименте, — сказал он после долгого молчания.— Однако я не случайно стал начальником отдела. Мне приходилось допрашивать самых изворотливых лжецов, и я не сомневаюсь, что вы говорите правду. Следовательно, остаются два допущения. Первое: все это произошло в действительности; второе: все это плод вашего воображения. Первую гипотезу следует отвергнуть *ipso facto*, ибо она совершенно невероятна. Если б я вам поверил... Нет, это немыслимо. Остается второй вариант. А в таком случае вас и вашего друга придется поместить в больницу для умалишенных.

Я так и подскочил.

— Не пугайтесь, — дружелюбно сказал Транк. — Пока мы воздержимся от этого шага. Я очень любопытен и никому не доверяю. Во всем этом следует разобраться хорошенько. Вы будете моими гостями, поживете на моей скромной вилле. Она очень уютная и прекрасно охраняется. Познакомлю вас с друзьями. Не сомневаюсь, что им захочется еще кое-что разузнать. И учтите, — тут он плотоядно улыбнулся, — моя жена готовит такой салат под майонезом, что пальчики оближете.

Часа через два после приезда на виллу Изопус, до этого тусклым взором глядевший вдаль, вдруг закричал:

— Река! Там река!

— Одна вода и рыбы! — уныло заметил я.

— Рыбы? — удивился он. — А что это такое?

Я, как умел, объяснил ему, и он тут же направился к берегу, где сидел одинокий рыболов. (Только идиот мог обмануться в его истинной профессии.) Подскочив к нему, Изопус прямо-таки вырвал удочку из его рук, закинул ее в воду и застыл в ожидании.

— Прегнусная река! — сказал псевдорыбак, он же сержант Додсон. — Вода и камни. Камни и вода.

— Оп! — крикнул Изопус. Он подсек удилище, и в траве забилась огромная форель.

— Быть не может! — пораженно ахнул Додсон.

— Цак! — крикнул Изопус. И в воздухе блеснул здоровенный угорь.

— Ловкость рук и мастерство! — ликующе воскликнул Изопус. — Чувствительность, нюх. Да тут богатейшая отмель!

— Разрешите поучиться у вас?

В голосе сержанта Додсона звучало глубокое уважение. И тут меня осенило. Я подошел к берегу, держа в руке бумагу и карандаш. Додсон почтительно уступил мне место.

— Итак, мой дорогой Изопус, — сказал я. — Время у нас есть. Сколько угодно времени. Расскажите же мне поподробнее обо всех этих точках, сегментах и сумме бесконечно малых и больших чисел.

— Люблю поговорить с удочкой в руках! — воскликнул Изопус в экстазе.

Так началась Эра Великих Открытий.

Серджо Туроне

Письмо из приюта

Самое скверное, что в таких вот местах, как это, все до одного могут говорить только о себе самих. Прямо наваждение какое-то! Мне тоже не терпится излить кому-нибудь душу, рассказать о своих злоключениях. Но кому? Этому павлину, который только и ищет повода, чтобы поведать о своих необыкновенных охотничьих подвигах? Или этому сластолюбивому старикашке, который пускает слюни при воспоминании о давних любовных похождениях? А быть может, выжившей из ума старухе, которая носит на голове шлем, утверждая, что обязана оберегать свою драгоценную мудрую голову?

Поверьте мне на слово, нет ничего хуже, чем попасть в приют для бывших божеств. Впрочем, поделом мне: как говорится, от добра добра не ищут. Мне ли жаловаться — имел солидное место, пользовался уважением окружающих. Вряд ли у кого другого были более веские основания, чтобы вести себя благоразумно. Так нет, надо было бросить вызов судьбе! И вот полюбуйтесь, в какую я попал беду.

Согласен, если бы не война с деревьями, все обошлось бы без осложнений. Стал бы я скромным богом где-нибудь на отдаленной планете. Если б я не откликнулся на то проклятое рекламное объявление, все осталось бы как прежде и я продолжал бы тихо-мирно работать ангелом-секретарем в архивном бюро

Рая. Знали бы вы, как горько оплакиваю я прежнее счастливое время!

Все началось в тот злосчастный день, когда на глаза мне попалась иностранная газета. В архивное бюро прежде ни разу не передавали иностранных газет, и как в нем очутилась эта, до сих пор ума не приложу. Работы у меня, по правде говоря, было немного, свободного времени — хоть отбавляй, и я с любопытством принялся проглядывать газету. На шестой странице мое внимание привлекло красочное рекламное объявление: «Хотите стать богом? Для вас открыты заочные курсы «Фульгор», лучшее учебное заведение во всей Вселенной». Далее шел адрес. Помню, прочитав эту рекламу, я улыбнулся: «Представляю себе, насколько все это серьезно!» И отложил газету в сторону, тем более что поступили новые архивные документы, требующие обработки. Вечером, беседуя с коллегой, я упомянул о знакомом херувиме.

— Что-то его давно не видно?

— А ты не знаешь? — удивился коллега. — Он сдал экзамен и получил диплом бога четвертой категории.

Я не завистлив, но, вернувшись в бюро, сразу же отыскал объявление в газете. Почему бы не попробовать? Пожалуй, стоит узнать подробности. И я написал по указанному в газете адресу.

Ответ пришел очень скоро. Мне предлагался выбор: обычный четырехгодичный курс обучения и ускоренный двухгодичный курс. Вступительный взнос был невелик и давал право на получение необходимых учебных пособий и книг.

Когда машина судьбы трогается с места, все пути ее сходятся в одной точке. Скорее всего, бланк так и пылился бы у меня в ящике письменного стола, если бы в те же дни центральный секретариат Рая, оза-

боченный повышением культурного уровня своих служащих, не издал специального декрета. Согласно приказу, все ангелы, записавшиеся на курсы университетского типа, получали право на сокращенный рабочий день. Надо ли говорить, что я тут же заполнил и отправил вышеназванный бланк. Нет, учиться на курсах «Фульгор» я не собирался, меня интересовал лишь сокращенный рабочий день. В процессе учебы предстояло сдать двести тридцать четыре экзамена, один труднее другого, а я твердо вознамерился не сдавать даже одного.

Но когда прибыли первые учебники, выяснилось, что среди прочих экзаменов надо сдать экзамен по философии. А философия всегда меня привлекала. Перелистав несколько страниц учебника, я незаметно для себя увлекся. И подумал: «В конце концов это нелепо: записаться на курсы и не сдать ни одного экзамена. Тем более что экзамен по философии для меня сущий пустяк».

И я начал готовиться к экзамену. Не очень старательно. Некоторые главы я знал прекрасно, другие, показавшиеся мне скучными, не стал читать вовсе. На экзамене вновь произошло одно из тех роковых совпадений, которые предопределяют наше будущее: мне задавали вопросы только по тем разделам, которые я отлично знал. В итоге высшая оценка — тридцать баллов с плюсом.

Это было началом конца, ибо я всерьез взялся за учебу. Сдал все экзамены. А когда пришло время дипломной работы, я решил использовать свою собственную оригинальную теорию. Сейчас при одном воспоминании об этом я готов локти кусать от злости. Почти все ничтоже сумняшеся переписывают чужие труды и получают диплом. Мне же, видите ли, понадобилось разрабатывать оригинальную теорию!

Тема моей дипломной работы называлась «Люди и растения». В ней я полемизировал с традиционными воззрениями, согласно которым бог прежде всего должен печься о благе людей. Я доказывал, приводя убедительные аргументы, превосходство растений над людьми. Суть моих рассуждений сводилась к следующему: если растения смогут разрешить технические проблемы, связанные с передвижением, они сумеют потеснить людей и создать более высокую цивилизацию.

Эта теория наделала много шуму в академических кругах. Даже архангелы, которые отвергли мои выводы, вынуждены были признать, что работа в целом имеет высокую научную ценность.

К несчастью, в тот самый день, когда я блестяще защитил эту работу и получил диплом бога, вспыхнула война между людьми и растениями.

Для меня лично она имела самые пагубные последствия — мою научную теорию сочли доказательством дьявольской двойной игры, больше того, гнусной шпионской деятельности. Меня обвинили в сокрытии данных о подготовке растениями тотальной войны. Все мои попытки оправдаться оказались тщетными. Было признано, что я тайный агент растений. Кое-кто из судей даже потребовал моего изгнания с небес Вселенной. Но в итоге верх одержали сторонники более умеренных мер, и вот я здесь. Пожалуй, я первый в истории Вселенной бог, который очутился в приюте, и дня не пробыв в этом звании.

Единственная моя надежда на то, что в происходящей войне растения сумеют одолеть людей. Только в этом случае передо мной откроются благоприятные перспективы. Полученные сведения — их сообщил мой приятель Меркурий — настраивают меня на оптимистический лад.

Для растений война складывается удачно. Непосредственным поводом к войне послужило растущее

недовольство растений беспрерывным уничтожением зелени, особенно лесов, а также выпадением радиоактивных осадков в результате атомных испытаний. Отчаявшись, деревья решили выступить прежде, чем будет слишком поздно. Люди были застигнуты врасплох. Подвижные батальоны кипарисов захватили жизненно важные центры. Равнины находятся под контролем плюща и амфелопсиса. Патрули рододендронов проникли в самые недоступные горные районы. Люди держат довольно прочную оборону лишь в прибрежных городах, но и там на них упорно наступают оливковые деревья.

Если растения победят, они наверняка изберут меня своим богом. Недаром же я столь жестоко пострадал из-за них. Правда, по словам Меркурия, одержав окончательную победу, растения, судя по всему, провозгласят своим богом старый подсолнух, который теоретически обосновал неизбежность восстания. Но если сбудутся пророчества Меркурия и рухнет моя последняя надежда, я не перенесу жизни в этом мрачном приюте.

Только и утешаюсь той мыслью, что Меркурий известный болтун!

Джанни Родари

Десять килограммов Луны

Помню ли я, когда люди высадились на Луне? Еще бы. Отлично помню. Примерно месяц спустя в дверь моей квартиры позвонили. Я открыл, на пороге, нервно потирая руки, стоял комендаторе Дзиппи.

Вбежав в комнату, он крикнул:

— Я по важному делу!

И плюхнулся на диван. Комендаторе Дзиппи весил добрых девяносто килограммов, и пружины дивана жалобно скрипнули под тяжестью его тела.

— Рассказывайте же! — горя нетерпением, воскликнул я.

— Грандиозное дело! Величайшая сделка в истории! Сколько книг в вашей библиотеке? Две тысячи? Считайте, что у вас в кармане две тысячи пачек ассигнаций по десять тысяч лир каждая. Я сразу же вспомнил о вас — не только потому, что вы мой сосед и одолжили мне термометр, когда сын заболел гриппом, но и потому, что вы человек умный, рассудительный. А это дело — только для людей рас-су-ди-тельных. Дуракам вход воспрещен — ясно?

— Долго вы будете поджаривать меня на горящих углях, комендаторе? Я и так сгораю от нетерпения. Говорите же, я слушаю.

Комендаторе Дзиппи встал, с таинственным видом осмотрелся вокруг, заглянул под письменный стол, проверяя, не прячется ли там кто-нибудь, потом зачем-то подошел к окну. Я живу на четвертом этаже многоэтажного дома, и за многие годы в мое окно

лишь однажды залетела канарейка, которую я поймал и тут же торжественно вручил консьержке.

Наконец командаторе Дзиппи снова устроился на диване и с тысячами предосторожностей извлек из кармана маленький пакет, завернутый в грубую серую бумагу и перевязанный шпагатом.

— Я потому завернул его в такую бумагу, — объяснил он, — чтобы другие подумали, будто это колбаса или сосиски. А знаете, что в нем на самом деле?

— Нет, командаторе, но жажду узнать.

— Так вот, глядите. А уж потом сами решайте, как поступать. Вы ведь человек рас-су-ди-тель-ный!

В пакете лежал кусок не то мела, не то глины величиной с кулак. Я хотел рассмотреть получше, но командаторе выхватил его и поспешно спрятал в карман.

— Ну как, посмотрели?

— Нет.

— Как это, у вас что — глаз нет?

— Будем считать, что я видел, но ничего не понял.

— Жаль. Я думал, что человек умный и рас-су-ди-тель-ный не нуждается в объяснениях. Знайте же. То, что вы сейчас держали в руках, мой дорогой друг, не что иное, как... лунный камень!

При этих словах он невольно повысил голос. Но тут же испугался и грозно приказал мне:

— Тс-с-с! Бога ради никому ни слова! Мы обязаны сохранить все в тайне. Я получил камень от одного верного друга, двоюродного брата старшей сестры жены полковника Проппи.

— Того самого, что побывал на Луне?!

— От него лично. Вернее, от двоюродного брата его старшей сестры...

— Я уже понял.

— Короче говоря, Проппи привез десять килограммов лунных камней. И он готов продать всю

партию за вполне скромную сумму. Вы, конечно, понимаете, что в столь деликатном деле он не может обойтись без посредника.

— Я понимаю, но вот какой нам прок от этих камней, мне пока неясно.

— Увы, я вынужден констатировать, что вы не только слепы, но и лишены воображения. Вам приходилось когда-нибудь бывать в Пизе?

Признаться, вопрос Дзиппи застал меня врасплох. Я никогда не был в Пизе и потому счел за благо промолчать.

— Видели вы хоть раз, — наступал на меня комендаторе Дзиппи, — с какой жадностью набрасываются туристы на сувениры падающей башни? Бешеные деньги за них платят! А ведь эти поделки гроша ломаного не стоят. Так вот, представьте себе, что произойдет, когда мы начнем продавать лунные сувениры (слово «сувенир» он произнес грассируя, на французский манер). Маленькие лунные серпы весом в два-три грамма, сделанные из подлинного лунного камня, с гарантией...

— С гарантией двоюродной сестры старшего брата...

— Вы к тому же еще и невнимательны — двоюродного брата старшей сестры... Вот, посмотрите, это заявление профессора Роуна, английского астронома с мировым именем. Он торжественно удостоверяет, что камень был обнаружен на поверхности Луны. А это письмо американского геолога Брена... Ну, а это декларация профессора Липпи. И все эти знаменитости в один голос заявляют, что речь идет о кусках лунной породы.

Комендаторе стал лихорадочно выкладывать бесчисленные пакетики с сургучными печатями. Затем снова распихал их по карманам, торжествующе поглядел на меня и выпалил на едином дыхании:

— Десять миллионов за всю партию, по миллиону лир за каждый килограмм лунной породы... Это же почти даром, не правда ли? Я уже дал ему задаток — двести тысяч лир. Но я не какой-нибудь легковерный болван, в обмен я получил образчик. Я уже подсчитал: если продавать каждый сувенир всего за двадцать тысяч лир, мы заработаем сто миллионов, из из них девяносто — чистая прибыль. Ручаюсь, туристы будут вырывать «лунные серпы» у нас из рук. Тем временем мы свяжемся...

— С младшим братом двоюродной сестры.

— Неужели так трудно запомнить?! С двоюродным братом старшей сестры. Но, если понадобится, мы свяжемся с самим полковником Проппи. Мы предложим ему пять процентов с каждого миллиона лир, и он обеспечит нам новые поставки. Представляете, у нас с вами будут исключительные права. Мы сможем продавать лунную породу тоннами. Вам придется выбросить все книги, иначе не хватит места для денег.

Комендаторе долго еще распространялся по поводу этой сногсшибательной затеи. Продажу «лунных сувениров», с жаром объяснял он, можно наладить в книжных магазинах, на железнодорожных станциях, в аптеках и даже возле церквей. Он, Дзиппи, бьется об заклад, что люди будут выстраиваться в очередь за драгоценными кусочками Луны.

— Все это очень хорошо, — прервал я его пространные объяснения, — но при чем здесь я? Какой помощи вы ждете от меня?

У Дзиппи от удивления округлились глаза.

— Друг мой, я вас очень люблю! — воскликнул он. — Но, к несчастью, вы не только подслеповаты, но и глуховаты. Разве я вам не сказал, что у меня сейчас не совсем хорошо с деньгами?

— Нет, очевидно, об этом второстепенном обстоятельстве вы просто забыли.

— Возможно, возможно. Так вот, я могу раздобыть пять миллионов. Остальные пять миллионов внесете вы. Я охотно предоставил бы вам возможность внести бо́льшую часть всей суммы и соответственно получить больший процент прибыли, но, сами понимаете, я должен позаботиться о семье, о будущем моих детей.

Я поостерегся откровенно сказать ему, что не смогу внести ни пяти миллионов, ни даже пяти тысяч лир. Как раз утром я внес квартирную плату за месяц, и у меня в доме не осталось ни лиры, хоть ищи ее с волшебной лампой Алладина. К тому же, мне в голову пришла одна идея, которой я тоже решил пока не делиться с моим другом.

— Идемте же, — сказал я, — к младшей сестре двоюродного брата старшего полковника.

— Идемте! — крикнул комендаторе Дзиппи, вскочив с дивана.

Он был полон такого неподдельного энтузиазма, что даже не заметил, что я снова перепутал все степени родства.

— Он ждет нас в пятнадцать ноль-ноль у колонны Трояна.

— Превосходное место для встречи, — сказал я.

— Вот и я так подумал. Все примут нас за обыкновенных туристов. Кому придет в голову, что в карманах у нас лунные камни.

К знаменитому монументу мы подошли в четырнадцать часов пятьдесят минут. Десять минут ожидания показались комендаторе Дзиппи целой вечностью. От возбуждения он беспрестанно пританцовывал и вертел головой во все стороны. Внезапно один из пакетиков вывалился из кармана и упал ему на ногу.

— Ай! — невольно воскликнул Дзиппи, но тут же, морщась от боли, добавил: — Какое счастье!.. Какая удача!

— Браво! — одобрил я. — Вас не пугает даже удар камнем... по ноге.

— Как вы не понимаете! Упади камень на землю, он мог бы разбиться.

— Чтобы сделать сувениры, все равно пришлось бы его разбить, — сказал я.

Но Дзиппи уже не слушал меня.

— А вот и мой приятель! — воскликнул он.

Человек, шедший нам навстречу, был одет с большой претензией. Половина его лица была скрыта массивными черными очками, а на голове красовалась широкополая соломенная шляпа. Издали его можно было принять за адвоката на пенсии либо за сыщика, заскочившего в кафе выпить «эспрессо». Его внешний вид мог бы обмануть кого угодно, только не меня. По той простой причине, что я его уже знал.

— Добрый день, — радостно крикнул Дзиппи.

— Добрый день, — с достоинством ответил человек в соломенной шляпе, протягивая ему сразу обе руки. — Ну как, все в порядке?

— В полнейшем! — с воодушевлением воскликнул Дзиппи. — Я привел своего друга. Он уже в курсе дела. Позвольте вам его представить: доктор Рос...

— Не трудитесь, дорогой Дзиппи, мы уже знакомы, — прервал я его.

— Правда? — с тревогой в голосе сказал человек в соломенной шляпе. — Что-то не припомню, где я имел честь...

— Прекрасно, великолепно! — вне себя от восторга закричал комендаторе Дзиппи. — Вы уже знакомы, всем все ясно, дело сделано.

— Вот именно, — подтвердил я, — дело сделано. И теперь синьор вернет вам двести тысяч лир.

— Что? — пролепетал Дзиппи. — Что вы такое говорите?

— Я говорю, что всего лишь шесть месяцев назад этот синьор предложил мне необычайно выгодную сделку. За какие-нибудь полмиллиона лир он готов был продать мне целую подкову коня Калигулы. Того самого коня, которого Калигула сделал сенатором. Подлинность подковы письменно удостоверили с десяток профессоров — немецких, французских, норвежских, чехословацких. Но синьор, очевидно, немного близорук — два месяца спустя он подошел ко мне и попытался продать заступ, которым Ромул якобы размозжил голову своему брату Рему. Синьор явно специалист по продаже исторических ценностей. Я не удивлюсь, если сейчас он извлечет из кармана то самое яблоко, которое Ева дала Адаму, и попросит за него всего миллион лир.

Респектабельный господин попытался улизнуть, но я успел схватить его за руку.

— Ну, зачем же так, — ласково сказал я, — отдайте деньги командаторе тихо, мирно и получите взамен кусок известки, который вы ему подсунули.

Командаторе Дзиппи выбрал этот момент, чтобы упасть в обморок — слишком много переживаний выпало на его долю за один день.

Мы вместе склонились над беднягой и принялись приводить его в чувство.

Продавец «лунных камней», который, судя по всему, был добрым малым, объяснил мне:

— Клянусь, я только хотел пошутить. Ну, как можно поверить первому встречному, предлагающему вам кусок Луны? А потом я понял, что командаторе клюнул на приманку. И тогда... Но что за странный человек. Ни разу в жизни не встречал такого... наивного командаторе.

— Видите ли, — сказал я, — мой друг Дзиппи вовсе не комендаторе. Просто его так прозвали из-за внушительных размеров. Ну, а ему это понравилось. Человек слаб.

— А, значит, он тоже не прочь провести ближнего, продать ему Луну! Что ж, вот вам деньги. Тут не хватает всего тысячи лир, которые я потратил на обед.

Мне не оставалось ничего другого, как пригласить обоих на ужин.

Беглецы из страны Повседневность

У Альберто Моравиа есть рассказ, который называется «Все как на витрине». Он интересен тем, что, несмотря на всю свою безусловную реалистичность, читается как фантастический. Столь чудовищной и безысходной предстает перед нами простая, внешне отнюдь не драматическая повседневность. Уродливая повседневность капиталистического города.

Героиня рассказа, красивая молодая женщина, в один далеко не прекрасный день обнаруживает, что живет выдуманной рекламной жизнью. Без свободы воли, без инициативы, без собственного «я». «...Это была цветная реклама известной марки сигарет. На ней была изображена семья из четырех человек: отец, мать и двое детей — девочка с мальчиком. Отец очень походил на моего мужа, мать на меня, а дети на моих детей: те же позы, то же выражение лица, и, как это ни невероятно, портретное сходство. Если не считать некоторых мелочей, одежда и обстановка тоже были одинаковые. И наконец, еще одна жестокая деталь: мы с мужем курили те самые сигареты, которые рекламировала картинка».

Так молодая итальянка пришла к страшной мысли, что ее жизненный путь, что бы она ни делала, всегда будет чьей-то копией. И выхода из этого внешне обыденного, но в основе своей жуткого заколдованного круга нет, ибо основа эта — общество потребления. Героине только кажется, что она сумеет выскользнуть из этого круговорота «чужой» жизни.

«— Я пока придумала только один выход, — говорит она мужу. — Гипнотические средства, успокоительные таблетки, препараты от бессоницы. Чтобы спать, спать, спать...

— Ты говоришь «спать». А ну-ка подними голову. Взгляни туда. Выше, выше, вон на тот щит с рекламой снотворного!»

Впечатляющий финал, что и говорить...

Вы только что прочитали третий сборник научно-фантастических рассказов прогрессивных итальянских писателей. Здесь вы встретили имена, знакомые уже по сборникам «Луна двадцати рук» и «Бандагал». Но время не стоит на месте, и фантасты ощущают это прежде всех и острее всех. Эта книга не похожа на предыдущие. Пронизывающая ее стержневая идея очень близка к реалистическому рассказу Моравиа и, видимо, отражает определенную эволюцию современной итальянской литературы. А быть может, и европейского искусства в целом. Его прогрессивной части, разумеется.

Хотя фантастика весьма многообразна, ей присущи традиционные идеи, сюжеты, проходные темы. Но и они подвержены эволюции, и бывает небезынтересно проследить за той удивительной трансформацией, которую подчас претерпевает фантастическая идея в произведениях самых разных писателей.

Очень любопытно, например, обыгрывает пресловутый «парадокс близнецов» Марко Дилиберто в рассказе «Братья-близнецы». Головокружительные гонки во времени всякий раз ставят перед нами задачу, требующую мгновенного решения. Это сродни запутанному детективу, где, что бы ни говорили критики, главное — логическая задача, «приключения» мысли. Фантастика в этом отношении неизмеримо богаче детектива. Она может вдруг обернуться задачей-ловушкой и выдать решение, хотя и вполне логичное, но

вместе с тем совершенно неожиданное. Примером тому служит другой рассказ Дилиберто «Страсть к рыбной ловле». Здесь также имеют место прыжки из прошлого в будущее и обратно, но закономерная и вместе с тем очень нетривиальная развязка лишний раз демонстрирует неисчерпаемость темы. Превратив своего удильщика в реке времени в заурядного рыболова, кстати виртуозного, писатель как бы идет от логики характера. Едва мы успеваем по достоинству оценить этот окрашенный юмором ход, как автор одной заключительной фразой переворачивает все с ног на голову, ибо эта фраза возвращает нас от конца к началу. Так неожиданность становится неожиданностью вдвойне.

Лино Альдани (рассказ «Пытливые»), напротив, постепенно подводит читателя к развязке, заставляет его ощутить предчувствие неотвратимой ее неизбежности.

Все это весьма любопытная игра ума, логические построения, где из случайных ошибок или же совпадений создаются острые ситуации. Порой такая игра поражает нас нежданной новизной, хотя зачастую она не выходит за рамки традиции. Так, вполне традиционный вариант «космической оперы» демонстрирует перед нами Джордано Питт в рассказе «Возвращение Реда Спида». Здесь и чудовищная плазма-диверсант, и невероятные превращения героев, и неизбежный «хэппи энд» (если, конечно, сбросить со счетов перерождение капитана Спида в некое ящероподобное существо).

Но не эти произведения характерны для сегодняшней итальянской фантастики, не они доминируют в сборнике «Двое на озере Кумран». Не они составляют ту стержневую идею, которая заставила меня назвать это послесловие «Беглецы из страны Повседневность».

Что же это за фантастическая страна? Какие плевелы взрастила она на земле своей? Какие больные цветы распустились на ее пустырях? Такого названия нет на географической карте, но страна эта недолго будет для нас загадкой, ибо мы ее знаем. Это капиталистическое общество потребителей, чьи неумолимые экономические законы ведут к подавлению человеческой индивидуальности, к превращению людей в роботов «постиндустриальной» капиталистической эры.

Толпы оборванцев-хиппи запрудили улицы слепых и сытых городов этой страны. Скользкие, раздувшиеся рыбы всплыли в ее отравленных водоемах. Ветер гонит по ее ночным автострадам обрывки газет и журналов, и многокрасочный унылый секс корчится в мертвом люминесцентном свете. Кончились идиллические времена. Не отдохновение от трудов несет с собой мирным жителям ночь. Под снегопадом наркотиков утопает хрупкий мостик над рекой безумия, разделившей вчера и завтра потребительской повседневности. Красная, обагренная неоном и пожарами ночь... На одном берегу горят по обочинам автомобили годаровского «Уик-энда». На другом, где простирается пустыня Мохаве, взрывается в дыме и пламени фешенебельная вилла, и восстает из обломков, и вновь взлетает на воздух в заключительной сцене «Забриски-Пойнт» Микельанджело Антониони. Огненный финал, подобный библейскому Мене-Текел-Фарес обреченного Вавилона. Чтобы больше покупать, надо больше работать. Проклятие потребительского благосостояния. Нестерпимое, как проклятие нищеты. Нищета убивает тело, жизнь в рассрочку — душу. Грустная ирония. Фарс-гиньоль капиталистического просперити.

Гульельмо из рассказа Эрманно Либенци «Человек, ставший роботом» трудится по восемь часов в день.

У него пятидневная неделя. Как и у любого из ныне живущих римлян, миланцев или флорентийцев, чьи интересы охраняют профсоюзы и соглашения о труде. Есть, впрочем, одна, казалось бы незначительная, разница. Микроскопическая гиперболизация, которая делает рассказ фантастическим. На сегодня...

Гульельмо окружен роботами. Они выполняют всю квалифицированную работу на заводе, а он лишь сметает пластикатовую стружку в ведро. Даже директор фирмы — железный ящик с прорезями и лампочками. Впрочем, это мало что меняет. Диалог, который Гульельмо ведет с синьором СЕ Бета-261 по поводу прибавки жалованья, стереотип чистейшей воды. Даже в нюансах. Машинная специфика СЕ Бета-261, его, если можно так сказать, электронная индивидуальность, проявляется лишь в точности подсчетов, в их головокружительной быстроте. Именно это и придает рассказу Эрманно Либенци столь важную для фантастики окраску достоверности. Полная взаимозаменяемость человека-хозяина и машины-хозяина как бы олицетворяет ту отчужденность, которую в свое время подметил в капитализме Маркс. Эта отчужденность, эта машиннная обезличка, подобно чудовищной мясорубке, втягивает в свое чрево все общество.

Что ждет Гульельмо, последнего человека в царстве роботов? Его будущее — гора стружки. Его удел — бессмысленный бег в беличьем колесе потребления. Подобно луддитам прошлого, Гульельмо винит в своих бедах бездушный механизм — роботов, загнавших его в стальное кольцо. Они всюду: в цеху, в директорском кабинете, дома, на улицах, в общественных местах. Но в отличие от луддитов Гульельмо не способен на бунт. Он не покинет страну Повседневность, где с каждым днем можно купить все больше вещей. На самых льготных условиях. С очень

длительной рассрочкой... Так вперед и вперед, все быстрее и быстрее! И не стоит думать о том, что электронный дьявол, подобно дьяволам прошлого, за земные блага потребует бессмертную душу. Гульельмо не угрожает ни Черный человек из сказки Гауфа, ни Мефистофель. Он хорошо усвоил законы рассрочки. Сегодня он согласился лишь на час сверхурочной работы, а завтра... Но кто в стране Повседневность может позволить себе остановиться и задуматься над тем, что будет завтра?..

Душу можно продать по-разному. Потребительский дьявол не требует ни богохульных клятв, ни расписок кровью. В его контрактах больше не встретишь рокового: «до скончания времен». Да и о душе-то, по правде сказать, разговор не заходит. Он покупает не души, а тела. Мускулы для тяжелой работы, мозги для работы потоньше, красивые ноги и красивые бедра для рекламы. Вчера ему требовались люди-сэндвичи, таскавшие зазывные щиты по улицам, сегодня он берет в аренду лбы (рассказ Примо Леви «Надпись на лбу»). На челе мужчины он выведет: «Лилибради — для него», на женском лобике — «Лиливит — для нее». Какой, спрашивается, от этого урон человеку? Совсем напротив! Считайте, что вам крупно повезло. Шутка ли, три миллиона лир за одну рекламную надпись! Да и носить-то ее придется каких-нибудь три года. Всего лишь аренда... И действительно, это только аренда, дьявол ничего не требует навечно и более не занимается скупкой душ. Души умирают сами. Под дурацкую рекламную песенку, под смешные слова, сами собой проступившие на коже младенца. Это не страшная сказка далекого детства, это электронная быль страны Повседневность. О, она далеко не однозначна, эта страна! И населяют ее очень разные люди. Одни — таких большинство — вроде бы вполне счастливы и всем доволь-

ны, другие — с ними нам тоже предстоит встретиться — стремятся к активной борьбе, третьи — просто задыхаются на многолюдных грохочущих улицах, словно в безвоздушном пространстве. А по ночам они выходят на пустые тротуары и, подобно одному из героев Рэя Бредбери, бредут навстречу темноте и тоскливому, неотвязному шуму большого города.

Среди таких ущербных, аномальных обывателей Повседневности редко встречаются борцы, способные на открытый бунт. Чаще это просто беглецы. Одни зарываются в книги, другие уходят в себя, третьи стремятся, как героиня Моравиа, сбежать хотя бы в сон. Мужчина и женщина из рассказа Маурицио Виано «Двое на озере Кумран» становятся обладателями обломка зеленого метеорита, который по ночам уносит их на далекую планету, где нет людей, где ласкова природа. Это грустный и прекрасный мотив. Он то усиливается, то пропадает надолго, но все равно всегда звучит в ушах. Он напоминает музыку «Хрустального яйца» и «Калитки в стене» Уэллса, но чем-то разнится от нее, быть может, обертонами недосказанности или же робкой флейтой надежды. А вернее всего — диссонансным скрежетом, додекофонией внезапно прорвавшейся истеричности. Ее не знали герои Уэллса. Это электронная быль Повседневности, ее наркотический срыв. В самом деле, для героев Виано зеленый метеорит становится наркотиком. Без ночных полетов они уже не в состоянии переносить заурядную и внешне благополучную жизнь, которая, подобно гигантскому катку, вот-вот вомнет их в горячий асфальт. Отсюда нервный срыв, неумолимая и истребительная тяга к побегу. Наркотическая тяга.

Но это самообман, фетишизм атомного века. Разве не похож зеленый оплавленный камешек на фетиши эпохи неолита? И разве не напоминает бамбуковая

палочка (из рассказа Анны Ринонаполи «Бамбуковая палочка») более позднюю и более изощренную символику Вавилонии и эллинизма?

Пятидесятилетний кассир Луиджи, подобно героям Виано, не рожден для борьбы. Он такой же беглец, как и растолстевший рыбак с берегов звездного озера Кумран, как его подруга, стареющая актриска Марина. И хоть у Луиджи нет камня, который освобождает спящие души от гнетущей власти времени и пространства, ему также душен воздух Повседневности и он столь же безысходно одинок в семье. Он жаждет чуда; он пытается бежать без оглядки. Куда же бежать ему, неисправимому мечтателю и добряку? В крылатую душу свою? Но она бьется в тенетах, которые расставляет Повседневность для каждого, кто медлит подписать контракт с безликим дьяволом. В безумие? Что ж, эта дорога всегда открыта... И некий старец, который, подобно Архимеду в его последний час, чертит круги на песке, передает Луиджи волшебную палочку. И тенета рвутся. Крылатая душа обретает свободу полета, свободу дарить, осчастливливать, исцелять. Лети же, лети, Луиджи, по улицам страны Повседневность! Возвращай зрение слепым, вытаскивай паралитиков из колясок, набивай карманы обывателей толстыми пачками банкнот!

Но не дано новоявленному Франциску Ассизскому изменить окружающий мир купли-продажи. Что принесли «свалившиеся с неба» деньги человеку, ставшему роботом? Что дали они людям с рекламой на лбу? Еще один первоначальный взнос на очередное сногсшибательное приобретение? Чтобы еще ближе приблизиться к страшному идеалу сигаретной рекламки Моравиа?

Тщетны были мольбы Архимеда, его прекраснодушные надежды на то, что замахнувшийся на него

мечом воин пощадит чертежи на песке. Если можно сломать душу, то почему нельзя переломить бамбуковую палочку?

Но надломленная душа все же живая душа. И в этом смысле Луиджи — победитель. Он ускользнул от Повседневности.

Чем же страшна для ущербных сынов своих эта географически расплывчатая, но социально столь конкретная страна? Только ли безумным бегом потребительского колеса?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим внимательнее фон, на котором разворачиваются жизненные перипетии наших героев. Ведь тишина повседневности обманчива. За ней грохот классовых битв, войны и тюрьмы, кровавые столкновения с полицией, расовая напряженность, катастрофическая гибель среды обитания, постоянно растущий стресс. Это мир необратимых изменений, потрясаемый катаклизмами мир. Но затхлый мещанский мирок удивительно быстро приспосабливается к любым переменам, любым потрясениям. Обыватель не хочет даже знать о чьих-то войнах, о чьем-то горе. Непостижимая быстрота адаптации — залог неизменности и постоянства. Она парализует любые попытки проветрить затхлый воздух. Тем и страшна страна Повседневность, что трагедии и звездные взлеты человечества равно доходят до нее лишь в пересчете на денежный эквивалент. Поэтому-то и неумолимые жернова ее — потребительское колесо и реклама — призваны адским шумом своим и мельканием света отвлечь человека от борьбы, даже от мысли единой об истинных противоречиях окружающего его мира. Отсюда проистекают и инфляция чувств, и присущий капиталистическому обществу неприкрытый цинизм. Какая в конце концов разница, чем торговать? Поддельными древнеримскими монетами или куском известки,

выдаваемым за лунный камень (Джанни Родари «Десять килограммов Луны»)? Жизнь подобна стоячему болоту. Меняется лишь номенклатура товара и курс лиры на фондовой бирже, а деловая сметка и людская глупость столь же прочны, как золотой паритет. На них всегда можно ставить, они не подведут. Остальное — видимость, иллюзия, подверженная к тому же быстрой инфляции. Она прежде всего затрагивает так называемые чувства. Любовь, например.

У фантастов почему-то стало традицией смотреть на Землю как на последний островок нежности в бездушной рациональной Вселенной. Порой это балаган с пикантным аттракционом, а порой — своего рода обветшалая обитель полузабытой знаменитости. И хотя она (в данном случае крылатый и пламенный Эрос) давно почила в бозе, что-то, пусть крохи, в этом доме осталось. В итоге — горький осадок, банкротство, разочарование героев. Таков финал и беспощадного «Паломничества на Землю» Роберта Шекли, и грустно-сентиментального рассказа Лино Альдани «Рыжеволосая». Герои обоих рассказов предпринимают паломничество на Земле в поисках любви.

Герои Альдани, Андре и Веена, — беглецы. И тот и другая в любви пытаются найти пристанище от повседневности. Она — «не такая, как все» на своей планете, он — человек, чуждый раю средиземноморской Ривьеры. Оба ставят на любовь максимальные ставки — самих себя и весь мир. Но капризы рулетки непостижимы. Выпадает зеро. Высокое, мучительное напряжение любви немногим дано выдержать. Таковы беспощадные правила игры. Любовь Андре и Веены была обречена на проигрыш с самого начала. В итоге мир Андре рушится. Вокруг него привычная повседневность, но сам он изменился, и в этом мире ему нечего делать. У Веены остается надежда. Она ждет,

что на пепелище любви возникнет новая жизнь. Увы, этого не случится — Андре пять лет работал с радиоактивными элементами. Она этого не знала, как и он не знал, кто она и чего хочет. Они взлетели на крыльях Эроса, эти беглецы, но упали и разбились. Это трогает. Однако слезы сочувствия вызвать легче, чем заставить человека задуматься всерьез.

Рассказы Примо Леви заставляют задуматься всерьез. Его героями движет болезненная жажда справедливости. Это губительный, но чистый огонь. В нем выковывается сталь сопротивления.

Маленький Марио из рассказа «Иные», как видно из самого названия, тоже «не такой, как все». И он разделяет уготованную подобным мальчикам участь: становится объектом насмешек и мстительного недоверия класса. На Юге США он был бы первым негром в «интегрированной» школе, в любом другом месте — «умным очкариком», не разделяющим неистовые забавы сверстников. В одном случае его судьба могла бы стать трагичной, в другом — просто трудной. Слабые в таких испытаниях ломаются, сильные выходят еще более закаленными. Порой, пройдя суровую школу мальчишеских побоищ, они становятся вожаками. Но именно в этот триумфальный момент перестают быть «особенными» и делаются «как все».

Марио «не такой, как все». И не потому, что окружен слухами и полунамеками. Рождение в колбе, отсутствие пупка и тому подобное — всего лишь необходимый фантастический реквизит. Точнее, намек на возможный в будущем новый расистский миф, направленный против «искусственных людей». Такой миф был бы закономерным ответом страны Повседневность на будоражущую затхлый воздух весть о конечном успехе экспериментов в стиле профессора Петруччи.

Примо Леви предвидит такую возможность, но акцентирует внимание читателей на другом. Его Марио становится жертвой растущей нетерпимости по самой тривиальной, казалось бы, причине. Разговоры о пупке — лишь аккомпанемент неорасистского мифа. Поэтому рассказ можно рассматривать как вполне реалистический. И тем острее и закономернее, несмотря на свою неожиданность, выглядит развязка. Слова Марио «Нет, мы не играем в футбол» приобретают символическое значение. Это и проклятие кошмарной повседневности с ее нетерпимостью и неправдой, но это и кичливый вызов. Отчаянная самозащита, в тот же миг ставшая нетерпимостью. Отныне Марио говорит тем же языком, что и все. Провозгласив свою исключительность, он смирился с заурядностью. Он стал таким же, как и остальные. Ренато заставил его сойти с недоступной звезды. Страна Повседневность может более не опасаться бунта. В лучшем случае Марио станет ее беглецом. И для нас уже не важно, как будет решена острая дилемма. Нам сразу же становится безразлично, рожден ли Марио женщиной или выращен в колбе.

Сильвестро, другой герой Примо Леви (рассказ «Трудный выбор») действительно не рожден женщиной. Мир, в котором он живет, довольно туманный. Здесь и всемогущество столь распространенных в фантастике «галактических служб» и «служб времени», и космический вариант индуистского метапсихоза с его изощренным учением о карме. Но это и вполне рациональный, нетрансцендентный мир, где властвует принцип свободы воли. Что же касается несколько эклектичного смешения эдакого рекламно-туристского набора с идеей звездного мессианства, то, выражаясь языком математиков, оно входит в условие задачи.

Все дело в том, что писатель поставил своего героя в необычное положение. На него возложена задача проникнуть в Повседневность и взорвать ее изнутри. Вполне традиционная для фантастики идея. Но подана она несколько необычно. Ибо в мире самого Сильвестро, видимо, тоже не все обстоит благополучно. Недаром разговор о его возможном паломничестве на Землю начинается с рекламного глянца туристских проспектов. Путешествие в человечество, круиз в тело людское описывается стандартным набором фраз, словно наугад выхваченных с витрины агентства Кука. Здесь и заманчивые картины океанских закатов, и рекламные изображения человеческого тела, и такие предметы материальной культуры, как нейлоновые чулки. Подобный набор ширпотребных соблазнов одновременно является своего рода тестом для выявления натур, годных для галактического миссионерства, способных работать, в частности, в специфических условиях Повседневности. А для непривычного ока эти специфические условия малопривлекательны: расовые проблемы, острые социальные противоречия, сжигаемые напалмом города, слезоточивый газ... Но это, так сказать, болевые точки, экстремальные отклонения.

В целом же картина отнюдь не столь напряженная, и это лишь подчеркивает ее унылую безысходность. Недаром Примо Леви делает особый упор на ужасающее однообразие быта, на постоянное ожидание чуда, которое должно прийти завтра и которое никогда не придет. И Сильвестро, этому «аспиранту предвечного», дано было увидеть и понять все, что происходит в тишине Повседневности. Он действительно подходит для уготованной ему миссии, ибо ясно осознает, что никакое чудо, никакое вмешательство извне не спасет порабощенных обитателей Повседневности. Только разум, жалость, терпение и

смелость. Но разве можно принести их откуда-то сверху, как прометеев огонь? Эти чисто человеческие ценности, претерпевшие столь сокрушительную инфляцию, могут взрасти лишь в человеческом сердце. И Сильвестро делает свой трудный выбор. А на предложение облегчить его миссию заранее заданной судьбой отвечает:

«Я принимаю ваше предложение. Но я хотел бы родиться по воле случая, как и все остальные, без изначальных преимуществ и поблажек. Иначе всю жизнь я буду чувствовать себя ловким пройдохой. Вы меня понимаете, не правда ли? Вы же сами сказали, что каждый человек — кузнец своего счастья. Так лучше самому ковать судьбу. Я предпочитаю сам создавать себя. Лишь тогда мой путь будет единственно правильным. И лишь тогда тернистый путь человечества станет и моим путем».

Мы не знаем, кем и где родится Сильвестро. Но мы можем быть уверены: бегство из Повседневности — не его путь.

И если в других рассказах сборника авторы не идут дальше констатации факта, что капиталистическая повседневность становится невыносимой, то Примо Леви делает еще один шаг. Он недвусмысленно говорит о том, что ее нужно взорвать изнутри.

Еремей Парнов

Содержание

Двое на озере Кумран

Сборник научно-фантастических рассказов

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *Б. А. Алимов*

Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *Е. Н. Лебедева*

Корректор *Н. А. Гиря*

Сдано в набор 20/IV 1972 г.

Подписано к печати 4/X 1972 г.

Бумага № 1 $70 \times 108^1/_{32} = 3{,}38$ бум. л. 9,45 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8,98. Изд. № 12/6202.

Цена 49 коп. Зак. 171

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Измайловский проспект, 29.

49 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Двое на озере Кумран